

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

Материалы Всероссийской научной конференции

г. Москва, МПГУ, 20 апреля 2018 г.

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»
Институт социально-гуманитарного образования**

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

**Материалы Всероссийской научной конференции
г. Москва, МПГУ, 20 апреля 2018 г.**

**МПГУ
Москва • 2018**

УДК 94(47+57):355.426
ББК 63.3(2)612я431
Г756

Редакционная коллегия:

А. В. Ефремов, кандидат исторических наук, доцент
Л. Г. Косулина, доктор исторических наук, профессор
С. В. Леонов, доктор исторических наук, профессор
Г. В. Талина, доктор исторических наук, профессор

Г756 **Гражданская война в российской истории: взгляд через столетие** : материалы Всероссийской научной конференции, г. Москва, МПГУ, 20 апреля 2018 г. / под общ. ред. Г. В. Талиной. – Москва : МПГУ, 2018. – 222 с.

ISBN 978-5-4263-0695-0

Сборник содержит статьи участников Всероссийской научной конференции, состоявшейся в Москве 20 апреля 2018 г. Объектом исследования авторов являются различные аспекты истории Гражданской войны: вооруженное противоборство на территории бывшей Российской империи в 1917–1922 гг., его региональные особенности; трансформация социальной структуры, массовые движения, повседневность и способы выживания населения, общественные настроения и культура, персоналии; внутренняя и внешняя политика противоборствующих сил, государственные структуры, партии, общественные организации, церковь и конфессии в условиях гражданского противостояния; методика преподавания гражданской войны, ее отражение в вузовских и школьных учебниках.

Книга предназначена для специалистов-исследователей, аспирантов и студентов, изучающих проблемы развития современного российского общества.

**УДК 94(47+57):355.426
ББК 63.3(2)612я431**

ISBN 978-5-4263-0695-0

© МПГУ, 2018
© Коллектив авторов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА: ФАКТЫ И ОЦЕНКИ

Чиняков М.К.	Французские войска в Гражданской войне в России (1918–1920)	7
Ершов В.Ф.	ОСВАГ против «Окон РОСТА»: идеологическая война красных и белых	19
Куренышев А.А.	Крестьянский фронт в Гражданской войне. Миф или реальность?	29
Леонов С.В.	Советская (1917–1922) и самодержавная государственность: проблема новизны и преемственности	39
Войтиков С.С.	Дискуссия о «верхах» и «низах» в партии большевиков	51
Белоусов И.В.	Сепаратизм в контексте Гражданской войны в России. Оценка исторического опыта (1918–1921)	62
Бабкин М.А.	Поместный собор Русской православной церкви и убийство Николая II	66
Аристова К.Г., Маслова И.И.	Церковный раскол и начало Гражданской войны в Пензе	76
Баконина С.Н.	Гражданская война глазами эмигранта: Иннокентий Николаевич Серышев – священник, эсперантист, революционер	81
Дьячков В.Л.	Три цвета Гражданской войны. Часть I. Методология и методика анализа	92
	Часть II. Первые результаты анализа	100
Канищев В.В.	Типы революционного времени и судьбы офицеров императорской армии в 1917–1920 гг.	123
Медведев А.А.	К вопросу об антропологическом измерении социальных конфликтов	130

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСТОЧНИКАХ, ИСТОРИОГРАФИИ, УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ

Куренышева Е.П.	Письма красноармейцев и их родных как источник истории Гражданской войны	142
Талина Г.В.,	Научная и учебная историческая литература	148

Пожилов Д.М.	о причинах гибели царской семьи	
Сарин Д.П.	Особенности изучения Гражданской войны в рамках школьной программы при переходе на линейную систему преподавания истории России	161
Литвиненко В.А.	Песни Гражданской войны как отражение морального духа противоборствующих сторон: историко-психологический анализ	171
Короткий Г.А.	Трагедия Гражданской войны через призму поэмы С. Есенина «Страна негодяев»	182
Смирнов А.Г.	Отражение отечественной культуры повседневности периода Гражданской войны в творчестве И. А. Владимириова	193
Васильева В.В.	Образ женщины периода Гражданской войны в художественной литературе	207
Черныш А.М.	Д. В. Лехович – биограф генерала А. И. Деникина	211
Сведения об авторах		216

TABLE OF CONTENTS

CIVIL WAR IN RUSSIA: FACTS AND ASSESSMENTS

Chiniakov M.K.	French troops in the civil war in Russia (1918– 1920)	7
Ershov V.F.	OSVAG against ROSTA Windows: ideological war of Red and White	19
Kurenishev A.A.	The peasant front in the civil war. Myth or race?	29
Leonov S.V.	Soviet (1917–1922) and Autocratic Statehood: Problem of Novelty and Succession.	39
Voystikov S.S.	The Discussion about the «tops» and «underdogs» in the Bolshevik party	51
Belousov I.V.	Separatism in Context of Civil War in Russia. Assessment of Historical Experience (1918– 1921).	62
Babkin M.A.	Local Council of the Russian Orthodox Church and the murder of Nicholas II	66
Aristova K.G., Maslova I.I.	Church split and beginning of Civil war in Penza	76
Bakonina S.N.	Civil War through the eyes of an Emigrant: Innokenty Nikolaevich Seryshev – Priest, Esperantist, Revolutionary	81
Dyachkov V. L.	The Whites, the Reds, the Greens of Russian Civil War Part I. The Concept And the Methods of Insight Part II. Some Results of Marking Social Aggression	92
Kanishchev V.V.	Types of Revolutionary Time and Fates of Imperial Army Officers in 1917–1920	123
Medvedev A.A.	To the question of the anthropological dimension of social conflicts	130

CIVIL WAR IN SOURCES, HISTORIOGRAPHY, TEXTBOOKS AND CULTURE

Kurenysheva E.P.	Letters of Red Army Soldiers and Their Relations as Source on History of Civil War	142
Talina G.V., Pozilov D.M.	The Reasons of Tsar's Family Murder as Reflected in Scientific and Academic Historical Literature	148

Sarin D.P.	Features of studying the Civil War in the 161 framework of the school curriculum while the change to the linear system of teaching the history of Russia
Litvinenko V.A.	Songs of the Civil war as a reflection of the moral 171 spirit of the warring parties: historical and psychological analysis
Korotky G.A.	Civil War Tragedy in the Light of S. Yesenin's 182 Poem «Country of Villains»
Smirnov A.G.	Reflection of the Russian domestic culture of 193 everyday life during the Civil war in the creative work of I. A. Vladimirov
Vasileva.V.V.	The Image of a Woman of the Civil War Period in 207 Belletristic Literature
Chernish A.M.	Dimitry Lekhovich – biographer of General 211 A. Denikin
Authors' information	219

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА: ФАКТЫ И ОЦЕНКИ CIVIL WAR IN RUSSIA: FACTS AND ASSESSMENTS

Чиняков М. К.

Французские войска в Гражданской войне в России (1918–1920)

Аннотация. В работе впервые исследуется история пребывания французских войск на территории России в указанный период вне рамок изучения деятельности других союзнических войск. Большое внимание отведено особенностям изучения проблематики в отечественной и зарубежной литературе. На основе российской и французской литературы автор разбирает проблемы формирования французских войск для ведения боевых действий на территории России, их состав, их участие в боях, их настроения, и приходит к выводу о недостаточной изученности данной тематики как в России, так и за рубежом, в равной мере и о многогранности явления под названием «иностранный интервенция в России периода Гражданской войны».

Ключевые слова: Первая мировая война, Гражданская война, Россия, Франция, Иностранный легион, мятеж французских войск на Черном море, Сибирский колониальный батальон, Батальон Иностранного легиона Северной России.

Chiniakov M. K.

French troops in the civil war in Russia (1918–1920)

Abstract. In this work the history of the presence of French troops on the territory of Russia for the first time is studied outside the framework of studying the activities of other allied forces. Much attention is devoted to the peculiarities of studying problems in domestic and foreign literature. On the basis of Russian and French literature, the author analyzes the problems of the formation of French troops for conducting military operations on the territory of Russia, their composition, their participation in battles and their moods, and comes to the conclusion that this subject has not been sufficiently studied both in Russia and abroad, in and equally about the multifaceted phenomenon called «foreign intervention in Russia during the civil war».

Keywords: The First World War of 1914–1918, civil war, Russia, France, Foreign Legion, the mutiny of French troops on the Black Sea, the Siberian Colonial Battalion, the Battalion of the Foreign Legion of Northern Russia.

Данная тематика никогда не была белым пятном в отечественной и зарубежной литературе. В отечественной литературе советского периода об участии французских войск (как составной части войск Антанты) в Гражданской войне в России рассказывалось очень много (монографии, диссертации, статьи в соответствующих энциклопедических изданиях и научных сборниках) [см., напр.: 1; 6; 7;

13; 21; 32; 33], как и на других языках, в том числе прежде всего на французском (монографии, исследования, полковые истории) [см., напр.: 38–40; 43; 45; 46; 51; 52; 54]. Однако отдельные исследования именно о пребывании французских войск в России в указанный период, за более чем редким исключением (А. И. Гуковский) [8], отсутствовали.

В советской литературе французские войска рассматривались с классических идеологических позиций как отправленные французской буржуазией войска против советских рабочих и крестьян, вопреки воле простых французских солдат и матросов.

В зарубежной, точнее французской, литературе до 1990-х гг. присутствие французских войск в России представлялось с разных точек зрения: во-первых, как логичное продолжение Восточной (Балканской) кампании (в отношении оккупации Южной России); во-вторых, как защита интересов Франции (в качестве одной из стран Антанты) против оккупированной части России государством Центрального блока (Германией); в-третьих, как поддержка нарождавшемуся антибольшевистскому Белому движению, стороннику союза со странами Антанты (против заключившей мир с Берлином большевистской Москвы); в-четвертых, комбинированный вариант из трех только что озвученных.

Хотя в современной российской литературе (с 1990-х гг.) исчезли идеологические догматы (довлевшие над советскими авторами), столь весомый фактор не привел к резкому росту количества и качества работ, хотя периодически выходят очень интересные исследования. Например, работа российского исследователя А. И. Дерябина, ставшая базовой для изучения боевого состава французских войск [см., напр.: 3; 5; 9; 23; 27; 29]. Отдельно следует выделить ряд публикаций в блогах, на форумах и на различных сайтах соответствующей тематики [см., напр.: 58; 60; 62–64].

В современной зарубежной литературе пишущих на кириллице авторов того же периода рассматриваемая проблема в равной мере не вызывает пристального внимания историков. С другой стороны, можно, например, указать совместную статью украинского и французского историков, где французская интервенция преподносится не как оккупация Украины, а как некое военное присутствие французских войск на ее территории [см., напр.: 20; 30; 31].

В современной французской литературе данная проблематика изучается крайне отрывочно и без изучения источников на русском языке (иногда, как у Ж.-Д. Авенеля, без учета мнения наработок советской литературы) [см., напр.: 37; 49; 50; 53; 55], хотя не является полностью забытой, о чем свидетельствует живая переписка между

пользователями на французских форумах (как правило, с целью поиска боевого пути их предков) [57; 59].

В целом концепция по истории пребывания французских войск в России периода Гражданской войны в современной отечественной литературе явно изменилась: идеология классового подхода заменяется на другую, провозглашающую практически безоговорочно поддержку действиям французских (и иных) оккупантов как союзников Белого движения против большевиков без какого бы то ни было учета стратегических целей в отношении России со стороны Франции (и других стран-интервентов). Эта новая концепция в России близка к точке зрения на историю пребывания французов в Южной России в современной зарубежной (украинской) литературе (в связи с изменением политического вектора на Украине и современной политикой Киева), где пытаются представить интервенцию как некое присутствие иностранных войск на территории Украины. Напротив, во французской литературе современного периода (с 1990-х гг.) концепция действий французских же войск остается прежней.

Имеющиеся источники (опубликованные) следует разделить на две категории: официальные документы и воспоминания (не считая газет). К первой категории следует отнести приказы, директивы советского командования во время сражений против французских войск, а также выложенные французским Военным министерством в открытый доступ к 100-летию начала Первой мировой войны журналы военных действий воинских соединений и частей, где можно встретить историю полков и отдельных батальонов с описанием боев указанного периода и тематики [см., напр.: 4; 11; 14; 15; 19]. Ко второй – мемуары (военачальников, дипломатов, непосредственных участников французских частей, воевавших в России) [см., напр.: 10; 12; 18; 22; 24–26; 28; 34; 35; 41; 44; 56].

Из неопубликованных источников можно назвать массивы документов, разбросанные по соответствующим фондам государственных архивов России, Франции, Украины.

По изучению вышеозначенной литературы можно указать ряд характерных ее черт: во-первых, авторы (отечественные и зарубежные) исследовали преимущественно военно-политические обстоятельства ввода французских войск и их пребывания в России; во-вторых, исследование деятельности французских войск рассматривалось наравне с союзной интервенцией вообще; в-третьих, следует отметить некую бессистемность изложения материала (отсутствие специальных работ по заявленной теме с привлечением широкого круга иностранных источников и литературы); в-четвертых, политические

(и идеологические) императивы, довлеющие над авторами (прежде всего отечественными и украинскими); в-пятых, языковые проблемы у отечественных и зарубежных исследователей для знакомства с литературой и источниковой базой фондов других стран; в-шестых, недоступность для отечественных исследователей зарубежных архивов по субъективным причинам (например, в силу отсутствия денежных средств и времени для полноценной работы).

В заключение можно отметить недостаток у авторов, пишущих на русском языке, – незнание ими специфики французской военной терминологии: алжирские стрелки, именуемые во французской литературе как тюркосы (*turcos*), могут называться турками; артиллерийские дивизионы – артиллерийскими группами; 501-й танковый полк (буквально переводится как «полк штурмовой артиллерии» – *501 erégitment d'artillerie d'assaut*) – артиллерийским полком [30, с. 150] и др.

В силу вышеизложенного данный доклад представляет попытку придать некую целостность накопленным отечественными и зарубежными (прежде всего французскими) исследователями знаниям по истории пребывания французских войск на территории России в вышезаявленный период.

Нижеследующий материал можно разделить на три условные части: пребывание и боевая деятельность французских войск на Севере, Дальнем Востоке и Юге России. Каждая из трех частей будет рассматриваться по некоторым проблемам: формирование, численность, участие в боевых действиях, состояние боевого духа.

Французские войска на Севере России. Первые французские части (21-й маршевый батальон колониальной пехоты) прибыли в Мурманск в марте 1918 г. на борту французского крейсера «Адмирал Об»; в августе союзники высадились в Архангельске.

В течение некоторого времени французы увеличили отряд за счет отправки из Франции разных частей и подразделений, состав которых является предметом для споров. Всего к 31 декабря 1918 г. в Северной России французы сосредоточили около 70 офицеров и 2 тыс. солдат (без учета моряков), что составило около 6% от численности всех иностранных оккупантов в данном регионе [43, р. 456; 9, с. 24; 23, кн. 1, с. 312–313].

Для пополнения французского отряда летом 1918 г. в центре Архангельска открылся вербовочный пункт Иностранного легиона, но не для набора легионеров (лиц, заключавших стандартный пятилетний контракт), а волонтеров легиона (т. е. с обязательством воевать до окончания боевых действий). Судя по всему, служба в легионе не

пользовалась большой популярностью: с декабря 1918 по март 1919 г. в составе 1-го Иностранного полка Иностранного легиона был сформирован только небольшой отряд, состоящий из двух рот, – Батальон Иностранного легиона Северной России (Bataillon de la Légion Etrangère de Russie du Nord), всего 17 офицеров и 320 солдат (май 1919 г.) [47, р. 142; 42, р. 363; 2, с. 154]. В июле 1919 г. была сформирована третья рота (пулеметная). Между 15 сентября и 7 октября 1919 г. Батальон Иностранного легиона Северной России был расформирован.

Несмотря на малое количество волонтеров Иностранного легиона (три роты), они обладали высоким боевым духом – в секторе у селения Обозерская, где они держали оборону, красные не смогли продвинуться к Архангельску ни на дюйм. Некий капрал батальона Сергей Чемесов (Serguei Tcheimessoff) был награжден наградой США «Крестом за выдающиеся заслуги» [55, р. 16; 48, р. 205–206]. Большие потери легионеры несли не столько в боях, сколько из-за погодных условий (многие страдали от обморожения): сражаться приходилось в 30-градусные морозы.

Ввиду объективных и субъективных причин, с начала весны 1919 г. французы постепенно начали уходить с фронта, а с конца лета того же года не только французы, но и союзники ушли экспедиционные силы обратно. 14 октября Архангельск оставили последние офицеры Французской военной миссии.

Боевой дух французских солдат (в отличие от легионеров) был невысок. С самого прибытия французов в Мурманск и Архангельск возникли многочисленные проблемы, причиной которых явились следующие обстоятельства: уже существовавшие до прибытия в Россию антиимпидистские настроения, резко обострившиеся на фоне боевых действий в тяжелых климатических условиях; недовольство между союзниками (например, французы высказывали недовольство в адрес англичан и американцев, как правило, из-за более качественного снабжения последних обмундированием, боеприпасами и питанием); недовольство французов отсутствием поддержки со стороны местного населения; непонимание французскими войсками цели и смысла их пребывания в России. Насколько солдаты были подвергнуты именно большевистскому влиянию, и существовало ли оно в действительности, точно неизвестно, но, по крайней мере, французское командование не видело взаимосвязи между антивоенным движением и большевистской агитацией.

В итоге разразился вполне предсказуемый мятеж: в феврале – марте 1919 г. около двух десятков солдат 21-го батальона потребовали

отправки домой и отказались выполнять приказы начальства, но заверяя командиров в немедленном отражении любой возможной атаки со стороны противника. Все они были арестованы. Однако волнения продолжились, и к пехотинцам присоединились артиллеристы.

С большим трудом, путем долгих уговоров, начальство сумело пресечь дальнейшее распространение недовольства. Всего к трибуналу было привлечено 146 солдат, которых отправили для прохождения службы в Марокко в составе дисциплинарных частей.

Французские войска на Дальнем Востоке. Участие французских войск в боях на Дальнем Востоке сегодня изучено (но на сайтах и форумах Интернета) во многом благодаря единственному доступному для отечественных исследователей источнику, выложенному в Интернет французским Министерством обороны, – журналу военных действий (отпечатанному на машинке, что облегчает прочтение) Сибирского колониального батальона. Это фактически единственная французская часть, принявшая активное участие в боях в Сибири и на Дальнем Востоке, не считая французского авиаотряда (17 истребителей «Сопвич»).

Для участия в колонизации российского Дальнего Востока французы сформировали (в силу приказа военного министра от 3 июля 1918 г.) в Ханое сводный 5-ротный батальон под названием Сибирский колониальный батальон (*Bataillon colonial Sibérien*), что представляло обычную практику для французской армии, когда требовались небольшие воинские единицы для выполнения ограниченных по времени и в территориальном пространстве задач. Батальон был сформирован из рот 9-го и 16-го полков колониальной пехоты, 3-го зуавского полка и одного из четырех полков тонкинских стрелков общей численностью 1400 чел. В октябре батальон был усилен сводной артиллерийской батареей (четыре 75-миллиметровые пушки) полевой артиллерии образца 1897 г.) под неким условным названием Сибирская батарея (*Batterie Sibérienne*): 3 офицера и 159 солдат 4-го и 5-го полков колониальной артиллерии.

По прибытии в августе 1918 г. во Владивосток батальон сразу активно включился в вооруженную борьбу против красных (14–24 августа), где его общие потери составили (за этот же период) 22 человека, после чего батальон вывели в тыл, а в октябре – в Харбин (куда и прибыли артиллеристы). Вероятно, причиной тому оказался подорванный боевой дух офицеров и солдат батальона, о чем достаточно часто говорилось в журнале военных действий, но без малейшего упоминания о каких-либо волнениях или брожениях. В ноябре батальон вернулся на театр военных действий, но на

передовую не попал, хотя нареканий о его боевом духе в журнале военных действий не встречается.

Приказом военного министра Ж. Клемансо от 30 апреля 1919 г. батальон был отмечен за мужество в боях и получил право носить на своем знамени почетное наименование «Сибирский» (de Sibérie) и даты «1914–1919».

В феврале – марте 1920 г. французское командование вывело все свои войска с Дальнего Востока морем в Ханой; при уходе союзников из Владивостока батальон обеспечивал их эвакуацию. С 24 июня 1920 г. Сибирский колониальный батальон был расформирован, а его военнослужащие вернулись обратно в свои полки.

Французские войска на Юге России. В Южной России была представлена самая многочисленная часть французских экспедиционных сил – общая численность французских войск (прибывавших несколькими эшелонами) достигала около 10 тыс. чел.

В ночь с 15-го на 16 ноября 1918 г. союзный флот вошел в Черное море. С 4-го по 18 декабря французы заняли Одессу; с 26 декабря 1918 г. по 4 января 1919 г. – Севастополь. В Южной России находились две условные группировки: сухопутная и военно-морская. Сухопутные силы включали части 1-й группы дивизий Союзной Восточной и Дунайской армий; военно-морские силы – так называемую Дарданельскую эскадру. Общее командование всеми союзными экспедиционными силами (включая французские) в Южной России (включая Крым) осуществлял главнокомандующий Союзной Восточной армией генерал Л.-Ф.-М.-Ф. Франше д'Эспре.

В состав французских сухопутных войск к весне 1919 г. на территории Южной России (включая Крым) входили три условные части: 30-я и 156-я пехотные дивизии и войска, не входившие в их состав, сведения о которых противоречивы [9, с. 24, 26, 28; 38, р. 135–137; 40, р. 67, 77, 78, 80, 81; 36, с. 242, 243, 860, 861].

В составе Дарданельской эскадры находились линкоры «Верньо», «Жан Бар», «Жюстис», «Мирабо», «Прованс», «Франс», бронепалубные крейсеры «Гишан», «Дюшель», броненосные крейсеры «Брюи», «Вальдек-Руссо», эсминец «Деорте», миноносцы «Алжирец», «Сакалав», «Сенегалец», авио (сторожевые корабли) «Альдебаран», «Бар-лёт-Дюк», «Дюнкерк», «Дюшаффо», «Скарп», «Туль».

Боевые столкновения с противником (красные, войска атамана Н. Г. Григорьева) начались практически сразу по высадке интервентов и попыток продвинуться вглубь территории. Хотя первоначально французам удалось достигнуть успеха (при поддержке белых частей) в расширении зоны оккупации, дальнейшие попытки по ее удержанию (не

говоря уже о расширении) полностью провалились [40, р. 84; 45, р. 27; 51, р. 55].

Поскольку белые и союзнические силы отступали по всем направлениям под натиском противника к Черному морю, то 1 апреля Франше д'Эспре, учитывая факты неподчинения французских солдат офицерам, с согласия Клемансо, отдал приказ об эвакуации союзных войск, включая французские. 7 апреля, после завершения эвакуации, атаман Григорьев вошел в Одессу.

Бои развернулись и в Крыму, где союзными силами (на тот момент фактически только в Севастополе), включавшими французов, командовал (с 29 марта 1919 г.) полковник 80-го пехотного полка Э. Труссон [38, р. 156; 26, с. 256]. 16 апреля 1919 г. части 2-й Украинской советской армии (А. Е. Скачко) двинулись на штурм Севастополя, но после двухдневных боев (16–17 апреля) атаковавшие потерпели поражение.

Несмотря на успех, ситуация для союзников оставалась напряженной (нехватка боеприпасов, слабый боевой дух войск и моряков), и 17 апреля Труссон подписал 8-дневное перемирие (с 18-го по 25-е), в ходе которого французское командование, с согласия того же Клемансо (18 апреля), приняло решение об эвакуации из Севастополя. 28 апреля последние французские солдаты оставили город, в который 30-го вошли войска 2-й Украинской армии.

С присутствием французских войск в Южной России связано широкомасштабное антивоенное выступление моряков Дарданельской эскадры, получившее название «Черноморское восстание на французском флоте», подорвавшее и без того невысокий боевой дух французских интервентов. Их слабую мотивацию предугадал в октябре 1918 г. Франше д'Эспре, предупреждавший о риске возникновения опасных волнений среди французских войск в случае возможной оккупации территории Южной России [40, р. 76; 9, кн. 3, с. 403–404]. С 16 апреля по 10 мая на десятке кораблей французского военно-морского флота вспыхнул мятеж: в частности, на двух линкорах («Франс» и флагманский корабль «Жан Бар») моряки под пение «Интернационала» подняли красные флаги (рядом с французским триколором) и отказались выполнять приказы офицеров. Однако офицеры проявили твердость и призвали для усмирения мятежников моряков с других кораблей, отличавшихся более высоким боевым духом. В результате руководители мятежников были арестованы, а дисциплина восстановлена.

Репрессии против мятежников не заставили себя ждать: около десятка моряков были расстреляны, а остальные (несколько десятков

человек) были отправлены в Марокко в составе дисциплинарных частей (как и бунтовщики на Севере).

Главные причины мятежа моряков были идентичны причинам мятежа среди чинов 21-го маршевого батальона колониальной пехоты, особенно непонимание французскими войсками цели и смысла их пребывания в России. С другой стороны, остается нерешенным вопрос о степени влияния на матросов проводившейся большевиками агитации и пропаганды.

Таким образом, можно прийти к некоторым **выводам**:

- степень изученности вопросов, касающихся пребывания французских войск в России, их военного быта, боевого состава, отношения с местным населением, представляется невысокой, усугубленной, мешающей более полному восприятию старой и новой политической конъюнктуры;
- неравномерная численность французских войск на территории России демонстрировала главные интересы Франции именно в Южной России (около 10 тыс. чел.), а не на Севере (2 тыс. чел.) или на Дальнем Востоке (1,4 тыс. чел.), где присутствие французских войск было по сути формальным;
- составление точного боевого состава французских войск пока представляет серьезную проблему;
- малочисленность французских войск (и их крайне слабый боевой дух) на Севере и в Сибири (вкупе с отсутствием согласованности действий союзников) никак не могла оказать решающего влияния на успех ведения боевых операций против Красной армии и ее союзников;
- боевой дух французских войск находился в целом не на высоте, хотя нельзя не отметить отсутствие проявления мятежей среди чинов Сибирского колониального батальона и Батальона Иностранного легиона Северной России, причины которого еще предстоит выяснить;
- нельзя не отметить, что не зафиксировано ни одного достоверного перехода французских военнослужащих на сторону Красной армии;
- главной причиной мятежей среди французских войск явились антивоенные настроения (особенно после подписания перемирия 11 ноября 1918 г. между Антантой и блоком центральных держав), а большевистская пропаганда (там, где она действительно существовала, или, по крайней мере, должна была существовать) играла, думается, вспомогательную, и вряд ли определяющую роль; скорее всего, речь могла идти об увлечении (не исключено, что случайного характера) некоторых солдат некоторыми идеями, но, вероятно, исключительно

антивоенного характера, и вряд ли за победу мировой пролетарской революции и торжество идей коммунизма во всем мире.

В целом участие французских войск в Гражданской войне в России находится на начальной стадии изучения. Хотя данная тема, разумеется, является частным, но неотъемлемым и важным элементом изучения глобальной и комплексной проблемы под названием «Союзная интервенция в России в 1918–1920 гг.» и, безусловно, требует глубокого и вдумчивого подхода, свободного от той или иной идеологии и основанного как на широком спектре документальных и иных источников, так и в равной мере на изучении массива прошлой и современной литературы на разных языках (французском, украинском, английском).

Литература и источники

1. Антисоветская интервенция и ее крах, 1917–1922. М.: Изд-во политической литературы, 1987. 206 с.
2. *Брюонон Ж., Маню Ж.* Иностранный легион (1831–1955). М.: Изографус; ЭКСМО, 2003. 464 с.
3. Военная интервенция союзников в Сибири: библиографический обзор франкоязычной литературы // Десятие Татищевские чтения. Екатеринбург, 2013. С. 217–221.
4. *Галкина Ю. М.* Рапорт подполковника Бегу о командировке в Россию / Документ. Архив. История. Современность. Вып. 17. Екатеринбург, 2017. С. 525–535.
5. *Голдин В. И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере (1918–1920). М.: Изд-во МГУ, 1993. 200 с.
6. Гражданская война в СССР. Т. 1–2. М.: Воениздат, 1980–1986.
7. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 702 с.
8. *Гуковский А. И.* Французская интервенция на юге России в 1918–1919 гг. М.; Л.: Госиздат, 1928. 268 с.
9. *Дерябин А. И.* Гражданская война в России, 1917–1922. Войска интервентов. М.: Астрель; АСТ, 2003. 64 с.
10. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1–3. М.: Айрис-пресс, 2006.
11. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922): Сб. документов. Т. 1–4. М.: Воениздат, 1978.
12. Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере глазами ее участников (1918–1919). Архангельск: Правда севера, 1997. 508 с.
13. *Зак Л. М.* Борьба французского народа против интервенции в Советскую Россию (1918–1920). М.: Госполитиздат, 1962. 128 с.
14. Из истории гражданской войны в СССР: Сб. документов и материалов. Т. 1–3. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1960–1961.
15. Из истории французской интервенции в Одессе / Красный архив. 1931. № 45. С. 53–80.

16. Интервенция на Севере в документах. М.: Партиздат, 1933. 96 с.
17. К истории французской интервенции на юге России / Красный архив. 1926. № 19. С. 3–38.
18. Кессель Ж. Смутные времена. Владивосток 1918–1919 гг. Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2012. 142 с.
19. Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы. Владивосток, 1995. 216 с.
20. Косик В. Н. Франція і питання самостійності України (1917–1919) / Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. ССХХV: Праці Історико-філософської секції. Львів, 1993. С. 278–290.
21. Кривошеенкова Е. Ф. Гражданская война и военная интервенция: историко-партийные историографические проблемы. Дисс. ... доктора ист. наук. М., 1990.
22. Майбородов В. С французами / Архив русской революции. Т. 16. Берлин, 1925. С. 100–161.
23. Макаров Н. А. Военная интервенция и Гражданская война на Севере России (1918–1920). Энциклопедический биографический словарь. Кн. 1–2. Архангельск: Правда Севера, 2008.
24. Марти А. Красный флаг над Французским флотом (Черноморское восстание). М.; Л.: Московский рабочий, 1928. 208 с.
25. Марти А. Славные дни восстания на Черном море. М.: Иностранный литература, 1949. 136 с.
26. Очерк взаимоотношений вооруженных сил Юга России и представителей французского командования / Архив русской революции. Т. 16. Берлин, 1925. С. 233–262.
27. Пученков А. С. «Большой город дает возможности развернуться»: из истории французской интервенции в Одессе / Россия в XX веке: человек и власть: Сб. статей. СПб., 2013. С. 125–157.
28. Рамей Ж. ле., Вомтеро П. Восставшие на Черном море. М.: Прогресс, 1976. 268 с.
29. Революция и гражданская война в России. 1917–1923: Энциклопедия. Т. 1–4. М.: Терра. 2008.
30. Савченко В., Бутоннэ П. Французское военное присутствие в «Одесском районе» (декабрь 1918 – апрель 1919): к вопросу о причинах неудач в «Южнорусской» экспедиции // Південний захід. Одессика. Вып. 13. Одеса, 2012. С. 120–184.
31. Савченко В., Файтельберг-Бланк В. Одесса в эпоху войн и революций (1914–1920). Одесса: Оптимум, 2008. 336 с.
32. Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине. М.: Наука, 1966. 454 с.
33. Тарасов В. В. Борьба с интервентами на Севере России (1918–1920). М.: Госполитиздат, 1958. 312 с.
34. Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. М.; Пг.: ГИЗ, 1923. 172 с.
35. Французы в Одессе. Из белых мемуаров. Л.: Красная газета, 1928. 262 с.
36. Les Armées françaises dans la Grande Guerre. Т. X. V. 2. Paris: Imprimerie nationale, 1924. 1092 р.

37. *Avenel J.-D.* Interventions alliées pendant la guerre civile russe (1918–1920). Paris: Economica, 2010. 248 p.
38. *Bernachot J.* Les Armées Françaises en Orient après l'Armistice de 1918. T. 2. Paris: Service historique, 1972. 418 p.
39. *Bradley J. F. N.* L'intervention française en Sibérie // Revue historique. T. CCXXXIV. 1965. P. 375–388.
40. *Chabanier J.* L'intervention alliée en Russie meridionale (décembre 1918 – mars 1919) // Revue historique des Armées. 1960. № 4. P. 74–92.
41. *Droulin L.* Corps expeditionnaire Français en Russie du nord (1918–1919). Paris: Droulin Laurent, 2012. 148 c.
42. *Dufour P.* La Legion en 14–18. Paris: Pygmalion, 2003. 398 p.
43. *Facon P.* Les mutineries dans le Corps expéditionnaire français en Russie septentrionale // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1977 (juillet – septembre). P. 455–474.
44. *Fauxbras C.* Mer Noire: les mutineries racontées par un mutin. Bar-le-Duc: Comte-Jacquet; Paris: Ernest Flammarion, 1935. 259 p.
45. Historique du 501e régiment d'artillerie d'assaut pendant la guerre. Tours: R. Mame et fils. 48 p.
46. Historique du 1er régiment de marche d'Afrique. Bizerte: Imprimerie française [1920]. 88 p.
47. La Légion Etrangère. Histoire et dictionnaire. Paris: Bouquins, 2013. 1152 p.
48. *Mahuault J.-P.* Engagés volontaires à la Légion étrangère pour la durée de la guerre (EVDG): 1870–1871, 1914–1918, 1939–1945. Paris: Grancher, 2013. 320 p.
49. *Masson Ph.* La Marine française et la mer Noire (1918–1919). Paris: Editions de la Sorbonne, 1995. 670 p.
50. *Meyer J., Acerra M.* Histoire de la marine française. Rennes: Ed. Ouest-France, 1994. 428 p.
51. *Munholland J. K.* The French army and intervention in Southern Russia (1918–1919) // Cahiers du monde russe et soviétique. 1981. V. 22. № 1 (janvier – mars). P. 43–66.
52. *Raphaël-Leygues J.* Les Mutins de la mer Noire. Paris: Plon, 1981. 230 p.
53. *Raphaël-Leygues J., Barré J.-L.* Les Mutins de la Mer Noire. Paris: Perrin, 2001. 238 p.
54. *Tillon Ch.* La révolte vient de loin. Paris, Union Générale d'Editions, 1972. 446 p.
55. Un bataillon de la Légion Etrangère à Arkhangelsk (1918–1919) // Amicale des anciens de la Légion étrangère. 2006 (juillet). № 60. P. 15–16.
56. *Xydias J.* L'intervention française en Russie (1918–1919). Souvenirs d'un témoin. Paris: Les Editions de France, 1927. 382 p.
57. URL: <http://www.air-defense.net/forum/topic/4983-intervention-des-alli%C3%A9s-dans-la-guerre-civile-russe-1918-1920/> (дата обращения: 01.04.2018).
58. URL: http://www.emezk.ru/forum/topic.aspx?topic_id=73&page=12 (дата обращения: 01.04.2018).
59. URL: <https://forum.pages14-18.com/viewtopic.php?f=11&t=1810> (дата обращения: 01.04.2018).
60. URL: http://www.kolchakiya.ru/uniformology/French_expeditionary_force.htm (дата обращения: 01.04.2018).

61. URL: <http://www.memoiredeshommes.sga.defense.gouv.fr/fr/arkotheque/inventaires/recherche.php?fam=5> (дата обращения: 01.04.2018).
62. URL: <https://stariy-voin.livejournal.com/49281.html> (дата обращения: 01.04.2018).
63. URL: <http://siberia.forum24.ru/?1-5-0-00000008-000-10001-0> (дата обращения: 01.04.2018).
64. URL: <https://topwar.ru/54141-tonkinskie-strelki-vietnamskie-soldaty-v-kolonialnyh-voyskah-francuzskogo-indokitaya.html> (дата обращения: 01.04.2018).

Ершов В. Ф.

ОСВАГ против «Окон РОСТА»: идеологическая война красных и белых

Аннотация. Статья посвящена становлению и деятельности структур политической пропаганды белого движения на Юге России в 1918–1920 гг. и их попыткам противостоять идеологии большевиков. Автор характеризует институциональную систему и кадровый состав белогвардейских пропагандистских подразделений, сопоставляет методы и результаты агитации и пропаганды белых и красных в период Гражданской войны в России на примере идеологического противостояния Осведомительного агентства (ОСВАГ) Добровольческой армии и центра революционной политической сатиры «Окна РОСТА». Автор приходит к выводу о том, что белое движение существенно уступало правительству большевиков в идеологической сфере, в том числе в организации и результативности политической пропаганды, что явилось одной из причин военного поражения антибольшевистских вооруженных формирований в итоге Гражданской войны в России 1917–1922 гг.

Ключевые слова: Русская революция 1917 г., Гражданская война в России 1917–1922 гг., Белое движение, большевики, политическая пропаганда.

Ershov V. F.

OSVAG against ROSTA Windows: ideological war of Red and White

Abstract. Article is devoted to formation and activity of structures of political propaganda of the white movement in the south of Russia in 1918–1920 and to their attempts to resist to ideology of Bolsheviks. The author characterizes the institutional system and the personnel structure of White Guard propaganda divisions, compares methods and results of propaganda and promotion of White and Red during the Civil war in Russia on the example of ideological opposition of the Informative agency (OSVAG) of Volunteer army and the Russian cable agency (ROSTA) – publisher of the revolutionary satirical posters known as ROSTA Windows. The author comes to a conclusion that the White movement has significantly lost to the government of

Bolsheviks in the ideological sphere, including in the organization and effectiveness of political propaganda that was one of the reasons of military defeat of anti-Bolshevist paramilitary groups as a result of the Civil war in Russia of 1917–1922.

Key words: Russian revolution of 1917, Civil war in Russia of 1917–1922, white movement, Bolsheviks, political propaganda.

Гражданская война в России 1917–1922 гг. отличалась крайне высокой степенью идеологического противостояния, во многом превратившись именно в борьбу идей красных и белых, в столкновение двух вариантов перспективного общественно-политического развития страны в XX в. – советской социалистической модели и республиканского строя, основанного на идеях Февральской революции.

Единой программы Белого движения, в которой были бы четко сформулированы цели, задачи, конечные устремления, не существовало. Вместо нее в информационном и идеологическом пространстве охваченной Гражданской войной России присутствовал комплекс противоречивых разрозненных идей о политическом будущем России, в основном просто отражавших личные взгляды высшего военного командования белых армий. Принцип «непредрешенчества» вообще вызывал недоумение у большей части населения, желавшего получить ясный ответ на вопрос о том, какую форму государственного управления предполагают установить белые в случае успеха их борьбы и взятия Москвы: республику? монархию? Неспособность белых четко ответить на это вопрос резко сужала их избирательную базу, лишая широкой поддержки населения. В итоге избирательная база Белого движения последовательно сокращалась в процессе Гражданской войны, что стало одной из причин поражения белых армий [2].

Для значительной части сторонников Белого движения вооруженное сопротивление большевикам было единственной возможностью попытаться сохранить свои социальные позиции и удержать власть. При этом у определенной части лиц, вовлеченных в Белое движение, прежде всего у офицерства ускоренного выпуска военного времени, присутствовало стремление даже повысить свой социальный статус и в случае победы над большевиками продолжить свою карьеру уже в качестве кадровых офицеров восстановленной Российской армии.

Если идеология контрреволюции была обращена в прошлое, имела ярко выраженный ретроспективный характер, то идеологический концепт большевиков был перспективным, ориентированным на строительство «светлого будущего». Белые в целом анонсировали реставрацию прежнего государственно-политического строя России (с небольшими элементами модернизации в духе Февральской

революции), красные рисовали картину нового мира, который предстояло построить на основе принципов справедливости, равенства и братства. Соответственно, идеология большевиков обладала мощным зарядом эмоциональной привлекательности, активно влияла на массовое сознание. При этом она охватывала более широкие социальные слои населения, чем белая идеология, ориентированная на конкретные, достаточно узкие социальные группы – офицерство, чиновничество, деловые круги, духовенство, техническую интеллигенцию, деятелей искусства и культуры [22], значительная часть которых также находилась под обаянием революционных идеалов.

Внешние формы (имидж) и символика Белого движения с пропагандистской точки зрения также были не продуманы: золотые погоны, черная (у корниловцев, кappелевцев) форма, Адамова голова на кокардах – были далеки от привычных народных символов и тяготели к «аристократическому стилю», что лишь обостряло по отношению к белым проявление классовой ненависти со стороны широких народных масс. Данная символика отражала личные вкусы белого офицерства, но как идеологический и нравственный индикатор была деструктивна, вызывая эффект отторжения, в том числе среди населения национальных регионов – на Северном Кавказе, в Поволжье, Центральной Азии и др.

Большинство белых генералов, имея неплохое военное образование, в то же время не обладали подготовкой в области государственно-политической деятельности [20], не понимали значения идеологии в условиях гражданской войны, фактически сведя свое участие в Белом движении к чисто военным действиям без серьезной пропагандистской и идеологической поддержки. Идеология вооруженной борьбы с большевизмом вырабатывалась фактически уже в процессе ведения боевых действий Добровольческой армии против красных войск на Юге России в 1917–1918 гг., причем решающее слово в утверждении ее основных концептов оставалось за военным командованием белых [17].

Главное пропагандистское подразделение белой Добровольческой армии – ОСВАГ (Осведомительное агентство) было создано летом 1918 г. Среди его основных задач были следующие: информирование населения о Добровольческом движении и его целях, предоставление оперативной информации о ходе боевых действий и внутреннем положении на занятых белыми войсками территориях, распространение информации о действиях большевиков, сохранение памяти о героях Белого движения и др. По замыслу военного командования Добровольческой армии ОСВАГ должен был стать идеологическим

рупором Белого движения и составить конкуренцию структурам большевистской пропаганды, в том числе «Окнам РОСТА», привлекая на свою сторону представителей различных слоев населения.

ОСВАГ был создан как орган информационно-пропагандистской работы при Добровольческой армии, а в дальнейшем при Вооруженных силах Юга России (ВСЮР). Фактически ОСВАГ обладал монополией в сфере информационно-пропагандистской деятельности в регионе Юга России, находящемся под контролем антибольшевистских белых армий. ОСВАГ предоставлял официальную информацию о действиях военных властей и правительства ВСЮР.

Первоначально ОСВАГ имел статус Осведомительного агентства при Добровольческой армии, подчиняясь генералу М. В. Алексееву, а в дальнейшем был преобразован в пропагандистский отдел при Особом совещании (правительство ВСЮР). ОСВАГ включал в себя структурные подразделения, которые выполняли информационно-пропагандистские задачи: проводили агитационную работу, выпускали листовки и брошюры, издавали литературно-публицистические произведения, художественные агитационные материалы (плакаты, лубки). Сотрудники лекторского бюро выступали перед населением на собраниях и митингах, проводили семинары, на которых обсуждалась сложившаяся в стране военно-политическая ситуация, устраивали агитационные концерты и спектакли [13].

Руководителями ОСВАГ являлись известные деятели кадетской партии: ученый-физиолог С. С. Чахотин, предприниматель и общественный деятель Н. Парамонов, профессор Петроградского университета К. Н. Соколов [21]. В период наиболее интенсивной деятельности ОСВАГ в 1919 г. общая численность его сотрудников составляла около 10 тыс. человек, в центральном аппарате работало 255 человек. Штаб-квартира ОСВАГ находилась в Ростове-на-Дону, где были сосредоточены все нити его управления [5]. В системе ОСВАГ работали некоторые известные деятели культуры, представители творческих профессий [9]. В условиях Гражданской войны это давало им возможность избежать голода и мобилизации в белые армии. Среди них были писатели И. А. Бунин и Е. Н. Чириков, поэт-символист С. А. Соколов (Сергей Кречетов), художники И. Я. Билибин и Е. Н. Лансере, профессор права Э. Д. Гримм, также ученый-правовед и религиозный мыслитель князь Е. Н. Трубецкой. Впоследствии, уже в эмиграции они оставили воспоминания о своем участии в создании системы белой пропаганды в годы Гражданской войны в России [7].

Идеологи Белого движения для пропаганды своих политических взглядов активно использовали средства периодической печати [3].

ОСВАГ контролировал деятельность ряда газет, журналов и театров, от которых требовалось регулярно включать в свои информационные блоки агитационно-пропагандистские материалы: тексты выступлений лидеров Белого движения, обращения к населению, военные оперативные сводки и др. Под редакцией С. А. Соколова-Кречетова выходил в свет литературно-художественный журнал «Орфей».

Наряду с изданием листовок и плакатов, в работе ОСВАГ использовались новейшие для того времени информационно-пропагандистские технологии: в целях более полного освещения происходивших событий на фронте и в тылу регулярно осуществлялись фото- и киносъемка. В целях интенсификации информационного обмена в системе ОСВАГ, помимо обычного телеграфа, применялись радиостанции мощностью до 35 кВт, размещенные в Таганроге, Новороссийске, Николаеве и Севастополе. В подконтрольных ВСЮР районах ОСВАГ располагал разветвленной сетью территориальных подразделений, включавших 232 информационно-аналитических пункта и подпункта. Наиболее активно действовало на пропагандистском фронте Харьковское отделение ОСВАГ, которое в агитационных целях широко использовало печатные органы белой военной администрации региона – газеты «Новая Россия», «Полдень», «Южный край».

Руководство Добровольческой армии возлагало на ОСВАГ большие надежды, ставя перед ним задачу привлечь симпатии гражданского населения к Белому движению и его идеологии. Для этой цели из военных фондов ОСВАГ выделялись значительные финансовые средства. Например, только в январе 1919 г. на ведение пропаганды было отпущено 25 млн рублей.

Командование требовало от ОСВАГ в своей пропагандистской деятельности акцентировать внимание именно на военной составляющей Белого движения. Предпринимались попытки создания культа белых офицеров как борцов с большевизмом, прежде всего генералов Л. Г. Корнилова, М. В. Алексеева, С. Л. Маркова, именами которых были названы улицы, бронепоезда, воинские подразделения. Под контролем ОСВАГ тиражировались парадные портреты деятелей Добровольческого движения, которые затем вывешивались в официальных помещениях (штабах белых армий, канцеляриях, приемных), выставлялись в витринах магазинов и т. п. ОСВАГ издал также жизнеописания лидеров Белого движения в форме отдельных брошюр, которые можно было приобрести в книжных магазинах, газетных киосках и др. Героика Белого движения пропагандировалась средствами театрального и музыкального искусства, в частности,

белогвардейские песни исполняла на концертах популярная певица Надежда Плевицкая.

В 1919 г. под эгидой ОСВАГ была предпринята попытка съемок в прифронтовой полосе кинофильма, рассказывающего о драме Гражданской войны и имевшего идеологическую составляющую, которая должна была оказывать соответствующее воздействие на зрителей. Серии фильма имели политически выраженные названия «Добровольцы» и «Большевики». Однако съемки не были завершены, и картина так и не вышла на передвижные экраны. Еще один пропагандистский фильм ОСВАГ под названием «Жизнь Родине, честь – никому», снятый в Ялте и Ростове-на-Дону режиссером М. Г. Хажаевым, имел яркую антибольшевистскую направленность. В его создании приняли участие известные в то время актеры: Южакова, Спонс, Стрижевский. Интересно, что этот фильм имел и футурологический аспект – в его finale был показан воображаемый парад белых войск после взятия Добровольческой армией Москвы. Демонстрация подобных фильмов осуществлялась подразделениями Харьковского ОСВАГ, которые использовали киноустановки, размещенные на агитационных поездах.

Оригинальная пропагандистская акция, направленная на подрыв советской финансовой системы, была проведена подразделениями Харьковского ОСВАГ в июне 1919 г.: с аэропланов сбрасывались советские бумажные деньги, испорченные специальными надпечатками антибольшевистского содержания [1]. Подобные акции были также проведены во время боев за Киев, что привело к реальному падению доверия населения к советским денежным знакам [15]. В августе 1919 г. пропагандистами ОСВАГ были выпущены листовки «Наказ корниловцу» и «Поучение воину-корниловцу перед боем», в которых декларировались основные идеи Белого движения.

Подразделения ОСВАГ во многих случаях принимали участие в работе различных структур военной администрации ВСЮР. Так, Харьковское отделение ОСВАГ распоряжением военного командования Добровольческой армии было подключено к деятельности Особой следственной комиссии, осуществлявшей сбор материала о политике «красного террора», проводившейся большевиками на Юге России в 1918 г. Данную комиссию возглавлял Г. А. Мейнгвардт; материалы о действиях Харьковской ЧК в этот период, собранные Особой следственной комиссией, были обнародованы в итоговом докладе и в дальнейшем использовались в пропагандистских целях подразделениями ОСВАГ агитационными подразделениями. Идеологическую борьбу, проводившуюся ОСВАГ в период Гражданской войны, пропагандисты

Белого движения пытались продолжать и в условиях эмиграции, скорректировав некоторые элементы политической концепции Белого дела [8].

На ОСВАГ военным командованием ВСЮР возлагались также функции, не свойственные агитационным структурам, но входящие в компетенцию контрразведки: сбор информации о настроениях населения на территориях, подконтрольных белым армиям, агентурная работа, попытки проникновения в «красное подполье» и др. Подобное расширение задач ОСВАГ затрудняло его работу как идеологического ведомства, втягивая его в непосредственную военно-политическую борьбу с большевиками. При этом в организационном отношении деятельность ОСВАГ была поставлена слабо: агитационная и пропагандистская работа велась бессистемно, электоральная сегментация вообще не была выражена, его руководители не могли найти общий язык с другими государственными институтами Юга России, в частности, у ОСВАГ постоянно возникали трения и разногласия с Донским отделом осведомления, который также занимался идеологической пропагандистской работой [18]. В ряде случаев идеологические концепты, выдвигавшиеся различными пропагандистскими структурами белых армий, противоречили друг другу, вызывали раздражение и чувство классовой ненависти у населения.

Сотрудники ОСВАГ не видели и не понимали своей целевой аудитории и выдвигали собственные лозунги, надеясь таким образом расширить социальные границы антибольшевистского движения. При этом предпринимались попытки повлиять на население (в том числе на рабочих и крестьян) с помощью политического лубка.

ОСВАГ подвергался жесткой критике даже среди сторонников Белого движения: многие упрекали его в том, что своей деятельностью он лишь разжигает социальную рознь и так обостренную в условиях Гражданской войны, а также обвиняли в идейной подготовке белой военной диктатуры – «восшествия на престол Деникина и Колчака».

Начальник Развеziвательного отдела Штаба главнокомандующего ВСЮР в секретной сводке в октябре 1919 г. крайне негативно оценивал общий результат деятельности ОСВАГ: «Результаты этого получаются поистине ужасные. «Осваг» с каждым днем все больше и больше отходит от населения, наша пропаганда виснет в воздухе. Наш Отдел пропаганды, копируя в постановке дела пропаганды большевиков, не перенял в них самого главного и самого важного: большевики своей пропагандой сумели подойти к населению вплотную. Значение этого

обстоятельства – невероятно большое: только благодаря ему большевики теперь сводят наши стратегические усилия наスマрку» [10].

В отличие от плохо организованного и совершившего много идеологических ошибок ОСВАГ, система политической пропаганды большевиков была налажена очень хорошо и реально стала значимым фактором успеха в борьбе идей эпохи Гражданской войны 1917–1922 гг. Бывшие профессиональные революционеры прекрасно понимали огромную роль агитации и пропаганды в борьбе за идеологическую и военную победу, понимали, что Гражданская война в России (как и всякая другая) является, в первую очередь, конфликтом идеологическим, столкновением мировоззрений, и лишь во вторую – военным противоборством двух сторон (красных и белых). Пройдя в дореволюционный период школу подпольной, а после 1907 г. и широкой легальной агитации, большевики как красные пропагандисты обладали очень высокими качественными характеристиками, хорошо знали методику и специфику своей работы, умели влиять на аудиторию, намного превосходя белых пропагандистов-«кустарей». Некоторые агитационные материалы советских пропагандистских органов, осуществлявших идеологическую борьбу с Белым движением, были опубликованы в 1920–1930-е гг. в специализированных изданиях документов «Пролетарская революция», «Красный архив», «Война и революция» и др. [6; 14; 16; 19]. Политические материалы, направленные против идеологии Белого движения, публиковались большевистским правительством на страницах военной печати [12].

Большевистская пропаганда прославляла героев-красноармейцев, матросов, комиссаров и содержала призывы к конкретным действиям: «Вступай в Красную армию!», «Уничтожь белогвардейскую гадину!» и т. д. Агитационные плакаты ОСВАГ во многих случаях, напротив, содержали упреки в адрес своих потенциальных сторонников: «Ты – дезертир! Ты не вступаешь в Добровольческую армию!» и др.

«Окна РОСТА» («Окна сатиры РОСТА») – серия агитационных плакатов, созданная в 1919–1921 гг. группой советских художников и поэтов, работавших под эгидой Российского телеграфного агентства – РОСТА, современного (ИТАР–ТАСС) стала одним из самых ярких образцов революционной пропаганды и сыграла большую роль в победе большевиков в идеологической войне.

Многие плакаты «Окон РОСТА» создавались вручную с использованием трафаретов (по 200–300 экземпляров) и распространялись в прифронтовой полосе, размещались на агитпоездах, выставлялись в витринах учреждений и магазинов, откуда и произошло их наименование «Окна». Их выразительность и яркость,

запоминающиеся негативные образы белогвардейцев и буржуазии оказывали сильное эмоциональное воздействие на зрителя. К тому же, в отличие от плакатов ОСВАГ, они были четко классово ориентированы, их сюжеты четко разделяли общественные группы на своих и чужих, на отрицательных персонажей (белогвардейцы, купцы, кулаки) и положительных (рабочие, красноармейцы, большевики) [11].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

– руководство и сотрудники ОСВАГ не смогли решить поставленную перед ними задачу: сформировать и ввести в информационное пространство идеологию Белого движения, сделав ее фактором своего политического успеха;

– система красной пропаганды значительно превосходила белую по своим качественным (организационным и идеологическим) характеристикам, что в итоге обусловило ее победу в «борьбе идей» эпохи Гражданской войны в России 1917–1922 гг.;

– в отличие от военного командования ВСЮР, отводившего политической пропаганде второстепенную роль и делавшего ставку на чисто военное противоборство с противником, лидеры большевиков, наоборот, считали хорошую постановку идеологической борьбы одним из важнейших факторов своего успеха, уделяя большое внимание «красной пропаганде» и вкладывая в деятельность пропагандистских структур значительные материальные средства.

Выстраивание большевистской системой средств наглядной агитации и пропаганды («Окна РОСТА» и др.) на основе классового подхода оказалось в условиях Гражданской войны более эффективным методом, чем попытки белого ОСВАГа апеллировать ко всему населению страны без социальной сегрегации.

Литература и источники

1. Авчухов А. Надпечатки ОСВАГа // Антиквариат: Предметы искусства и коллекционирования. 2008. № 6 (58). С. 130–135.
2. Аранс Д. Как мы проиграли Гражданскую войну: Библиография мемуаров русской эмиграции о Русской революции 1917–1921 гг. Newtonville, Mass., 1988. 200 с.
3. Белов В. Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность (Материалы для будущего историка). Пг.: ГИЗ, 1922. 128 с.
4. Белое движение. Начало и конец. Сборник воспоминаний. М.: Московский рабочий, 1990. 527 с.
5. Белый архив. Сборник материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения. Париж: Музей современных событий в России, 1926. Т. 1. 580 с.

6. Война и революция. 1921–1928. № 1–24.
7. Гуковский И. В белом стане. Обзор белой эмигрантской литературы по Гражданской войне за 1928 год // Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 265.
8. Десницкий В. Печать русской эмиграции // Книга и революция. 1922. № 1 (15). С. 46–50.
9. Дроздов А. М. Интеллигенция на Дону // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 2. С. 45–51.
10. Жирков Г. В. История советской цензуры: период диктата государственного издательства (1919–1921) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2: История, языкоznание, литературоведение. Вып. 3. 1995. С. 78–86.
11. Иньшакова Е. Ю. Коллекция «Окон РОСТА и ГПП» в собрании Государственного музея В. В. Маяковского // Творчество В. В. Маяковского. Вып. 3: Текст и биография. Слово и изображение. М.: Изд-во Ин-та мировой литературы (ИМЛИ) РАН, 2015. С. 379–386.
12. Карамышев В. А. Советская военная печать в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны 1918–1920 гг. М., 1955. 24 с.
13. Кнорринг Н. Н. На внутреннем фронте (Из воспоминаний об Отделе пропаганды) // Дни. 1927. 4 ноября. № 1227. С. 2–3; 23 ноября. № 1246. С. 2.
14. Красный архив. 1919–1935. № 1–50.
15. Лазарев А. В. Краткая история донской валюты. URL: http://biblioklad.ru/publ/stati/dengi_finansy/kratkaja_istorija_donskoj_valjuty/42-1-0-1054 (дата обращения: 20.09.2018).
16. Летопись революции. 1919–1931. № 1–34.
17. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 гг. Т. 1–2. Париж. 1962–1964.
18. Молчанов Л. А. Опыт пропаганды идеологии Белого движения: успехи и просчеты (1918–1920) // Белая Россия. Опыт исторической ретроспекции: Материалы международной научной конференции в Севастополе, октябрь 2000 г. / под ред. Терещук А. В. СПб., 2000. С. 44–51.
19. Пролетарская революция. 1920–1927. № 1–19.
20. Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (Материалы к истории Белого движения). М.: Regnum, 1997. 295 с.
21. Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. Из воспоминаний. София: Российско-болгарское книжное издательство, 1921. 291 с.
22. Штыка Л. П. К вопросу о классовой сущности идеологии «белого дела». Сумы, 1983.

Куренышев А. А.

Крестьянский фронт в Гражданской войне. Миф или реальность?

Аннотация. В статье исследуется вопрос о роли крестьянства в событиях Гражданской войны в России 1918–1920 гг.; особое внимание уделяется взаимоотношениям советской власти и крестьянства; историографии этой проблемы; политике противоборствующих сторон в отношении крестьянства.

Ключевые слова: крестьянство, Гражданская война, политика, экономика, историография.

Kurenishev A. A.

The peasant front in the civil war. Myth or race?

Abstract. The article examines the role of the peasantry in the events of the civil war in Russia in 1918–1920.; special attention is paid to the relationship between Soviet power and the peasantry; historiography of this problem; the policy of the opposing sides against the peasantry.

Keywords: peasantry, civil war, politics, economics, historiography.

Термин «крестьянский фронт Гражданской войны» активно используется некоторыми отечественными и зарубежными исследователями для того, чтобы оттенить диктаторские, насилиственные методы захвата и удержания власти в ходе революции гражданской партией большевиков. Навязывание военно-коммунистических форм организации общества вызывало, по мнению некоторых историков, решительный, массовый, вооруженный протест со стороны крестьянских масс в форме восстаний, индивидуального террора и саботажа распоряжений советской власти. В конце Гражданской войны и по ее окончании в 1920–1921 гг. сформировался якобы стихийно единый фронт крестьянских выступлений, заставивший советское руководство перейти к новой экономической политике.

Интересно отметить, что увязка причин возникновения крестьянских восстаний не только с политикой «военного коммунизма» в целом, но и с решениями VIII съезда Советов в частности делалась в отечественной историографии, но акцент все равно делался на продразверстке, а не на мерах по так называемому улучшению и дальнейшему подъему сельского крестьянского хозяйства, принятых на упомянутом съезде [8, с. 78]. Документы, если их не рассматривать предвзято, со всей убедительностью свидетельствуют о том, что попытки навязать многомиллионному крестьянству «единый народно-

хозяйственный план», привели не только мужиков, но и местные советские власти в такое шоковое состояние, что до всеобщего восстания было рукой подать. Об этом дружно заявили участники Московского уездного сельскохозяйственного съезда, прошедшего в феврале 1921 г. Об этом же сообщали и из Чувашии, и из Сибири. «В отдельных местах некоторые члены посевкомов недооценивали значение массово-разъяснительной работы, прибегали к методам администрирования и приказов. Ошибки членов посевкомов использовались кулаками для антисоветской пропаганды» [4, с. 6]. «Засыпка семян в общественные амбары стала последней каплей, переполнившей чашу недовольства крестьян» [4, с. 6, 82].

Авторы сборника отмечают факт созыва съезда (фиктивного) против ссыпки семян. Слух об этом, разогнанном властями, съезде распространялся по селам и деревням.

В советской историографии негласно присутствовало желание приуменьшить масштабы восстания, показать незначительность сил повстанцев, доказать безусловную поддержку крестьянами советской власти. После распада СССР, напротив, возобладала тенденций показа волнений в Чувашии как мощного антисоветского выступления, аналогичного крестьянским восстаниям в Тамбовской губернии, Сибири, на Дону и Украине [4, с. 8].

Само словосочетание «крестьянский фронт» встречается в историографии довольно редко, больше как образ, а не конкретно-историческое определение или понятие, содержащее нечто существенное (см., например, сборник материалов в исследовательско-публицистическом проекте «Крестьянские вожаки»). Некоторые исследователи, опять же больше для красного словца, нежели ради углубления и уточнения истории непростых отношений крестьянства и советской власти, крестьянства и государства, вообще используют термин «крестьянская война». В. Л. Телицын под крестьянской войной подразумевает некий единый крестьянский фронт против советской власти, простиравшийся от Сибири до Украины. Сюда бы еще следовало включить и «зеленое движение» крестьян Северного Кавказа, и повстанцев Севера и Северо-Запада, и многое еще кого, включая даже ближнее и дальнее Подмосковье, Владимирскую, Ярославскую и Рязанскую губернии.

Термин «крестьянский фронт» можно встретить и у многих других современных историков крестьянства периода революции и Гражданской войны. Многие из упомянутых работ можно, однако, с большим основанием отнести к числу публицистических, в русле развернувшейся в годы перестройки и постперестроичного периода

кампаний о дискредитации советского строя, деятельности коммунистической партии и т. п.

Как отмечает в своей монографии В. Л. Телицын: «Попытки типологизировать и систематизировать крестьянские восстания предпринимались неоднократно. Как правило, они не выходили за рамки классового подхода и представляли собой дань марксистско-ленинской методологии, затем «тоталитарному», а впоследствии «цивилизационному» подходу. Даже в работах второй половины 1980 – начала 1990-х гг. их стоит признать неудачными. К сожалению, часть авторов до сих пор остается верна принципам обтекаемой, традиционной и поверхностной типологизации, сводя все многообразие лишь к перестановке слагаемых:

- восстание левых эсеров; кулацко-эсеровское восстание;
- кулацкое восстание; религиозно-монархическое восстание.

Выбор невелик, и, как правило, весь разнообразный спектр можно уложить в простую схему: «Все выступления по сути своей контрреволюционны» [14, с. 76].

Пересмотр данной позиции, помимо отмеченного ранее сборника статей под редакцией Афанасьева [14, с. 75], начался путем объединения усилий недавних «непримиримых идеальных противников»: советологов и представителей «марксистско-ленинской» историографии советского крестьянства. Было организовано несколько научно-исследовательских проектов по сбору и выявлению новых архивных и иных материалов под общим наименованием «Крестьянская революция в России 1902–1922 гг.» [1, с. 11]. Инициатором и одним из руководителей этих программ был В. П. Данилов. Западную составляющую представляли Т. Шанин и А. Берелович. Цель программ была ясна и понятна: пересмотр роли и значения крестьянства в эпохальных исторических событиях в России в первой половине XX в., перелицовка устоявшихся догм и предрассудков советской историографии, касающихся взаимоотношений советской, читай коммунистической, власти и крестьянства. Как мы отмечали в своей монографии: «В истории изучения крестьянского повстанчества послереволюционного времени, как и ко многим другим явлениям и процессам этого периода, можно обнаружить два методологических подхода: историко-партийный и конкретно-исторический. Историко-партийный подход, безусловно, превалировал в годы советской власти». Этот подход сменился не менее предвзятым. И это несмотря на обилие новых, ранее почти не использовавшихся документов, например, исходивших из ВЧК, т. е. как бы более беспристрастных и объективных, концептом, изначальной враждебности советской, партийно-

бюрократической власти основной массе крестьянства. Существует в историографии и точка-концепция «неизменности» основных параметров взаимоотношений власти и народа (крестьянства) в дореволюционный и послереволюционный период. Так, В. В. Шелохаев отмечает: «В экономическом смысле тип социалистической модернизации представлял собой, разумеется, утопию, однако при определенных условиях и соотношении социальных и политических сил в стране эта утопия могла стать на определенное время реальностью, хотя в исторической перспективе не продолжительной. Тип модернизации и тип революции в России» [16, с. 57]. Шелохаев приравнивает партийную бюрократию к царской. «Вместо того чтобы сделать народ (как интересно? – А. К.) подлинным субъектом модернизационного процесса в самом широком смысле этого слова, царская, а затем партийная бюрократия целенаправленно ужали поле возможного участия народа в процессе принятия решений, всячески стремились к установлению монопольного контроля» [16, с. 57]. Мы в ряде своих работ делали классификацию разнообразных взглядов и позиций тех радикальных социал-демократов, которые пришли к власти в октябре 1917 г. Среди большевиков, как мы указывали, были как принципиальные противники привлечения крестьянства к революционно-социалистическим преобразованиям, так и безоговорочные сторонники революционно-демократического союза рабочих и крестьян. К этому союзу, как писал один из руководителей РКП(б) и Коминтерна большевиков, толкала не столько теория, сколько сама жизнь, тот факт, что подавляющее большинство крестьянства, объединенное в общины, было противником частной собственности на землю, всем своим горьким опытом понимало, что частная собственность и другие особенности периферийного капитализма ничего кроме бед и страданий большинству крестьян не несут. Именно по этой причине само крестьянство в ходе революции, «черного передела» и социализации стерло с лица земли результаты столыпинских аграрных преобразований – индивидуальную крестьянскую собственность, хутора и отруба, втянув их обратно в общину. Произошло это не везде и с разной степенью полноты и интенсивности, что предопределило, на наш взгляд, участие значительных масс крестьянства на стороне противников большевиков. Особую роль сыграло в событиях Гражданской войны казачество – особый слой населения, близкий к крестьянству, но имевший ряд существенных от него отличий. И первое – это обеспеченность землей. Следует, правда, отметить, что земля также, как и у крестьян, не находилась в полной частной собственности казаков, а, находясь

ввойской собственности, делилась на мужские души. Неприязнь, предопределившая враждебное к советской власти отношение большинства казачьих войск и большинства казачества, зиждалась на конфликте между иногородними (крестьянами) и казаками – держателями земли. Имея надел в среднем 30–50 десятин, казаки, естественно, нуждались в привлечении рабочих. Этими наемниками были крестьяне, местные и пришлые сезонные рабочие. Эти категории населения в русле большевистско-левоэсеровской аграрной политики претендовали на такой же передел всей земли, какой осуществлялся в коренных российских землях. Требовало такого же передела и соседствовавшее с Донским войском украинское крестьянство. На Украине, как известно, процессы аграрной революции были заторможены германо-австро-венгерской оккупацией. Однако, как только рухнули центральные империи, крестьянское движение на Украине вспыхнуло с огромной силой, сразу приобретя повстанческий характер, поскольку началось еще в ходе национально-освободительной борьбы. Эта борьба носила в основном антигерманский характер, но частично, в слабой латентной форме несло в себе и антирусские, и антипольские, и антисемитские интенции. Национально-освободительный и также комбинированный характер имело крестьянское движение и некоторых других окраин бывшей Российской империи, таких как Северный Кавказ, Средняя Азия и некоторых других. Русско-казацкий фактор играл, как правило, роль стимулятора поддержки центральной и местной советской власти. Интересен доклад секретного отдела ВЧК о повстанческом движении в России по состоянию на ноябрь 1920 г.: «В Центральном районе трудно отличить, где кончается бандитизм и где начинается повстанческое движение. И то и другое так тесно переплелось, что их трудно разграничить. Одно обуславливает другое и наоборот». Иными словами, многое опять же зависит от идеологической, политической и прямо скажем должностной позиции автора документа, такого казалось информативного и «объективного» как сводка секретной службы. Авторы научного проекта «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД» в первом томе публикации своих материалов прямо пишут, что сводки ВЧК не только наследуют традиции дореволюционных документов подобного рода, но «другим корнем, из которого вырастала система информсводок, была Гражданская война. И форма (язык, в первую очередь), и содержание информационных документов ВЧК 1918–1920 гг. со всей определенностью выдают главный источник их происхождения: они возникли как продолжение и распространение известных в штабах армий всего мира ежедневных сводок разведывательных данных о

противнике: расположении, вооружении, настроениях, возможных планах и т. п.». Отметим, что многие историки буквально упирались на этот вид источников, надеясь на их безграничную информационную глубину и объективность. На деле же оказалось, что сводки несут на себе печать всех стандартных казенных документов, являясь, по сути, обычным продуктом бюрократического «творчества» чиновников определенного ведомства. «Конечно, как всякий источник, сводки ВЧК – ОГПУ – НКВД пронизаны идеологическими установками своего времени, тем более **времени революции и гражданской войны** (выделено нами. – *А. К.*)», – пишут авторы предисловия к первому тому издания [1, с. 8]. Идеологическая и историографическая позиция самих авторов становится понятной из следующего пассажа. «Сопротивляющиеся большевистской политике крестьяне именуются «бандитами», «кулаками», «врагами революции» и т. п. Содержащаяся в них информация, конечно, подлежит проверке и научной критике (была ли она? – *А. К.*), однако, по крайней мере до середины 30-х гг. она в целом выдерживает эту критику, а объем ее, достигавший максимума в 1930 г., очень точно отражал нарастание негативных настроений крестьянства». Из этой фразы следует однозначный вывод о фиксации в сводках спецслужб отрицательного отношения крестьянства к советской власти и ее политике, начиная с захвата власти большевиками в октябре 1917 г. Единый крестьянский антибольшевистский фронт сложился, по мнению авторов проекта, сразу после Октябрьской революции и существовал... ну, наверное, до полной победы колхозного строя в СССР. Если иметь в виду концепцию В. П. Данилова об особой крестьянской революции, начавшейся в 1902 г. и закончившейся победой крестьянства в 1922 г., имевшей целью не только ликвидацию помещичьего землевладения, частной собственности вообще, самодержавия, но и государства как аппарата насилия и принуждения, вывод составителей первого тома сборника документов Советской деревни глазами... вполне логичен. Его подтверждают работы С. А. Павлюченкова, а ранее литературные произведения одного из лидеров организационно-производственной школы экономических исследований А. В. Чаянова. Крестьянство боролось за полную ликвидацию государственного принуждения, не приемля никаких государственных форм... Но утверждения подобного рода вступают в противоречие с объективной, признанной сейчас многими историками, а в 1917 г. сформулированной В. И. Лениным, теорией государства. В своей работе «Государство и революция» и ряде других статей он утверждал, что советская власть это уже не государство в прежнем смысле этого слова, не орудие насилия меньшинства эксплуататоров над

эксплуатируемым большинством, не централизованно-бюрократический механизм подавления трудящихся. Советы, как и Парижская коммуна, по мысли Владимира Ильича, это – власть самого народа, подавление меньшинства большинством. Ленин как последовательный марксист не признал, правда, того, что основой советов была крестьянская община, общинные традиции, которыми были пропитаны российские рабочие. Сейчас об этом пишут и говорят многие историки и политики. Об особенностях роли и значении русского крестьянства в революции писал, полемизируя с Троцким, Г. Е. Зиновьев. Именно он одним из первых напомнил о существовании письма К. Маркса к В. И. Засулич, в котором шла речь о возможности в случае победы социалистической революции в Европе строить социализм в России на основе общинных институтов и традиций. Напомнил Зиновьев об органической близости русских рабочих и крестьян и о том, что именно крестьяне, а не буржуазия, как на Западе, представляла демократическую составляющую буржуазно-демократической революции в России. Зиновьев не считал крестьянство союзником пролетариата в строительстве социализма в СССР без поддержки пролетариата Западных стран. Троцкий же, со своей стороны, не был решительным противником вовлечения крестьянства в революционные процессы, включая и Гражданскую войну. Он не был, как Ленин, сторонником рабоче-крестьянской диктатуры. Он считал, что России «повезло» в том, что мировая война организовала крестьян в виде солдатской массы. Троцкий, конечно, не отделял империалистическую войну от революции, но, будучи сторонником политики установления рабочей власти при поддержке крестьян-солдат и ожидания мировой революции, не только не считал крестьянство надежным союзником, но и рассматривал его, как и положено ортодоксальному марксисту, как «реакционную массу», которую при определенной степени принуждения можно использовать в качестве пущечного мяса в гражданской войне и распространении пожара мировой революции на другие страны, включая Китай, Индию, а не только Европу. Какая из политических линий превалировала в годы Гражданской войны установить не так просто. Скорее всего, в разных частях Советской России проявлялись и те и другие из отмеченных политических линий.

Противники большевиков не могли не видеть этой непоследовательности и дробности политической линии большевиков в отношении крестьянства. Правда, произошло это не сразу. В 1920 г. многие антибольшевистские силы вдруг, как по команде, обратили свой взор на крестьянство как на социальную базу борьбы с коммунистической властью. Б. В. Савинков, который совершенно не

предполагал привлекать крестьян в ряды своей организации в 1918 г., в 1920-м имел в своем «Народном союзе борьбы за Родину и свободу» крестьянские и казацкие секции. Выпускалась газета «Крестьянская Русь», одним из редакторов которой был Софрон Коверда, отец убийцы Бориса Войкова. Организация Савинкова называлась «Союз трудового крестьянства» и была близка к антоновскому движению на тамбовщине. К Савинкову в Польшу пробился один из антоновских командиров П. И. Моторыгин. А сам Савинков имел планы организации ячейки своей организации в Саратове. Крестьянские союзы создавались во Врангелевском Крыму и в Забайкалье, контролировавшемся атаманом Семеновым. Врангель и его «крестьяне» пытались вступить в контакт с Н. И. Махно, но безуспешно. Земельная реформа, которую начал проводить Врангель, базировалась на принципах Столыпинской аграрной реформы и была рассчитана на то же самое: создание из крестьян частных земельных собственников. Именно такой разворот крестьянской политики мог нанести существенный удар по большевикам, использовавших передачу земли только в пользование и забиравших без обиняков практически все продукты крестьянского производства. Реформа Врангеля, в отличие от Столыпинской, проводилась с привлечением демократических крестьянских организаций, что также было свидетельством изменения отношения к крестьянству противников большевиков. Они к 1920 г. безоговорочно признали результаты «черного передела». О возврате земли и продуктов производства, как это было еще в 1919 г., уже не могло быть и речи.

К концу 1920 г., когда стало ясно, что попытки распространить «пожар мировой революции» на европейские страны потерпели неудачу, снова встал вопрос, что делать с миллионами крестьянских хозяйств, крестьянами, мелкими собственниками, носителями разрушительной для коммунизма буржуазной идеологии, участниками непрекращающихся восстаний. Попытка навязать крестьянам планово-регулирующие мероприятия, как мы отмечали, привели при не самом удачном их осуществлении к резкому росту протестного движения. К тому же во многих местах они ловко использовались противниками большевиков, сознательно искажавшими методику проведения учета и перераспределения семенного материала. Если продовольственную разверстку крестьянин худо-бедно терпел, то изъятие семян, которое часто ничем не отличалось от сбора продразверстки, он не понимал и порой, может быть необоснованно, воспринимал как стремление подчинить его власти, окончательно уморив голодом.

Исходя из всего сказанного, следует, на наш взгляд, с осторожностью воспринимать попытки некоторых исследователей

сделать из многомиллионного крестьянства исключительно жертву антикрестьянской, по сути, политики большевиков. С другой стороны, отмечавшиеся в классической историографии крестьянства, не только российского, кстати говоря, родовые черты крестьянства не позволяют с полным основанием считать в принципе возможным создание единого крестьянского фронта борьбы с большевиками. Попытки такого рода, несомненно, были. Появление на политической арене так называемого «нового русского крестьянства», о чём впервые начал писать В. П. Данилов, а автор этих строк пытался наполнить конкретно-историческим и концептуальным содержанием, имея в виду увеличение организованности крестьянского движения, появление не только локальных, но и общенациональных организаций крестьянства, формирование крестьянской интеллигенции, в том числе и военной, меняло роль и значение крестьянства в событиях революции и Гражданской войны. Изменение социального статуса крестьянства было замечено некоторыми революционерами и государственными деятелями. Некоторые из марксистов коренным образом пересмотрели свои взгляды на крестьянство. Другие сделали это частично. Ленин и его сторонники считали возможным признать за крестьянством роль союзника пролетариата не только в революции, но и в Гражданской войне. Троцкий и его единомышленники считали, что крестьянство можно использовать для формирования Красной армии, неотъемлемой части диктатуры пролетариата, под жестким и неусыпным контролем, не допуская самодеятельности и партизанщины в военном строительстве и боевых действиях. Подобная дисперсия политических дискурсов создавала условия для формирования разных способов и методов взаимодействий и взаимоотношений власти и крестьянства. Многое зависело и от местных особенностей социально-экономического развития. Единого стихийного протестного движения при таких условиях вряд ли можно обнаружить. То же самое можно сказать и относительно организованного и направляемого извне.

Литература и источники

1. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939 гг.: Документы и материалы. В 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОСПЭН, 2000–2005. 864 с.
2. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: РОСПЭН. 2008. 36 с. (История сталинизма).
3. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. В 2 т. М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2008. 1200 с. (Классика русской мысли).

4. Крестьянское восстание 1921 г. в Чувашии: Сб. документов. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 416 с.
5. *Куренышев А. А.* Крестьянские военно-политические организации России. Повстанчество. 1918–1922 гг. М.: Спутник. 2010. 175 с.
6. *Куренышев А. А.* Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000. 222 с.
7. *Осипова Т. В.* Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьба российского крестьянства. М., 1995.
8. *Павлюченков С. А.* Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1996. 299 с.
9. *Посадский А. В.* Саратовское крестьянство в условиях Гражданской войны // Клио: Журнал для ученых. Печатный орган Международной академии исторических и социальных наук. 1997. № 3.
10. *Посадский А. В.* Российское крестьянство в гражданской войне // Проблемы политологии и политической истории. Вып. 4. Саратов, 1994.
11. *Сафонов Д. А.* Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999.
12. *Данилов А. Ю., Афанасьева М.* Полководец «зеленой армии» (штрихи к биографии Г. А. Пашкова) // Век нынешний, век минувший... Исторический Альманах. Вып. 2. Ярославль, 2000. 184 с.
13. *Дмитриев Т.* Зеленая Зыбь. Владимир: Калейдоскоп, 2011. 172 с.
14. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939 гг. Документы и материалы. В 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. Т. 1. 1919–1922 гг. М.: РОСПЭН, 2000. С.11.
15. Судьбы российского крестьянства. М: Изд-во РГГУ, 1995. 624 с.
16. *Телицын В. Л.* Бессмысленный и беспощадный? Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М.: Изд-во РГГУ, 2003. 335 с.
17. *Шелохаев В. В.* На разные темы. М.: РОСПЭН, 2016. С. 57.
18. *Ященко В. Г.* Хроника утаенного бунта. Антибольшевистское повстанчество на Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (1918–1923). 2-е изд., испр. и доп. М.: Ленанд, 2017. 262 с.

Леонов С. В.

Советская (1917–1922) и самодержавная государственность: проблема новизны и преемственности

Аннотация. В статье рассматривается соотношение новых и дореволюционных черт в советском государстве периода Гражданской войны. Анализируются оценки, которые давали новому государству большевики и их противники, а также отечественные и зарубежные историки. На фактическом материале сопоставляется структура самодержавной и советской государственности, а также приводятся оценки численности чиновничества.

Ключевые слова: Советское государство, дореволюционная государственность, большевики, чиновники.

Leonov S. V.
**Soviet (1917–1922) and Autocratic Statehood:
Problem of Novelty and Succession**

Abstract. The article describes the correlation of new and pre-revolutionary features in the Soviet state during the Civil war. The author analyses the assessments given to a new state by the Bolsheviks and their opponents as well as domestic and foreign historians. The structure of the autocratic and Soviet statehood is compared on the basis of the factual material and the estimates of the number of officials are also given.

Key words: Soviet state, pre-revolutionary statehood, Bolsheviks, officials.

Огромная государственная машина, которую большевики сумели создать и поставить себе на службу, послужила важнейшим фактором их победы в Гражданской войне. Хотя жаркие идеологизированные баталии о сути большевистского режима сами стали достоянием истории, вышеуказанное обстоятельство по-прежнему привлекает внимание к природе возникшей в ходе Октябрьской революции советской государственности.

Одним из краеугольных постулатов ленинской теории государства, позаимствованным у Маркса, являлся тезис о сломе буржуазной государственной машины. Вся советская историография, строго следовавшая в фарватере официальной идеологии, была выстроена вокруг этого положения и всячески подчеркивала принципиальную новизну советской государственности [1, с. 475].

Между тем, уже вскоре после прихода большевиков к власти современники стали подмечать, что в советской форме воспроизводятся некоторые черты самодержавного государства. Речь шла не только о царских чиновниках и военнослужащих, пусть не сразу, но в массовом

порядке переходивших на сторону победителей, о прежних министерствах и ведомствах, унаследованных советским режимом, но и о некоторых базовых его характеристиках, прежде всего об откровенном антилиберализме и деспотизме. «Рабство вернулось к нам – только в страшном извращенном виде и в маске террора», – записала в дневнике З. Н. Гиппиус уже 11 ноября 1917 г. [3, с. 21]. В 1918 г. уже целый ряд отечественных и зарубежных авторов указывали на черты типологического сходства большевистской и царской государственности. «После октябрьского переворота власть организовалась не на основе общественного, и тем менее народного, провозглашения, а путем циничного самопровозглашения стоявших во главе партии большевиков лиц членами «рабоче-крестьянского правительства», – отмечал М. В. Вишняк. – Как год тому назад мы имели личный режим Николая с его камарильей, так и ныне перед нами ничем не прикрытый личный режим Ленина и его кружка...» [5, с. 83]. К. Каутский писал: «...Советская республика уничтожила старую полицию только для того, чтобы создать полицейский аппарат «Чрезвычайки», т. е. политическую полицию, гораздо более всеобъемлющую, неограниченную и жестокую, чем та, которую имели... русские цари». Устранив царскую бюрократию, она на ее место «поставила новую, в такой же мере централизованную, но с еще большими полномочиями». «Начав свою правительственную деятельность средствами и методами, противоположными царизму», Советская республика «в конце концов, пошла по его стопам и его перешеголяла» [12]. Несколько позднее Н. Н. Жордания подчеркнул черты архаики, скрывавшиеся под новой формой, но архаики «низовой»: «...Власть советов, – это шаг к дореволюционной деревне, это реакция мужика и мужиковатых рабочих против современной формы правления, против западной политической культуры» [9, с. 37, 68].

Сами большевики, несмотря на свою широковещательную пропаганду, уже с конца 1918 г. порой начали между собой признавать, что созданная ими государственность впитала в себя дореволюционные кадры, структуры и фактически констатировали неудачу в создании управляемого самими массами «полугосударства», «государства-коммуны». В марте 1918 г. на VII съезде партии В. И. Ленин еще воспевал республику Советов как принципиально новый тип демократии и государственности, о котором писал К. Маркс, «без бюрократии, без полиции, без постоянной армии», оговорившись лишь, что пока в Советах еще не изжита «масса грубого, недоделанного». В резолюции, единогласно принятой съездом, было указано, что

«...изменение политической части нашей программы должно состоять в возможно более точной и обстоятельной характеристике нового типа государства, Советской республики, как формы диктатуры пролетариата и как продолжения тех завоеваний международной рабочей революции, которые начаты Парижской коммуной» [20, с. 143, 144, 177]. Но в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) риторика изменилась. «Слой рабочих, которые управляли фактически Россией в этот год и проводили всю политику, которые составляли нашу силу, – этот слой в России неимоверно тонок, – констатировал Ленин. – Если когда-нибудь будущий историк соберет данные о том, какие группы в России управляли эти 17 месяцев, какие сотни, тысячи лиц несли на себе всю эту работу, несли на себе всю неимоверную тяжесть управления страной, – никто не поверит тому, что можно было этого достигнуть при таком ничтожном количестве сил. <...> Этот слой в России был тонок и за истекшую борьбу надорвался, переработался, сделал больше, чем мог» [2, с. 22].

С 1919 г. на всех партийных съездах рассматриваемого периода (т. е. с VIII по XI), а также на некоторых Всероссийских конференциях РКП(б) проблемы советской государственности, аппарата управления оказались одними из центральных, стержневых. На VIII съезде остройшие дискуссии вызвало широкое привлечение в армию на командные должности офицеров («военных специалистов»). Кроме того, неожиданно для большевиков встала проблема бюрократии и злоупотребления властью. Некоторые делегаты подчеркивали, что, несмотря на уничтожение старого госаппарата, обоснованные «жалобы по поводу бюрократизма раздаются давно», «...масса крестьянских восстаний объясняется безобразиями со стороны комиссаров, нашего провинциального чиновничества. Очень часто в известиях об этих восстаниях указывается, что крестьяне против Советской власти ничего не имеют, но восстают против комиссаров, которые попадают в деревню» [2, с. 61, 190, 205, 220]. Н. И. Бухарин отметил, что кроме суда (где «не пришлось создавать нового аппарата, потому что судить на основе революционного правосознания трудящихся классов может всякий»), в большинстве отраслей управления сидят «заскорузлые чиновники-бюрократы». «Этот старый бюрократический элемент мы разогнали, переворошили и затем начали снова ставить на новые места. Царистские бюрократы стали переходить в советские учреждения и проводить бюрократизм, перекрашиваться в коммунистов» [2, с. 61]. О возрождении старых практик говорили и другие большевики. В. П. Антонов-Саратовский спрашивал: «Спросите любого из

комиссаров, не лежит ли у него какой-нибудь том Свода законов старого самодержавного правительства. Я думаю, что у многих найдется». Делегат от одного из украинских уездов Панфилов подметил, как в народе трактуется смена власти: «После октября 1917 г., когда Советская власть начала устраиваться, говорили в Старобельске: «Раньше был Романов, а теперь стал Абрамов, который ворочает городом, как хочет» [2, с. 200, 360].

Деформация исходных принципов советской государственности, прежде всего связанная с небывалой концентрацией власти в центральных учреждениях и падением роли местных Советов, их органов, вызвала формирование в партии группы «демократического централизма». Большевистским руководством она рассматривалась как оппозиция и подвергалась жесткой критике. Однако децисты сумели повлиять на некоторые решения в сфере государственного строительства партийных, советских съездов и конференций 1919–1922 гг.

Впервые децисты громко заявили о себе на VIII съезде РКП(б). Один из их лидеров – Н. Н. Осинский отметил, что вместо государства-коммуны «...старые партийные товарищи создали целый чиновничий аппарат, построенный, в сущности говоря, по старому образцу. У нас создалась чиновничья иерархия». Поскольку слой сознательных представителей рабочих и деревенской бедноты необыкновенно тонок, «приходится пользоваться» старым чиновничеством, работниками царского аппарата. «В результате этого стали переноситься в наши учреждения все старые привычки». Но главной причиной возрождения бюрократизма стало то, что под влиянием острой Гражданской войны и необходимости максимально быстро вести «строительство нового государственного механизма», уже с весны 1918 г. быстро шел процесс сосредоточения власти в ведомствах, в исполкомах «или даже в руках отдельных лиц с неограниченными полномочиями». В итоге «наша диктатура приобрела военно-командный характер» [2, с. 188, 189, 303]. Хотя от положений о сломе старой государственной машины и о привлечении масс к управлению большевики не отказались, ход дискуссии на съезде побудил их несколько изменить акценты в своей пропаганде. Более того, фактически вопреки решениям VII съезда РКП(б) из проекта Программы партии был снят пункт (№ 23) об «укреплении и усовершенствовании Республики Советов, как неизмеримо более высокой и прогрессивной формы демократии...» [2, с. 375, 394].

На IX съезде РКП(б) в марте – апреле 1920 г. Ленин признал, что «...уменье управлять с неба не валится и святым духом не приходит, и от того, что данный класс является передовым классом, он не делается сразу способным к управлению». Вождь подчеркнул, что «ныне в государстве, устроенном по образцу и подобию господствующего класса, нужно делать так, как бывало во всех государствах. ...Для управления, для государственного устройства мы должны иметь людей, которые обладают техникой управления, которые имеют государственный и хозяйственный опыт, а таких людей нам взять неоткуда, как только из предыдущего класса». Другой децистский лидер – Т. В. Сапронов заявил на съезде о том, что стремление к диктатуре партии и к единонаучалию приводит к «диктатуре партийного чиновничества». «Тогда зачем говорить о диктатуре пролетариата, о самодеятельности рабочих, – никакой самодеятельности нет! Вы и членов партии превращаете в послушный граммофон... – обращался он к Ленину. – Если вы будете говорить о единонаучалии, то говорите прямо, что не надо ЦК. <...> Думаете ли вы, что в машинном послушании все спасение революции?» [6, с. 27, 28, 57, 58]. С резкой критикой нараставшего централизма, вождизма, нажимных методов руководства, порождавших бюрократическое окостенение режима, выступили многие делегаты. Это был почти бунт, и Ленину, опиравшемуся на «послушное большинство» съезда, с трудом удалось его подавить.

Вождь, озабоченный неимоверным количеством текущих, тактических проблем и выживанием большевистского режима, предпочитал не замечать системных дефектов советской государственности, а уж тем более не хотел привлекать к ним «излишнего» внимания. Но в начале 1920-х гг. он все чаще вынужден был признавать «бюрократические язвы» и «извращения» собственного государства. Он говорил: «У нас 18 наркоматов, из них не менее 15-ти никуда негодны», из 120 комиссий СНК и СТО оказались необходимы лишь 16. Это свидетельствовало, что с явным опозданием, но Ленин признал фундаментальные дефекты советской государственности. Однако он объяснял их остротой момента, низким культурным уровнем масс, мелкобуржуазной стихией, а в немалой степени влиянием старой бюрократии и буржуазии. «Остатки буржуазии наблюдаются еще во всех щелях нашей жизни, внутри советских учреждений...» [7, с. 41, 124, 526; 21, с. 46].

Поскольку к тому времени громоздкость, чудовищная волокита и нераспорядительность советского аппарата превратились в одну из

«кричащих» проблем («Бюрократизм нас везде и всюду заел», – жаловались большевики [6, с. 66]), на X и XI съездах, на X партконференции РКП(б) Ленин, а за ним и отдельные делегаты обрушились на «буржуазию», «канцелярских чиновников», которые «до сих пор ведут борьбу против нас» изнутри советских учреждений. Вождь отчасти попытался реанимировать старые, рубежа 1917–1918 гг., стереотипы борьбы с «саботажниками» [18, с. 66; 21, с. 38, 117] и даже позаимствовал отдельные второстепенные предложения децистов по совершенствованию госаппарата. Но исправить ситуацию это уже не могло. Некоторые делегаты вышеуказанных партийных форумов называли Ленина «самым большим чиновником» и предлагали отойти «от верхоглядства, от комиссарства над спецами», а главное, от самой политики «бюрократического централизма», породившей политический и управлеченческий кризис [7, с. 109, 248, 248; 21, с. 89]. Осинский подчеркнул, что причиной этих дефектов является «...не коммунистическое чванство, не некультурность, а неподходящая система управления! Мы имеем СНК как законодательное учреждение, издающее декреты. В сущности, мы переняли традицию, идущую от Временного правительства, у которого не было никакого парламента, – они начали сами законодательствовать». При этом «Политбюро является решающей инстанцией», а Совнарком – лишь «безответственным пасынком», и «если имеется директива Политбюро решить вопрос так, то стоп машина: комиссары смолкают» [21, с. 92, 93].

Таким образом, даже в большевистской партии проблемы госаппарата, прямо или косвенно связанные с преемственностью советского режима с дореволюционным, поначалу обсуждались. В 1920-е гг. отдельные советские исследователи, пользуясь тем, что большевики еще не успели в полной мере наложить свою руку на науку, отмечали черты дореволюционного правительства в большевистском Совнаркоме [8].

В последующие десятилетия в связи с резким усилением цензуры и идеологизацией истории и права поднимать такие проблемы стало практически невозможно. В 1970-е гг. М. П. Ирошников путем обсчета сохранившихся анкет совслужащих определил, что удельный вес старого чиновничества среди руководящих сотрудников доходил до 55,15% в Наркомвоене, до 68,8% в Наркомпроде, до 80% в Наркомате Госконтроля, до 88,1% в НКПС и до 97,5% в Наркомфине [11, с. 424–427]. Накопленный историками конкретно-исторический материал подводил, если и не к пересмотру тезиса о сломе (это было невозможно

по политико-идеологическим соображениям), то хотя бы к уточнению его, к изучению проблемы соотношения новых и старых элементов в советском аппарате [10, с. 46–49]. Однако, эта тема даже не обсуждалась. Факты, которые не укладывались в узкие рамки официальных концепций, если не фальсифицировались, то замалчивались.

В отличие от советской историографии, западные историки гораздо меньше внимания уделяли созданию советской государственности, однако подмечали в ней отдельные черты дореволюционного государства. В частности, Т. Ригби в книге «Ленинский Совнарком», признавая существенные различия между большевистским и царским правительством, сделал вывод, что корни Совнаркома восходят к 1802 г. [22]. В концентрированном (хотя и в самом общем) виде проблему преемственности акцентировал Р. Пайпс. Полагая, что в дореволюционной России существовало полицейское государство, где «политика объявлялась вотчиной правительства», он писал, что большевики «немедленно после прихода к власти» приступили к восстановлению этого государства [17, с. 413–415].

В 1990–2000-е гг. проблему сопоставления советской и царской государственности в том или ином контексте затрагивали Т. П. Коржихина, Е. Г. Гимпельсон и некоторые другие отечественные исследователи [3, 13, 15, 16]. Однако, несмотря на некоторое продвижение в отдельных вопросах, в целом эта важная проблема до сих пор остается малоисследованной.

Учитывая нынешний уровень разработанности темы и рамки настоящей статьи, можно обозначить лишь некоторые принципиальные моменты, связанные с новизной и преемственностью дореволюционной и советской государственности в годы Октябрьской революции и Гражданской войны. В качестве общих «линий», параметров такого сопоставления можно использовать выделенные Коржихиной основные элементы государственности: государственный строй; государственный механизм, аппарат; кадры (чиновничество); идеология [13, с. 145].

При этом важно иметь в виду, что различные аспекты преемственности советского и имперского государств пропадали (и исчезали) в разное время, с разной интенсивностью и в разных сферах. Во многих случаях они конкурировали с теми чертами, особенностями, которые появились у российской государственности в «постфевральскую эпоху» и сохранялись в той или иной мере и после Октябрьского переворота. Кроме того, с 1905–1906 гг. самодержавное

государство стало терять многие свои системообразующие черты, начав эволюцию к конституционной монархии.

Итак, какие черты самодержавной государственности стали проступать в советской оболочке в 1917–1922 гг.?

Прежде всего, это авторитарная и персонализированная власть (до 1917 г. проявлявшаяся явно, с 1919 г. – скрыто, маскируемая наличием Политбюро, ЦК и большевистских съездов) и ее идеологизация. Затем – отсутствие выраженного разделения властей. Последнее начало было частично входить в жизнь с 1906 г., но уже в период Временного правительства его элементы исчезли из-за отсутствия представительского органа (тогда появилось специфическое «разделение властей» в виде двоевластия, а точнее – многовластия), а в советскую эпоху оно и вовсе было предано «остракизму».

Объединяла имперское и советское государства приниженная роль права. (Из-за буйства революционной стихии и слабости, раскола власти это было свойственно и «постфевральской эпохе».) Характерными чертами двух государств выступала нетерпимость к политическому и идеологическому оппонированию, стремление к монополизации всего политического пространства, а отсюда – ключевая, гипертрофированная роль и почти бесконтрольное положение политической полиции: в царское время – Департамента полиции, корпуса жандармов, при большевиках – ВЧК. (Период с марта по октябрь 1917 г. представлял собой недолгую, но полную противоположность данной традиции.) Самодержавную и Советскую Россию объединяло также неравноправие подданных (граждан). Причем, отменив сословия, советская власть породила еще более глубокое неравенство. Она создала широкий слой совершенно бесправных «лишенцев» и узаконила неравноправие даже трудящихся (по Конституции РСФСР 1918 г. один голос рабочего приравнивался к 5 голосам крестьян). Сами Советы, провозглашенные основой нового государства, по сути представляли собой сословные организации, только уже не дворян, а различных категорий «низов».

Самодержавие и советскую государственность отличали громоздкость и запутанность госаппарата, бюрократизм и, условно говоря, «двойная» структура власти. Наряду с властью правительства (а с 1906 г. и Государственной думы) в стране была более мощная, «главная» власть, которую до 1917 г. представлял сам монарх и придворная камарилья, а после Октябрьского переворота – большевистская партия, система ее партийных комитетов во главе с ЦК и Политбюро.

Схожей оказалась и структура правительства. Набор большевистских наркоматов почти не отличался от дореволюционных министерств. Правда, Временное правительство успело привнести целый ряд изменений: было упразднено Министерство императорского двора и уделов, Святейший Синод, в МВД – Департамент полиции и корпус жандармов, созданы министерства вероисповеданий, продовольствия, труда, призрения, а также Экономический совет, Главный экономический комитет и т. д. Большевики, придя к власти, ликвидировали только Министерство вероисповеданий и Министерство по делам Финляндии [13, с. 147]. Добавлены были лишь Наркомат по делам национальностей, ВСНХ, а в июле 1918 г. – Наркомздрав. Временно были созданы Петроградский военно-революционный комитет, а для вошедших в Совнарком левых эсеров – наркоматы госимущества и местного самоуправления.

Важнейшим источником создания Рабоче-крестьянской Красной армии послужило дореволюционное офицерство, его доля в ней доходила до 75%! Даже в сфере управления экономикой (структура которой была принципиально изменена за счет конфискации помещичьего, а затем кулацкого землевладения, национализации банков, всей финансовой сферы, крупной, средней, отчасти мелкой промышленности, транспорта и т. д.) пропускали существенные черты сходства. ВСНХ объединил в своей структуре прежние министерства, ведомства и организации, ведавшей экономикой (вплоть до Военно-промышленных комитетов). В марте 1920 г. Л. Д. Троцкий признал: «Наша промышленность сгруппирована в 50 главках и центрах, которые <...> выросли из синдикатов, трестов, буржуазно-капиталистической промышленности. Они были расширены, дополнены, но в основу были заложены те организационные формы, которые имелись при капитализме в наиболее передовых отраслях промышленности» [6, с. 111].

Е. Н. Морозова и Д. И. Раскин, исследовав 250 высших и центральных учреждений Российской империи за период с марта 1917 до начала 1920-х гг., пришли к выводу, что тезис о сломе старой государственной машины подтверждается «далеко не во всем... <...> Скорее можно говорить об овладении большевиками этой машиной и приспособлении ее для своих нужд. «Слом» же являлся больше политическим лозунгом, чем реальной программой действий. Одни учреждения Российской империи почти немедленно уничтожались, другие преобразовывались и включались в новые управленческие структуры, а третьи некоторое время продолжали функционировать в

системе советского центрального аппарата» [16, с. 8, 9]. При этом вплоть до конца 1918 г. в наркоматах сохранялась прежняя организация делопроизводства.

Разумеется, советская государственность отнюдь не была тождественна самодержавной. Ее генезис представлял собой сложный и противоречивый процесс, в котором пересекалось влияние по меньшей мере трех принципиальных факторов: инерции предшествующей государственности и управленческих традиций, идеологии и конкретной социально-политической и экономической обстановки. Влияние двух последних факторов не могло не обусловить ее качественную новизну и нарушение в ряде аспектов преемственности.

Будучи продуктом трансформации дореволюционной государственности, советское государство впитало в себя не только самодержавные, но и постфевральские структуры, кадры и практики госуправления. Влияние последних, особенно в конце 1917–1918 гг., было велико. От них к большевистской государственности перешли: система Советов, в начале 1918 г. объединенных в одну структуру; фактически верховная власть правительства (до лета – осени 1918 г. СНК во многом фактически замещал собой ЦК, не говоря уже о ВЦИК); сомнительная легитимность и постоянные апелляции к народу (рабочим и крестьянам); повышенная роль в госуправлении общественных организаций, наметившаяся с первых лет мировой войны; революционный хаос, «центробежные тенденции» и слабость властных структур; пренебрежение устоявшимися нормами, господство политической импровизации и революционной фразы; значительная часть политической лексики (республика, ЦИК, декрет, комиссар, революционный, чрезвычайный, буржуй, враг народа, гражданин и пр.); опасение контрреволюции, устремленность к «светлому будущему» и активное обращение к понятиям свободы и демократии (в советскую эпоху – только для трудящихся) и т. д.

В итоге советскую государственность отличали от самодержавной прежде всего принципиально иной источник легитимности (коммунистическая идеология и массовое насилие) и системообразующая роль большевистской партии. Она стала фактически центральным государственным институтом вместо самодержавия, стержнем не только госаппарата, но и всего советского общества. Сами парторганизации отчасти напоминали дворянские сословные организации, но идеологизированные и с несоизмеримо большими полномочиями.

Характерным отличием советской государственности стали массовые репрессии как важнейший способ управления страной. Ключевое положение МВД во внутренней политике, характерное для самодержавия, сменило практически всевластие ВЧК. Она не только имела почти неограниченные полномочия, но и на порядок превзошла соответствующие царские структуры по жестокости и масштабам репрессий, а также и по численности. Если жандармский корпус к 1917 г. не превышал 16 тыс. человек, Департамент полиции – 25 тыс., то численность ВЧК доходила до 270–300 тыс. человек. И это не считая огромного аппарата НКВД (только милиция насчитывала до 300 тыс. человек), который с 1919 г. был объединен с ВЧК «личной унiéй» Ф. Э. Дзержинского, а на уездном уровне – политбюро (имевшими до 1921 г. двойное подчинение) [14, с. 56]. С 1919 г. ВЧК наряду с Коммунистической партией являлась фактически основным государственным институтом, образуя параллельную советской, но более влиятельную, можно сказать реальную, систему власти.

В структуре государственных органов появился Реввоенсовет Республики, а за ним – Совет рабочей и крестьянской обороны (с 1920 г. – СТО), созданный для централизации и координации усилий всех ведомств и сил Советской республики для войны. Такого органа остро не хватало царской России в 1914–1917 гг. Он фактически заменил собой систему особых совещаний, а отчасти позаимствовал и полномочия правительства, Ставки, а также РВСР, ВСНХ и т. д.

В целом советскую государственность отличало качественно более высокая степень контроля над обществом, вмешательства в экономику, масштаба государственного насилия, а отсюда – и многократно возросший госаппарат. Гипертрофированное развитие получили не только карательные, но и экономические ведомства. Один ВСНХ насчитывал 1,2 млн служащих, в то время как во всей царской России в 1913 г. на действительной государственной службе состояло всего 252,9 тыс. человек [19, с. 265]. Произошла смена высшей элиты, некоторая часть низов через партию, госаппарат получила доступ к власти.

Несмотря на завершение Гражданской войны и резкий поворот в экономической политике государство сохранило (лишь чуть видоизменив масштабы и структуру) свои системообразующие черты, наметившиеся уже в 1918 г.: всевластие большевистской партии и тайной полиции (несколько суженные полномочия последней в 1922 г. вновь стали обнаруживать тенденцию к росту), огромная бюрократия, декоративная роль Советов, отсутствие реальных политических свобод и т. д.

Литература и источники

1. Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987.
2. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959.
3. Гимпельсон Е. Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления, 1917–1930. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003.
4. Гиппиус З. Черные тетради // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992.
5. Год русской революции (1917–1918 гг.): Сб. статей. М.: Земля и воля, 1918.
6. Девятый съезд РКП(б). Март – апрель 1920 г. М.: Партизат, 1934.
7. Десятый съезд РКП(б). 8–16 марта 1921 г. М.: Партизат, 1933.
8. Дурденевский В. Н. Совет Народных комиссаров // Советское право. 1922. № 1.
9. Жордания Н. Большевизм. Берлин: Издание ЦК СДРП Грузии, 1922.
10. Ирошников М. П. К вопросу о сломе буржуазной государственной машины в России // Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Труды ЛООИ. Вып. 14. Л., 1973.
11. Ирошников М. П. Председатель Совнаркома Владимир Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в 1917–1918 гг. Л., 1974.
12. Каутский К. Путь к государственному рабству. Берлин, 1922. URL: <http://revarchiv.narod.ru/kautsky/oeuvre/fromdemocracy.html> (дата обращения: 19.08.2018).
13. Коржихина Т. П. Советская государственность: попытка анализа // 1917 год в исторических судьбах России. Науч. конференция «Проблемы истории Октябрьской революции». Материалы второй сессии. М., 1993.
14. Леонов С. В. К вопросу о политическом контроле над ВЧК // Исторические чтения на Лубянке. ХХ лет. М., 2017.
15. Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. М.: Диалог-МГУ, 1997.
16. Морозова Е. Н., Раскин Д. И. Становление советской государственности: использование имперского наследия в сфере центрального управления // Новейшая история России. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sovetskoy-gosudarstvennosti-ispolzovanie-imperskogo-naslediya-v-sfere-tsentralnogo-upravleniya> (дата обращения: 19.08.2018).
17. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 413–415.
18. Протоколы десятой Всероссийской конференции РКП(б). Май 1921 г. М.: Партизат, 1934.
19. Россия 1913 г.: Стат.-документ. справочник. СПб.: БЛИЦ, 1995. С. 265.
20. Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г. Стеногр. отчет. М.: Госполитиздат, 1962. С. 143, 144, 177.
21. XI съезд РКП(б). 27 марта – 2 апреля 1922 г. М.: Партизат, 1936.
22. Rigby T. H. Lenin's Government: Sovnarkom. 1917–1922. Cambridge, 1979, 2008.

Войтиков С. С.

Дискуссия о «верхах» и «низах» в партии большевиков

Аннотация. В настоящей статье, на основе опубликованных источников и документов двух архивов: Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы) исследуется дискуссия о «верхах» и «низах» в партии. К X съезду РКП(б) 1921 г. данная дискуссия плавно перетекла в заключительный этап Профсоюзной дискуссии, а со временем (в 1923 г. на XII съезде РКП(б)) эволюционировала в дискуссию «литераторов» и «хозяйственников». В преддверии XII съезда Л. Б. Красин, один из основателей (наряду с В. И. Лениным и А. А. Богдановым) большевистской фракции, в начале 1920-х гг. – видный деятель РКП(б), констатировал: «Верхи нашей партии до сих пор построены так, как это было два десятка лет назад...»

Ключевые слова: Гражданская война в России, Российская коммунистическая партия большевиков (РКП(б)), Центральный комитет РКП(б), внутрипартийная борьба, В. И. Ленин.

Voytikov S. S.

The Discussion about the «tops» and «underdogs» in the Bolshevik party

Abstract. In this article, based on published sources and documents of two archives: the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI) and the Central State Archives of Moscow City (CGA of Moscow), studied the Discussion about the «tops» and «underdogs» in the Bolshevik party. In 1921, this discussion smoothly flowed into the final stage of the Trade Union discussion by the Tenth Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks), and eventually evolved into a discussion of «writers» and «business executives» at the Twelfth Congress of Russian Communist Party (Bolsheviks) in 1923. On the eve of the 12th Congress of L. B. Krasin, one of the founders (along with V.I. Lenin and A.A. Bogdanov) of the Bolshevik fraction, in the early 1920s. – a prominent figure in the Russian Communist Party (Bolsheviks), stated: «The tops of our party are still built the way it was two decades ago...»

Keywords: Russian Civil War, Russian Communist Party (Bolsheviks) (RKP(b)), Central Committee of RKP(b), inner-party struggle, V. I. Lenin.

В 1918–1920 гг. большевикам приходилось непрерывно направлять идейных партийцев на фронт в рамках мобилизаций. На фронт же отправлялась формальная социальная база большевиков – пролетариат и беднейшее (с марта 1919 г. – еще и среднее) крестьянство. По словам председателя Совета комиссаров Северной области Г. Е. Зиновьева (1919): «Петроград месяц за месяцем, неделя за неделей, день за днем ограблялся в смысле выкачивания оттуда

партийных сил, были отдельные трения, но организации всегда подчинялись Центральному комитету» [4, с. 287]. Однако при этом катастрофически не хватало работников в провинции – «роди, но дай коммуниста» [4, с. 205]. По заявлению председателя Московского губернского совета профсоюзов А. Лозовского (1921), «фабрично- заводской пролетариат, который является базисом нашей партии, который питал ее лучшими соками, количественно уменьшился больше, чем на 50%», в том числе в «крупнейших центрах фабрично-заводской промышленности: в Петербурге, который вместо $2^{1/2}$ млн населения имеет сейчас 730 тыс., в Москве, которая потеряла больше 50% населения, в Иваново-Вознесенске, Орехово-Зуеве». Помимо количественного сокращения пролетариев имело место «сужение активной части пролетариата», поскольку наиболее идейная часть находилась на фронтах, а на фабриках работали, как правило, «элементы не с чисто пролетарской психологией, элементы мелкобуржуазные» [8, с. 290]. И идейные старые большевики, и немногочисленные в России партийцы-пролетарии сгорали в горниле Гражданской войны, тем самым увеличиваясь и без того высокий процент крестьянства и прочих «непролетарских элементов». Вместе с тем в партию вступали многочисленные карьеристы и прохвосты, а из небольшевистских партий, в случае их вхождения в ряды РКП(б), вливались подчас откровенно реакционные элементы. Широкий резонанс в партии вызвало, к примеру, автоматическое вступление в большевистскую партию товарища председателя Туркестанского ЦИК Успенского – старого члена «Союза Михаила Архангела» (черносотенца), потом последовательно кадета, правого эсера и, наконец, левого эсера [8, с. 193].

В 1921 г. большевистское руководство в условиях победы над внутренней контрреволюцией и, пусть и позорного, но все же мира с Польшей, осознавая, что у страны нет денег на содержание насчитывавшей свыше миллиона бойцов Красной армии, начало демобилизацию и сразу получило множество проблем.

Во-первых, в условиях экономической разрухи демобилизованным зачастую оказалось некуда возвращаться – как следствие, всплеск бандитизма и появление люмпенов. По образному выражению В. И. Ленина (март 1921 г.), «именно демобилизация, конец Гражданской войны означает невозможность сосредоточить все свои задачи на мирном строительстве, потому что демобилизация порождает продолжение войны, только в новой форме» [8, с. 23]. И. И. Скворцов-Степанов добавляет: «Во многих местах население сократилось до $2/3$, мужское же население – до 90%, например в Уральской и Донской

областях. Вместо селений – развалины и пепелища. Вместо избушек – стены с провалившимися крышами, с зияющими пустыми окнами. Ни кола, ни двора – в самом жестоком смысле слова. Демобилизованные, возвращаясь, видят, что не к чему приступить. <...> В дополнение к... мелкобуржуазной стихии... вырастает новая стихия – деклассированных элементов... На заре капитализма эти деклассированные вследствие войн и экономических процессов элементы составляли кадры, которые давали материал для кондотьеров» [8, с. 68]. Победители почувствовали себя обиженными.

Во-вторых, недовольство рабочих на уцелевших предприятиях, связанное с крайне низким уровнем зарплаты и соцобеспечения.

В-третьих, крайнее переутомление старых большевиков, которые, будучи организаторами, вынесли на себе всю тяжесть тыловой и фронтовой работы в годы войны и нуждались в долгосрочном лечении.

В-четвертых, необходимость направления масс коммунистов на созидательную работу и неизбежное растворение старых большевиков в массе вновь прибывших. Страна нуждалась в хозяйственном восстановлении, а старики не могли вынести это на своих плечах.

И в-пятых, как следствие – конфликт поколений между старыми большевиками и молодыми партийцами, в полном объеме развернувшийся уже к XI съезду РКП(б) (1922). Дошло до того, что в Вологодской организации РКП(б) «наблюдалась своеобразная борьба «между верхами и низами», выражавшаяся в том, что более молодые в партийном отношении товарищи, в частности вернувшиеся в последнее время с фронта, получили преобладание в руководящем партийном центре, причем им не удалось установить правильные взаимоотношения с наиболее выдержанной пролетарской частью старых партийных работников г. Вологды, в результате чего велась в течение нескольких месяцев длительная борьба двух местных группировок. В настоящее время после присылки некоторых новых работников, не связанных с местными группировками, по-видимому удалось в основном устраниить прежние ненормальные отношения в организации» [10, с. 659].

Кадровая задача, в полном объеме вставшая перед партией после VIII съезда РКП(б), была сформулирована членом Политбюро, Секретарем ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинским в марте 1920 г. следующим образом: «Ввиду того, что верхний слой пролетариата, который делал Октябрьскую революцию, и интеллигентская часть нашей партии износились, поумирали, повыбиты на фронтах, нужно было выдвинуть новый слой рабочих, которые могли бы на свои свежие плечи принять ту работу, с которой трудно стало справляться тонкому слою прежних руководителей» [8, с. 93]. Однако между IX съездом (март 1920 г.) и

Х съездом (март 1921 г.) РКП(б) кадровая задача партии, как отметил старый большевик С. К. Минин, была благополучно забыта [8, с. 94].

18 января 1919 г., когда Гражданская война была еще в самом разгаре, один из ответственных губернских партийных и советских работников (Большаков) прямо заявил на XI Московской окружной конференции РКП(б): «...за последние четыре-пять лет (с начала Первой мировой войны. – С. В.) устали не только активные работники, но вся масса. Между тем, перегрузку в работе мы видим у всех» [14, л. 6]. К 1920–1921 гг. усталость накопилась такая, что передышка стала совершенно необходима. А времени на нее у страны не было: давала о себе знать и внешнеполитическая, и внутриполитическая нестабильность.

В условиях усталости и всеобщего недовольства В. И. Ленин вынужденно ошарашил собственную партию поворотом к новой экономической политике. Многочисленные агитаторы, еще вчера вешавшие на рабочих митингах о военном коммунизме, в изумлении завели новую песню, в которую, видимо, не поверили сами и в которую уж точно не поверил пролетариат [8, с. 89]. Поворот был настолько крутым, что резко возросло значение Агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП(б), под руководством которого осуществлялось в том числе и духовное кормление пролетариата как социальной базы большевистской партии, притом что агитационно-пропагандистская работа и без того «сильно упала в смысле ее качества» [8, с. 148] (цитируется Секретарь и член ЦК Е. А. Преображенский), поскольку «с каждым днем» ею занималось все меньшее число партийцев, прошедших «основательную марксистскую школу» [8, с. 159] (цитируется старый большевик Д. Б. Рязанов), как отмечалось 9 марта 1921 г. на X съезде РКП(б). Именно с этим, на наш взгляд, связана постановка В. И. Лениным во главе Агитационно-пропагандистского отдела в августе 1921 г. И. В. Сталина. Дошедшая до нас через третьи руки (В. И. Ленин – В. М. Молотов – журналист Феликс Чуев) [16, с. 237] ленинская острота, что Сталина-де поставили на Агитационно-пропагандистский отдел, поскольку там не требовалось большого ума, – представляется всего лишь литературной остротой. Вождь был слишком осторожен, чтобы озвучить столь светлую мысль, и прозорлив, чтобы не понимать значение отдела. Для организации мощного аппарата, нацеленного на прикрытие фарисейства вождей, как раз нужен был жесткий руководитель, склонный к упрощенному и в меру занудному разъяснению большевистским агитаторам и через них пролетарской пастве необходимости резкого внутриполитического поворота и неизбежности связанных с трудностями текущего момента временных

неудобств. В историографии признается, что со своими задачами в качестве руководителя Агитационно-пропагандистским отделом Сталин справился блестяще [13, с. 151]. И. В. Сталин в 1921–1922 гг. активно работал в Политбюро, наряду с Л. Б. Каменевым, принимая активное участие в деятельности его комиссий, решавших важные вопросы [12, л. 52а.].

Амнистия мелкобуржуазной стихии вызвала у рабочих только одно чувство – крайнее раздражение. Позднее, в декабре 1925 г., старый большевик С. И. Гусев припоминал, как в 1921 г., когда ввели НЭП, большевистская «молодежь, не очень сознательная, бегала на Тверскую улицу, останавливалась против первого гастрономического магазина, который открылся после введения нэпа, хваталась за волосы и кричала: «Погиб коммунизм, лучше застрелиться, чем продолжать такую гнилую жизнь». Отражение этой паники мы тогда увидели в лице Рабочей оппозиции внутри нашей партии» [1, с. 603–604.]. В марте 1921 г. В. И. Ленин, развивая наступление на оппозицию, начал с понятного всем делегатам намека: «Когда в Москве были беспартийные собрания, ясно было, что из демократии, свободы они делают лозунг, ведущий к свержению советской власти. Многие или, *по крайней мере, некоторые* (здесь и далее в цитате курсив наш. – С. В.) из представителей «Рабочей оппозиции» боролись против этого зла, против этой мелкобуржуазной контрреволюционности и говорили: «Мы против этого сплотимся». И действительно, сумели проявить максимальную сплоченность. *Все ли таковы из сторонников группы «Рабочей оппозиции» и других групп с платформой полусиндикалистской, я не знаю*» [8, с. 39]. Таким образом, вождь недвусмысленно намекнул, что в условиях разгоревшегося недовольства столичного пролетариата часть большевистской верхушки, ставшая во главе «Рабочей оппозиции», выступила единым фронтом с недовольными. В переводе на язык тогдашних агитационно-пропагандистских штампов Ленин обвинил часть видных деятелей РКП(б) в оппортунизме.

Для прорыва котла всеобщего недовольства в партии хватило своевременного отправления в топку одного-единственного полена. Н. Н. Крестинский со своими кадровыми перебросками большевистского нобилитета (по более позднему выражению члена Центральной контрольной комиссии З. Я. Седого, «многоуважаемой аристократии» – нескольких тысяч столичных ответственных работников, из которых сплошь и рядом перекидывались люди, которые «на местах не нужны» [10, с. 194]) через Оргбюро и Секретариат, их направлением в местные партийные организации и, главное для настоящего исследования, на фабрики и заводы сильно перестарался.

Еще в начале 1919 г., когда в связи со слабостью местных партийных органов на Московской окружной конференции РКП(б) было предложено запросить большевистских организаторов и агитаторов из Москвы, председатель Московского губернского исполкома Т. В. Сапронов разубедил обращаться в столицу, «так как и Москва немало дала людей на фронт и в советские организации». Сапронов сослался на столичный опыт по привлечению к большевистской работе пролетариата: «В районах Москвы за [партийную] работу взялись сами рабочие, и ими организация держится» [14, л. 8]. Теперь представьте себе этих пролетариев: они уже свыше года ведут партийную работу и вдруг им отказывают в утверждении в руководстве (секретарстве) тех самых ячеек, которые по большому счету сами они и организовали. Списки кандидатов на руководящие посты в партийных ячейках с фабрик и заводов направляются, в том числе и на утверждение в ЦК РКП(б), а в Секретariate ЦК Крестинский со товарищи неосторожно их заворачивают, поскольку им нужно «сослать» на завод недовольных большевистских бонз – подальше от вождей. Результат: массовое недовольство на заводах и фабриках «старичьем», не всегда умевшим говорить с рабочими на их языке и давно уже не способным отражать пролетарские чаяния (в советское время сказали бы: «оторвались от масс», «обюрократились»), притом что на IX съезде РКП(б) Д. Б. Рязанов как видный теоретик, закаленный в боях с анархосиндикалистами еще в период «единой» РСДРП, прямо заявил: «Профдвижение не должно знать никакой аристократии, иначе оно перестанет быть подготовительной школой коммунизма, иначе оно как раз тогда, когда нам удалось обеспечить победой свою борьбу, станет источником для зарождения рабочей аристократии» [7, с. 235], считавшейся (не совсем справедливо) социальной базой российского меньшевизма.

Таким образом, в условиях стремительного роста численности партии в РКП(б) начисто отсутствовала социальная мобильность. На всех ключевых партийных и государственных постах – от Полит- и Оргбюро и до Совнаркома – находились вожди, а на всех руководящих должностях более низкого уровня – узкая прослойка старых большевиков. На VIII Всероссийской конференции РКП(б) в декабре 1919 г. Н. И. Бухарин декларировал, что вступившие в партию «в наиболее критический момент» наступления Колчака или Деникина «в общей массе» своей «будут превосходить старых членов партии» [3, с. 155]. Однако на практике этим, вроде бы признанным «лучшими», партийцам, которых РКП(б) сумела «переварить» [3, с. 163] (т. е. не

карьеристам, а людям, работавшим не за страх, а за совесть), старики дорогу не дали.

На протяжении 1919 – первой половины 1920 г. конфликт находился в латентной стадии, «низы» заслушивали доклады и покорно принимали на собраниях предложенные «верхами» резолюции: по словам видного деятеля группы демократического централизма (децистов) В. Н. Максимовского, проходили «голосования, которые свойственны атмосфере не демократического централизма, а просто командования» [8, с. 249]. Совершенно логично, что такое положение в условиях острого кризиса в партии и государстве долго сохраняться не могло.

Летом 1920 г. Е. А. Преображенский подготовил к Пленуму ЦК РКП(б) тезисы, которые легли в основу циркулярного письма ЦК по борьбе с бюрократизмом и материальным неравенством в партии. Преображенский констатировал конфликт «верхов» партии в лице ее разросшегося аппарата и большевистских «низов», который мог прорваться наружу [6, с. 185]. Как известно, до сих пор в Российском государстве практикуются разнообразные субботники, названные в свое время В. И. Лениным «великим почином» рабочего класса. Мало известно другое: по признанию руководящих московских партийцев, «когда... в районах ставился вопрос о субботниках, часто рабочие руками и ногами отмахивались от них» [8, с. 243]. Деланный энтузиазм вождей-победителей разбивался о скалу усталости и недовольства партийных «низов» и рабочих масс.

После Июльского пленума ЦК РКП(б) 1919 г. дискуссия плавно перешла в колыбель революции: 19 августа вопрос обсуждался на закрытом партсобрании с участием членов Петроградского комитета, бюро райкомов, представителей советских и профсоюзных органов. Итогом стало выступление Г. Е. Зиновьева, признавшего, что коммунистическое равенство придет только после победы мировой революции, и предложившего продолжить прения «в тесном кругу определенных выдержаных товарищей» [15, с. 26]. То есть вопрос о «верхах» и «низах», по мнению одного из двух наиболее выдающихся большевистских «литераторов», следовало обсуждать исключительно в «верхах» партии – представителям руководящего ядра.

19 и 21 сентября 1920 г., накануне открывшейся 22 сентября IX Всероссийской конференции РКП(б), рассматривавшей в том числе вопрос о «верхах» и «низах», Е. А. Преображенский опубликовал двумя частями в «Правде» резкую статью «Коммунист-средняк» – настоящий гимн рядовым большевикам, с анализом причин «замирания партийной

жизни» и предложениями по «лечению» партии – значительно более радикальными, чем те, что предписал провести в жизнь циркуляр ЦК.

По утверждению Е. А. Преображенского, именно коммунист-средняк, цементировал крестьянскую, по преимуществу, Красную армию. «Красноармеец может податься назад – коммунист обязан оставаться последним на поле битвы. Красноармеец может быть взят в плен и не всегда расстреливается врагом. Коммунистов в плен не берут. Это, по прекрасному выражению Троцкого, наш орден красных самураев, которым нет пощады у врага и которые не сдаются. <...> Коммунист должен быть тверд и несокрушим, как бы ни страдало его усталое, измученное тело: он должен быть железным, потому что он коммунист. <...> Когда будет написана научная история нашей революции и нашей партии, когда каждая сила будет учтена по ее настоящему действию, тогда с полной ясностью выступит та гигантская работа, которую произвела в мировом перевороте железная пехота нашей партии, наш коммунист-средняк» [6, с. 420].

Проанализировав далее симптомы болезни партии (замирание партийной жизни, бюрократизм, засилье карьеристов, невнимание к воспитанию партийных резервов, разницу в условиях жизни, отрыв «верхов» от общения с рабочими и др.), Преображенский предложил партии «...немедленно начать проводить в жизнь решение VIII партийного съезда о периодическом возвращении к станкам ответственных рабочих-коммунистов. Мы не провели этого решения по крайней нашей бедности в силах, но опыт показал, что экономией на этом мы потеряли больше. Мне кажется далее, что было бы весьма полезно и нужно хоть раз в год ответственных работников – не рабочих – на месяц-полтора переводить на физическую работу в качестве чернорабочих. <...> Я глубоко убежден, что эти меры оправдают себя целиком. Наконец, ответственных товарищей, неспособных к физическому труду, необходимо временно переводить на губернскую и уездную работу – в частности, необходимо на первый раз третью часть членов коллегий наших центральных комиссариатов послать в провинцию, заменив их работниками с мест» [6, с. 421]. Эти предложения Преображенского очень напоминают идеи деятелей Рабочей оппозиции. Сходные убеждения могли явиться основой для блока двух оппозиций.

И последняя в 1920 г. из радикальных мер была предложена Е. А. Преображенским уже непосредственно на IX Всероссийской конференции РКП(б): «...я предложил бы меру, которая очень целесообразна – это одинаковая подсудность и даже не одинаковая, а большая подсудность партийных работников перед обычным

гражданским судом за те преступления, которые они делают. Было бы очень желательно, если бы пяток или десяток безобразников нашей партии мы судили бы публично, об этом писали бы и таким образом показали отношение партии к таким проступкам. Когда мы брали власть в Октябрьские дни, у нас ничего подобного не было, и только постепенно стали нарождаться эти безобразия, но теперь мы говорим: «Довольно, будет» [6, с. 421]. В этом с Е. А. Преображенским согласился бы и В. И. Ленин, неустанно заботившийся о чистоте рядов своей партии.

Большинство из разработанных по инициативе Преображенского мер (пожалуй, за исключением большей подсудности коммунистов) были закреплены IX Всероссийской конференцией РКП(б) (22–25 сентября 1920 г.) в резолюции «Об очередных задачах партийного строительства» [6, с. 421].

По мнению А. Н. Чистикова, вопрос о «верхах» и «низах» еще несколько раз возникал на общероссийском уровне: на IX Всероссийской конференции РКП(б), XI съезде РКП(б), XII Всероссийской конференции РКП(б). Результатом этих обсуждений явилось принятие несекретных резолюций на XII конференции, официально закрепивших сложившуюся уже к тому времени систему привилегий для ответственных работников [15, с. 26].

Утверждение Е. Г. Гимпельсона о том, что суть дискуссии о «верхах» и «низах» заключалась прежде всего в отеснении рядовых партийцев от материальных и иных привилегий [5, с. 119], и сделанный на основании анализа исключительно настроений петроградских пролетариев тезис С. В. Ярова о том, что «основные споры в рабочей среде всегда касались только бытовых и материальных вопросов, крайне редко выходя за их пределы» [17, с. 133], подкорректированный заявлением о том, что «эгалитарный настрой зачастую инициировал протест против привилегий государственных и иных чиновников в послеоктябрьское время и тем самым усиливал политическую критику рабочих» [5, с. 188], представляется некоторым упрощением действительности. Особо осложняло положение то обстоятельство, что, как заметил М. М. Горинов, в годы Гражданской войны, наряду с отчуждением рабочих от собственности, «произошло их отчуждение и от власти» [6, с. 165].

Во исполнение резолюции конференции по переброске из Москвы ответственных партийных и советских работников и об изменении личного состава народных комиссариатов и других центральных учреждений Центральный комитет РК(б) произвел почти полное обновление Малого Совнаркома, председателем которого назначил

лидера децистов Т. В. Сапронова, и сокращение или обновление свежими местными работниками некоторых коллегий (НКПС, Наркомпрода, Наркомрабкрина, Наркомфина, НКИД, Наркомюста) [6, с. 424]. Назначение Т. В. Сапронова нельзя не признать гениальным политическим шагом В. И. Ленина: он поставил лидера московских фрондеров на самый неблагодарный и чаще других критикуемый участок правительственной работы. В перспективе это позволило свалить на Сапронова бюрократизацию правительенного аппарата – наследство царизма и Временного правительства, от которого большевикам, несмотря на огромное желание их вождя и его соратников, в конкретно-исторических обстоятельствах избавиться не удалось.

Персональную ответственность несли В. И. Ленин и В. Д. Бонч-Бруевич, расплодившие совнаркомовских аппаратчиков. Назначение Т. В. Сапронова позволяло дискредитировать московскую оппозиционную группировку и при этом подчеркнуть, что ЦК готов «демократически» сотрудничать с оппозицией.

Параллельно с активизацией децистов развернула бурную деятельность Рабочая оппозиция, что, как считается в новейшей отечественной историографии, объективно привело к перетеканию дискуссии о «верхах» и «низах» в партии в заключительный этап Профсоюзной дискуссии [9; 11, с. 48].

Пролетарии не желали, чтобы в партии командовали интеллигенты. А. Г. Шляпников на одном столичном предприятии, рабочие которого угрожали забастовкой, услышал требование очистки большевистской партии «от интеллигенции» [8, с. 80]. Во время забастовок на целом ряде предприятий, констатировал старый большевик Е. Н. Игнатов, рабочие «выталкивали» коммунистов с заводов» [8, с. 236]. Усталость рабочих и недовольство политикой «верхов» привели к массовому выходу из рядов РКП(б) прежде всего московских пролетариев. В Городском РК РКП(б), где размещалось большинство воинских частей и ячеек государственных учреждений, насчитывалось несколько тысяч членов партии, в рабочих кварталах – 100–150 «коммунистов вчерашнего дня» [8, с. 82]. Пугало, что большевистские организации превращались по своему составу «в... крестьянские». Так, в центре промышленного Урала, кузнеце партийных радикалов, вотчине Я. М. Свердлова, Г. Мясникова и Е. А. Преображенского, две трети большевиков составляли крестьяне [8, с. 81].

В феврале 1921 г. Е. Н. Игнатов с горечью говорил на V Московской губернской конференции РКП(б): «Было принято решение

о большей свободе дискуссий внутри партии... Эти мероприятия все же не были проведены в жизнь... Когда низы партии стремились к проведению намеченной задачи, они встретили яростное сопротивление (курсив наш. – С. В.)» [6, с. 165].

Итог ясен: на X съезде РКП(б) вожди в полном объеме столкнулись с рабочей оппозицией, и прежде всего с неугомонным А. Г. Шляпниковым, уже в ходе дискуссии о профсоюзах переросшей в завершающий этап дискуссии о «верхах» и «низах» в партии. Квинтэссенцией претензий к «верхам» стали следующие слова оппозиционного вождя (утреннее заседание 9 марта 1921 г.): «...в верхушках партии и советского аппарата мы видим очень тоненький слой людей, изношенных и перегруженных работой, которые перемещаются с одного места на другое, отдельные лица из этого слоя пересаживаются с одного стула на другой. О вовлечении низов, об использовании опыта мест и новых сил очень много говорят, но мало в этом направлении делают. Тов. Степанов говорил, что мы сильно «обезлюживаем места». Мы «обезлюживаем места» не для пополнения руководящих постов в партии и государстве, но для того, чтобы сделать работников с мест канцеляристами или курьерами» [8, с. 75]. На X съезде потерпели поражение децисты и рабочая оппозиция, однако главная проблема решена не была.

Со временем (на XII съезде РКП(б) 1923 г.) дискуссия о «верхах» и «низах» плавно перетекла в дискуссию «литераторов» и «хозяйственников».

Литература и источники

1. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г. : Стеногр. отчет. М.; Л., 1926. С. 603–604.
2. Войтиков С. С. Неизвестное противостояние: ЦК или Совнарком. М., 2018. С. 114–138.
3. Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г. М., 1934.
4. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959.
5. Гимпельсон Е. Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления: 1917–1930. М., 2003.
6. Горинов М. М. Евгений Преображенский: Большевик из поповичей. М., 2015.
7. Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960.
8. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: Стеногр. отчет. М., 1963.
9. Носач В. И. Профессиональные союзы России 1905–1930 гг. СПб., 2001.
10. Одиннадцатый съезд РКП(б). Март – апрель 1922 г. М., 1936.
11. Павлюченков С. А. Орден меченосцев. М., 2008.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 169. Д. 14.
13. Сахаров В. А. «Политическое завещание» Ленина. М., 2003.

14. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 45.
15. Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1917–1920-х гг.: Автореф. дисс. д-ра ист. наук. СПб., 2007.
16. Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М., 2002.
17. Яров С. В. Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999.

Белоусов И. В.

Сепаратизм в контексте Гражданской войны в России. Оценка исторического опыта (1918–1921)

Аннотация. Статья посвящена одной из важнейших проблем гражданского противостояния в России, когда к классовым факторам, считающимся одними из основных для революционных процессов, добавились национальные, сословные и региональные факторы, борьба достигла невиданного накала и привела к многочисленным жертвам. На протяжении ряда лет в стране господствовали разрушительные для государственности тенденции и виноваты в этом были все стороны борьбы, притом что все использовали распад страны сугубо в своих целях. Но если контрреволюционный лагерь часто действовал неуклюже в рамках вынужденных мер, навязанных обстоятельствами, то большевики сознательно использовали в своих целях сепаратистский фактор.

Ключевые слова: сепаратизм, легитимность, квазигосударство, Гражданская война, автаркия, национально-государственное строительство.

Belousov I. V.

Separatism in Context of Civil War in Russia. Assessment of Historical Experience (1918–1921)

Abstract: The article is devoted to one of the most important problems of civil opposition in Russia. At the time, when national, estate and regional factors were added to class factors considered to be one of the basic ones for revolutionary processes, the struggle reached unprecedented tension and resulted in numerous victims. For many years there were prevailing trends in the country which were destructive for statehood, and all the parties of the struggle were guilty of that. Besides, everybody used disintegration of the country for purely their own purposes. But if the counter-revolutionary camp often acted awkwardly within the framework of the forced measures imposed by the circumstances, the Bolsheviks consciously used a separatist factor for their own purposes.

Key words: separatism, legitimacy, quasi-state, civil war, autarchy, national state development.

Проблемы, связанные с сепаратизмом, давно являются объектом пристального изучения ученых, связанных практически со всеми

общественными науками. Территориально сложноустроенное государство, состоящее из «собранных» частей, всегда стоит перед вызовом утраты части своих земель. Произойти это может или в результате внешнего воздействия, или в результате внутренних дезорганизационных процессов. Но внешнее воздействие и внутренние дезорганизационные процессы могут совпасть в какой-то конкретный исторический момент. Это усложняет ситуацию и делает проблематичным какой-либо положительный финал противостояния в контексте сохранения единства государства.

Прошло сто лет после событий, вызванных русской революцией. Среди череды этих событий, связанных с проблемами оценки противостояния, точкой отсчета которых был 1917 г., отдельно стоит вопрос национально-государственного строительства на территории распадавшейся Российской империи.

Из различных вариантов обособления более-менее ясно, что происходило в рамках существовавших когда-либо государственных образований или народов, может и не имевших ранее какой-либо государственности, но стремившихся к этому по мере усиления самоидентификации и осознания возможной необходимости самостоятельного государственного строительства. При этом важно отметить, что некие формы федерализации вполне были сами по себе современны событиям. Унитарное устройство Российской империи, основанное на архаичных принципах организации, действительно было вчерашним днем.

Более того, считается, что императорская Россия, была «тюрьмой народов». Это конечно сложный вопрос, так как именно как в тюрьме буквально могли воспринимать себя все-таки немногие. Но тем не менее желание обрести былую государственность поляков, гражданские права евреев и партикуляризм финнов – это уже много и достаточно для выдвижения определенных требований.

С большинством остальных народов было проще, но прекратившая существование империя, подорвала легитимность единства в рамках российской государственности, а пришедшие к власти большевики эту легитимность похоронили, причем очень своеобразно – правом наций на самоопределение. За все годы изучения Гражданской войны большинство исследователей привыкли если не ругать, то негативно воспринимать опыт многочисленных государственных образований, сформировавшихся на руинах российской государственности. Если более-менее все понятно с прибалтийскими странами, закавказскими республиками, то какие-то

донские, кубанские и прочие квазигосударства, точно не соответствовали правопониманию легитимной государственности.

Мало кто обвиняет крупные составные части российского государства в сепаратизме, они «ушли» «как бы» закономерно. Сепаратисты – это кубанские и донские казаки, горцы Кавказа, «областники» Сибири и прочие, кто не был согласен ни с большевистской национально-государственной доктриной, которой по сути и не было, а все шло методом проб и ошибок, ни с деникинской политикой «единой и неделимой» России, какrudимента, более того, как целостности, которой не существовало.

А что делать с Донской Советской Республикой (просуществовавшей с марта по май 1918 г.), Одесской СР (с января по март 1918), Советской Социалистической Республикой Таврида (с марта по апрель 1918), Крымской Советской Социалистической Республикой (с апреля 1918 по июнь 1919), Кубанской СР (с апреля по май 1918), Кубано-Черноморской СР (с мая по июль 1918), Калмыцкой АО (с июля 1920), Ставропольской СР (с января по июль 1918), Северо-Кавказской СР (с июля 1918 по январь 1919). И счет таким советским государственным образованиям в годы Гражданской войны шел на сотни. Только в качестве денежной единицы существовало около 500 разных валют.

И как-то сложилось, что одни сепаратисты, а вторые вполне себе нормальные государственники. Оставим в стороне вопрос партийно-государственного строительства, которое предполагало, что родственное социально-экономическое и политическое устройство, т. е. «советскость», в будущем будет способствовать объединительным процессам.

Во-первых, если это будущее и просматривалось, то с великим трудом. А во-вторых, когда коммунисты себя в крестьянских и казачьих районах дискредитировали, ну хотя бы расстрелами и продразверсткой, то какой лозунг был у восставших людей? «За Советы без коммунистов». И партия, кстати, свернула свою «советскую» политику, буквально сказав, что собственно без нас, коммунистов, и Советы-то не нужны. У власть оказывались политотделы войсковых соединений в зоне фронтов и тыла, а где армия прошла, наступало время «чрезвычаек».

Может быть, интеллектуалы с той или с другой стороны и имели какие-нибудь теоретические построения насчет будущего, насчет того, федерализировать ли страну, как и когда это делать, сейчас или после победы, на каких основаниях, что будет лежать в основе национальной политики, учредительное ли собрание решит это, жизнь ли подскажет.

Впереди у красных будет свой спор об «автономизации» или еще как, но люди-то, которых всегда подавляющее большинство, тех, которые создают национальное богатство, кто пашет и сеет, воюет и погибает, т. е. по сути решают, как жить, в большинстве неграмотные и живущие сегодняшним днем, не разбирающиеся в хитросплетениях политической жизни, но имеющие практическую житейскую сметку и мудрость вековую, – эти люди рассуждали вполне соответствующе: если этим можно, а начальства уже нет, то и мы можем. И появлялись в одном селе две республики и к классовым и иным социальным противоречиям добавлялся конфликт между противостоящими группировками, каждая из которых вполне может называться сепаратисткой. И друг друга били, воевали и с белыми, и с красными, и со всеми вокруг, умножая число жертв Гражданской войны.

Примером влияния может служить «кубанское действие», когда после переворота, учиненного Деникиным, с фронта стала уходить кубанская казачья конница, главная ударная сила ВСЮР, что в значительной степени предопределило неудачу белых.

Таким образом, сепаратизм во время Гражданской войны в России был абсолютно закономерным явлением, но при этом фактором, который еще в большей степени обострял уровень противостояния. К сепаратизму вели не только интересы насущной политики выхода из кризиса попыткой отсечения лишнего, но и автаркизация. В политическом плане, сепаратизм поддерживала и политика советской власти, которая ради достижения определенных результатов, часто сознательно размывала устои российской государственности, с возможными планами последующего объединения на иной социально-политической и экономической базе (при том, что в рамках тогдашнего противостояния этого объединения не просматривалось).

Литература и источники

1. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Любое издание.
2. *Краснов П. Н.* Всевеликое войско Донское // Дон и Добровольческая армия. М., 1992.
3. *Покровский Г.* Деникинщина. Год экономики и политики на Кубани. 1918–1919. Харьков, 1926.
4. *Скобцов Д.* Драма Кубани // Революция и Гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., 1991.

Бабкин М. А.

Поместный собор Русской православной церкви и убийство Николая II

Аннотация. В статье рассматривается отношение высшего органа церковной власти – Поместного собора 1917–1918 гг. к послереволюционной судьбе Николая II. Проводится сравнительный анализ соответствующих реакций Поместного собора на аресты представителей епископского корпуса и членов самого Поместного собора, с одной стороны, с реакцией на содержание под стражей Николая II и на его убийство – с другой.

Ключевые слова: православная церковь, Поместный собор Русской православной церкви 1917–1918 гг., аресты епископов, убийство Николая II.

Babkin M. A.

Local Council of the Russian Orthodox Church and the murder of Nicholas II

Abstract. The article deals with the attitude of the highest body of Church power – the Local Council of 1917–1918 to the post-revolutionary fate of Nicholas II. A comparative analysis of the relevant reactions of the Local Council to the arrests of representatives of the Episcopal corps and members of the Local Council itself, on the one hand, with the reaction to the detention of Nicholas II and his murder, on the other.

Keywords: Orthodox Church, Local Council of the Russian Orthodox Church of 1917–1918, arrests of bishops, murder of Nicholas II.

Постановление об аресте всех членов династии Романовых было принято 3 марта¹ 1917 г. на заседании Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Вскоре, 7-го числа, под давлением Петросовета Временное правительство приняло решение о лишении свободы отрекшегося императора и его супруги, что было исполнено на следующий день.

Первоначально семья последнего императора содержалась под арестом в своей резиденции – Александровском дворце Царского Села (ныне г. Пушкин). Рано утром 1 августа 1917 г. по постановлению Временного правительства царственные узники поездом были отправлены в Тюмень. Далее пароходом они проследовали в губернский Тобольск, в который прибыли 6 августа, на праздник Преображения Господня.

¹ Здесь и далее даты до 1 (14) февраля 1918 г. приводятся по старому (юлианскому) календарному стилю.

Через полторы недели после начала тобольского заточения царственных узников, 15 августа 1917 г., в Москве был открыт Поместный собор – высший орган управления Русской православной церкви (РПЦ), обладающий полнотой церковной власти. Подготовка Собора шла около 10 лет. Для работы на этом церковном форуме было избрано и назначено по должности 564 человека: 80 архиереев, 129 лиц в пресвитерском сане, 10 диаконов из белого (женатого) духовенства, 26 псаломщиков, 20 монашествующих (архимандритов, игуменов и иеромонахов) и 299 мирян [10, Т. 1, с. 119–133]. Собор воспринимался как Церковное учредительное собрание. На его открытии из членов Временного правительства присутствовали премьер-министр А. Ф. Керенский, министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев и министр исповеданий А. В. Карташев. Много было представителей дипломатического корпуса, российской и зарубежной прессы.

Для обеспечения слаженной и бесперебойной работы Поместного собора Временное правительство помогло деньгами: по ходатайству А. В. Карташева 9 октября 1917 г. оно ассигновало 2 млн рублей беспроцентной ссуды сроком на пять лет (что составляло примерно четвертую часть от планировавшихся первоначально финансовых расходов). Остальные деньги поступали из средств монастырей [18, Т. 2, с. 319].

Собор работал более года. За этот период состоялись три его сессии: первая – с 15 (28) августа по 9 (22) декабря 1917 г., вторая и третья – в 1918 г. (с 20 января (2 февраля) по 7 (20) апреля и с 19 июня (2 июля) по 7 (20) сентября). В истории Поместный собор 1917–1918 гг. известен в первую очередь тем, что на нем было восстановлено патриаршество, упраздненное в начале XVII в. в ходе реформ императора Петра Великого.

5 ноября 1917 г. на Соборе Патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Тихон (Беллавин)¹ [11, Т. 2, с. 192]. Через два

¹ Один из современников – князь Н. Д. Жевахов, находясь в эмиграции, писал: «В стихийном движении к патриаршеству было предусмотрено все, кроме одного условия: ...личной готовности и способности патриарха принести себя самого в жертву Православной Церкви (выделено Н. Д. Жеваховым. – М. Б.). Но именно это условие было не только предусмотрено большевиками, но на нем они строили свою программу разрушения Церкви, зная, что времена Гермогенов прошли, и что борьба с одним Патриархом гораздо легче, чем с собором епископов (т. е. со Святым Синодом. – М. Б.)... <...> Большевики, оценивающие события с точки зрения реальных фактов и побеждающие в борьбе с утопистами, не только не препятствовали Собору, но даже приветствовали идею восстановления патриаршества, хорошо сознавая, что за исключением митрополитов Питирима [Окнова] и Макария [Парвицкого-

дня, 8-го числа, было принято «Определение о правах и обязанностях святейшего Патриарха Московского и всея Руси». В частности, Патриарх был облечен полномочиями представителя РПЦ перед государством и имел «долг печалования пред государственной властью» [20, № 9–10, с. 51–55; 17, с. 3–4]. Вскоре, 21 ноября, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, состоялась интронизация (настолование, или возведение на патриарший престол) владыки Тихона. У Русской церкви появился «церковный монарх», наделенный, по сути, неограниченной властью, и подотчетный лишь Поместному собору [10, Т. 3, с. 105–111; Т. 4, с. 36–75].

По словам князя Н. Д. Жевахова, Поместный собор 1917–1918 гг. – «одно из самых непостижимых завоеваний революции». Этот Собор, вопреки исторической практике Восточной православной церкви, был созван без воли императора, неоднократно признававшего его созыв несвоевременным [11, Т. 2. с. 194–195; 19, с. 517]. Собор даже не упомянул, что во время его заседаний царская семья находилась под арестом в Сибири, не потребовал ни у Временного, ни у советского правительства ее немедленного освобождения или хотя бы разъяснений относительно не вполне ясных и убедительно обоснованных причин ее ареста и содержания под стражей (в первую очередь, цесаревича и великих княжен).

Вместе с тем, такую позицию в отношении монарха и его августейшей семьи можно сравнить с реакцией Поместного собора на первый арест большевиками архиерея РПЦ – викария Владивостокской епархии епископа Камчатского и Петропавловского Нестора (Анисимова).

Владыка Нестор был арестован в Москве отрядом красноармейцев в ночь на 16 февраля (1 марта) 1918 г. и заточен в Таганскую тюрьму. На следующий день Поместный собор (после безуспешных попыток двух своих делегатов добиться от представителей штаба Московского гарнизона мотивировок обыска и ареста преосвященного) принял специальную резолюцию. Она гласила: «Заслушав сообщение о беззаконном аресте в г. Москве члена Собора епископа Камчатского

Невского], этих немощных телом, но сильных духом иерархов, устранных от участия в [Поместном] Соборе, да одного и до ныне здравствующего архиепископа, кандидатура которого на патриарший престол не была бы допущена самими иерархами, в России не было ни одного иерарха, который бы мог являться для них угрозой. Наоборот, они были уверены, что восстановление патриаршего чина только облегчит им их задачу, ибо знали, какого рода испытания готовили Православной Церкви, и то, что пред этими испытаниями не устоит ни один из намеченных Собором кандидатов в Патриархи».

Нестора, священный Собор, в полном единении с верующим народом, выражает глубочайшее негодование по случаю нового насилия над Церковью и требует немедленного освобождения Преосвященного узника». Помимо этого, делегаты Поместного собора решили оповестить население Москвы (в первую очередь настоятелей церквей и приходские организации) об аресте владыки Нестора и необходимости совершения молений о его «здравии и спасении» [5, л. 31–32; 10, Т. 7, с. 113].

И вечером того же дня епископа Нестор был переведен из тюрьмы в Новоспасский монастырь под домашний арест, не пробыв в тюрьме и суток. Менее чем через месяц, 12 (25) марта, владыка был полностью освобожден и продолжил участие в работе Поместного собора.

Весьма похожую инициативу проявил Собор и в отношении арестованного в Перми в ночь на 17 июня 1918 г. и через три дня расстрелянного другого своего члена – архиепископа Пермского Андроника (Никольского). Постановлением Патриарха Тихона и Священного Синода от 14–17 августа для расследования обстоятельств произошедшего в Пермь была послана делегация из трех человек во главе с архиепископом Василием (Богоявленским). И хотя все члены этой делегации по пути из Перми были убиты ворвавшимися в их вагон красноармейцами, тем не менее решительная позиция Поместного собора в отношении судьбы владыки Андроника – весьма показательна [15, Т. 2, с. 413; Т. 7, с. 38].

Таким образом, явное различие в позиции священнослужителей РПЦ относительно арестов императора и архиереев свидетельствует о том, что духовенство блюло лишь свои, с позволения сказать, «корпоративные интересы», но не спасение царской семьи и монархии как института¹. Императора же, как помазанника Божия, духовенство «своим» не считало, поскольку он являлся «харизматическим конкурентом»² [4, с. 97–109; 3]. В рассматриваемом контексте еще более

¹ В этом же русле следует отдельно отметить и то, что патриарх Тихон, имея в своих полномочиях (согласно упомянутого определения Поместного собора о правах и обязанностях патриарха) «долг печалования перед государственной властью», ни разу не поднял перед властями вопроса о судьбе содержащихся в заключении царственных узников.

² Основной вопрос проблемы «священства-царства» – что выше и главное: царская или иерархическая власть. Он, в свою очередь, обусловлен следующими. Поскольку Господь Иисус Христос есть и Великий Царь, и Великий Архиерей («Царь царям и Архиерей архиереям»), то кого на земле (в мире *дольнем*) считать Его «живым образом»? Земной «иконой Его первообраза»? Царя или патриарха? У кого из них выше сакральный авторитет? Кто из них является «проводником воли Божией»?

показательна позиция Поместного собора относительно арестованного советской властью А. В. Карташева – министра исповеданий Временного правительства (до назначения на эту должность с 24 июля по 5 августа 1917 г. являлся последним в истории РПЦ синодальным обер-прокурором). 24 ноября Собор принял особое, «для оглашения в печати», заявление с требованием освободить бывшего министра исповеданий. Оно заканчивалось следующими словами: «Выражаем твердую уверенность, что в деятельности А. В. Карташева не было ничего, что могло бы явиться предметом общественного суда и запятнать его добре имя, имея в виду, что многие товарищи его по кабинету, одинаково ответственные за деятельность правительства, давно уже получили свободу, Всероссийский Церковный Собор настаивает на немедленном освобождении А. В. Карташева из Петропавловской крепости». И через некоторое время А. В. Карташев был выпущен советской властью на свободу, получив возможность участвовать в работе Поместного собора [12, с. 91].

Таким образом, об освобождении арестованного министра Временного правительства Поместный собор считал нужным ходатайствовать перед советской властью, а за содержащегося под стражей помазанника Божия и его семьи – нет. Образно говоря, для духовенства бывший член низвергнутого большевиками Временного правительства был «классово близок» (ведь Поместный собор собрался при прямом или косвенном содействии А. Карташева как синодального обер-прокурора и министра исповеданий Временного правительства). А Николай II – «бывший» «верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния»¹ [16, Т. 1, Ч. 1, с. 18] – «классово чужд»: чужд как «харизматический конкурент» священства, как неоднократно откладывавший созыв Поместного собора [3, с. 73–126]; причем «классово чужд» до такой степени, что его судьба членов высшего органа церковной власти фактически не интересовала.

Неоднозначно отреагировали члены Поместного собора на известие о расстреле в Екатеринбурге бывшего государя² [2, с. 96–97,

¹ В законодательстве Российской империи говорилось: «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния».

² 6 (19) апреля 1918 г. по решению Президиума ВЦИК семью последнего императора из столицы Сибири следовало переправить на Урал. 9 (22) апреля из Москвы в Тобольск прибыл отряд красноармейцев. В результате определенных переговоров с караулом, назначенным еще Временным правительством, царская семья была передана большевикам.

99, 101–102, 188, 224]. На заседании 6 (19) июля 1918 г. делегаты постановили отслужить по убиенному императору панихиду. Причем ей предшествовало обсуждение вопроса о том, стоит или нет ее служить. Так, протоиерей Ф. Д. Филоненко был против, поскольку, по его словам, она «поставит Собор в очень острое отношение к властям, этим несомненно (власти. – *М. Б.*) воспользуются, чтобы начать жестокое гонение на Православную Церковь». Его оппоненты из мирян высказывались, что служение панихиды по невинно убиенному императору – христианский долг всех православных, что убийство Николая II – преступление местных властей. Профессор Б. В. Титлинов в своем выступлении, в частности, сказал: «Мало отслужить по убиенном бывшем государе панихиду или даже 40 панихид; нравственное достоинство Собора обязывает его к тому, чтобы заклеймить это преступление (убийство Николая II. – *М. Б.*) соответствующим словом» [10, Т. 9, с. 149–150]. Генерал Л. К. Артамонов высказал такую точку зрения: «Я не могу допустить, чтобы кто-нибудь мог с осуждением отнестись к молитве за Помазанника Божия, теперь уже представшего пред судом Божиим. Если и были недочеты в его царствовании, то ведь это наша общая вина, вина всего русского народа. И теперь мы, как верующие христиане, знающие как спасительна молитва за усопших, возносим моление об упокоении души невинно убиенного Помазанника Божия» [6, л. 6–7; 10, Т. 9, с. 148–149; 13, с. 102–124].

В ходе обсуждения выступил и миссионер из Екатеринославской епархии В. И. Зеленцов (в 1919 г. принявший священство и в 1925 г. рукоположенный в епископа Прилукского). Он сказал: «Я хочу остановить внимание только на той стороне, которую оставили в стороне в своих речах предшествующие ораторы. Убиенный бывший царь для Церкви есть Помазанник Божий, и я буду говорить только с этой церковной точки зрения, совершенно забывая о всякой политике. Отставной бывший царь есть Помазанник Божий и так он остается и после своего отречения от власти, ибо помазание с него не снято. Мы

По причине болезни цесаревича, не способного преодолеть около 300 верст конным путем по весенней распутице, царская семья была разъединена. 13 (26) апреля из Тобольска в Тюмень были вывезены Николай II, его августейшая супруга, дочь (великая княжна Мария) и несколько приближенных. 17 (30) апреля они железной дорогой были доставлены в Екатеринбург. Остальные дети и слуги после открытия навигации отбыли из Тобольска 7 (20) мая (на следующий день после пятидесятилетия Николая II). В Екатеринбург они прибыли 10-го (23-го). В ночь с 3 (16) на 4 (17) июля 1918 г. царская семья, по санкции Москвы, без суда была расстреляна.

должны судить о нем как о Помазаннике. Мы служили панихиду, когда убивали священников или архиереев – этих помазанников на иерархическое служение. Но вот убивается Великий Помазанник другого рода благодати, убивается беззаконно, и мы теперь решаем, нужно ли служить по нем панихиду. Двух мнений здесь быть не может. Мы не можем уклониться от своего долга, мы обязаны помолиться. Забудем, что он бывший царь, мы будем молиться об упокоении раба Божьего Николая, Помазанника Божьего» [13, с. 109].

После прений на том заседании, прекращенных председателем – Патриархом Тихоном, вопрос о служении панихиды по Николаю II был поставлен на голосование. Из присутствующих на заседании 143 членов Поместного собора против проведения поминальной службы проголосовало 28 человек (почти 20%) и 3 воздержалось (около 2%). Тогда Патриархом при общем пении членов Собора была совершена панихида по государю [10, Т. 9, с. 150–151; 6, л. 1–3]. Также духовной властью было сделано официальное распоряжение отслужить во всех церквях России панихиды с поминовением по формуле: «[об упокоении] бывшего Императора Николая II»¹ [10, Т. 9, с. 201; 14, с. 51]. Весьма характерно, что ранее, по получении «аналогичных» известий об убийстве в Киеве почетного председателя Поместного собора митрополита Владимира (Богоявленского), реакция Собора значительно отличалась от рассмотренной. Решением Собора на 15 (28) февраля 1918 г. было назначено особое траурное заседание. Оно началось со служения панихиды об упокоении души владыки Владимира. Причем отслужена она была (в отличие от панихиды по убиенному помазаннику Божию) «без обсуждений». Ее возглавил Патриарх Тихон при общем пении всех присутствующих на заседании. В тот же день было решено в субботу накануне сорокового дня кончины митрополита повсеместно совершить молитвенное поминовение почившего [10, Т. 7, с. 53, 76]. Позже, 5 (18) апреля, Поместный собор принял специальное постановление «О мероприятиях, вызываемых гонениями на Православную Церковь» [10, Т. 9, с. 125], в котором, среди прочего, устанавливалось ежегодное поминовение убиенного киевского архипастыря. Разница реакций Поместного собора на убийство царя и

¹ Служение панихиды по расстрелянному царю и распоряжение молиться на местах об упокоении его души в советской литературе расценивались как показатель того, что патриарх Тихон «был ярым монархистом».

убийство архиерея настолько явная, что в комментариях, на наш взгляд, не нуждается.

8 (21) июля, во время службы в московском Казанском соборе (в присутствии, со слов очевидца, 100–200 человек [10, Т. 9, с. 201]), Патриарх Тихон о расстреле Николая II произнес проповедь. Он отозвался об убийстве, как об ужасном деле, с которым христианская совесть не может согласиться. Тихон осудил как исполнителей расстрела, так и представителей властей, которыми оно было одобрено и признано законным: «Мы должны, повинуясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его», – сказал Патриарх. «Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего государя, – продолжал Тихон, – беспристрастный суд над ним принадлежит истории, а он теперь предстоит пред нелицеприятным судом Божиим». Несколько странно звучало и следующее высказывание Патриарха об убитом императоре: «Он ничего не предпринимал для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе...» [8, л. 5–11; 1, с. 142–143]. Можно было подумать, что у находившегося в заключении Николая II была масса возможностей «для улучшения своего положения». Хотя у самого Патриарха (как и у высшего органа власти РПЦ – Поместного собора) было несравненно больше возможностей оказать помощь и поддержку и царственному узнику, и его августейшей семье (см., например, предпринятый Собором комплекс мер при вышеупомянутом аресте властями викарного епископа Нестора (Анисимова)).

Весьма показательно, что в своей проповеди Патриарх ни разу не назвал Николая II помазанником Божиим, но дважды – «бывшим государем». Следует отметить и то, что Тихон осудил убийство Николая II как человека, но не как помазанника. Иначе говоря, в проповеди Патриарха прозвучало осуждение екатеринбургских исполнителей злодеяния и их покровителей (членов ВЦИК) за грех против заповеди Божией «Не убий» [Исх. 20, 13; Матф. 19, 18]. Но ни слова не было сказано об убийцах, как о тех, кто поднял руку на христа Господня (в смысле слов Священного Писания: «Не прикасайтесь к помазанным Моим» [1 Пар. 16, 22] и «Кто, подняв руку на помазанника Господня, останется ненаказанным?» [1 Цар. 26, 9]). Объяснить это можно тем, что Патриарх разделял позицию большинства церковных деятелей того времени, ощущавших в особе императора «харизматического конкурента» иерархии (достаточно вспомнить, что в

Ветхом Завете христами Господними именуются цари, первосвященники и пророки). Потому-то, по нашему мнению, Патриарх Тихон и не хотел напоминать своей пастве о помазанничестве расстрелянного.

11 (24) июля на закрытом заседании Поместного собора был поднят вопрос о содержании проповеди святейшего, сказанной 8 (21) июля в Казанском соборе. (Поводом к тому послужило предложение протоиерея П. И. Лахостского включить проповедь Патриарха в соборные «Деяния»). Депутат В. Г. Рубцов публично заявил, что не разделяет мнения Патриарха, осудившего убийство бывшего царя. Рубцов счел позицию Патриарха «политической демонстрацией». Он заявил, что Тверская епархия послала его для решения чисто церковных задач, а не для занятия политикой. Закончил Рубцов свою речь едва ли не евангельскими словами: «Я умываю руки от этой вредной демонстрации» (сравн.: [Матф. 27, 24]). Однако такая позиция вызвала несогласие ряда делегатов, поддержавших позицию Патриарха. На заседаниях 12 (25) и 13 (26) июля члены Собора постановили, что они «усматривают в словах святейшего патриарха мысли и чувства, которые должна носить в себе вся православно-верующая Россия» [10, Т. 9, с. 199–205; 7, л. 8–8 об., 14, 47 об.; 8, л. 8, 12, 19, 22].

В целом, в ходе дискуссии члены Поместного собора осудили убийство императора. Тем не менее акта с официальной позицией относительно расстрела помазанника Божия от них все же не последовало.

С учетом, с одной стороны, активной позиции Поместного собора в отношении арестованных советской властью иерархов РПЦ и бывшего министра исповеданий Временного правительства, а также, с другой, – фактического отрещения соборян от каких-либо забот о судьбе содержавшейся более года под арестом царской семьи, можно констатировать определенные антимонархические настроения, царившие на Поместном соборе. Впрочем, такая позиция высшего органа церковной власти была следствием и логическим продолжением политической линии, проводимой в первые дни и недели Февральской революции официальным духовенством в отношении свержения монархии [3, с. 140–381; 4].

Литература и источники

1. Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг.: Сб. Ч. 1, 2 / сост. М. Е. Губонин. М.: ПСТБИ, 1994.
2. Архив новейшей истории России. Т. III: Скорбный путь Романовых (1917–1918). Гибель царской семьи: Сб. документов и материалов / отв. ред. В. М. Хрусталев. М.: РОСПЭН, 2001. (Публикации).
3. *Бабкин М. А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М.: Изд-во Государственной публичной исторической библиотеки России, 2007.
4. *Бабкин М. А.* Святейший Синод Русской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // Вопросы истории. М., 2005. № 2.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Оп. 1. Д. 88.
6. ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 133.
7. ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 137.
8. ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 239.
9. ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 239.
10. Деяния Священного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. Т. 1–10. М.: Новоспасский монастырь, 1994–2000.
11. *Жевахов Н. Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Святого Синода Н. Д. Жевахова. М.: Родник, 1993. Т. 2. Март 1917 – Январь 1920.
12. *Кашеваров А. Н.* Православная российская церковь и советское государство (1917–1922). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005.
13. *Кравецкий А. Г.* Священный собор 1917–1918 гг. о расстреле Николая II // Ученые записки. Вып. 1. М.: Российский православный ун-т апостола Иоанна Богослова, 1995.
14. *Куроедов В. А.* Религия и церковь в советском обществе. М.: Изд-во Политической литературы, 1984.
15. Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. Т. 2. С. 413; 2004. Т. 7.
16. Свод законов Российской империи. СПб.: Вестник знания, 1912.
17. Собрание определений и постановлений Священного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 1994. Репринтное издание 1918 г. Вып. 1.
18. Современники о патриархе Тихоне: Сб. В 2 ч. / сост. и автор комментариев М. Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. Т. 2.
19. *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России: византийская модель и ее русское переосмысление. М.: Языки русской культуры, 1998.
20. Церковные ведомости. Пг. 1918. № 9–10.

Аристова К. Г.
Маслова И. И.

Церковный раскол и начало Гражданской войны в Пензе

Аннотация. В статье на материале архивных данных исследуется влияние церковного раскола в Пензенской епархии на начало Гражданской войны в регионе. На фоне нарастающего социального напряжения борьба за власть запрещенного в служении бывшего архиепископа Владимира (Путяты) в Пензе в августе – декабре 1917 г. приобрела разрушительный, дестабилизирующий характер. В условиях прихода к власти большевиков «путятинская смута» не только послужила одним из катализаторов начала Гражданской войны в Пензе, но и стала предтечей обновленческого раскола в общероссийском масштабе.

Ключевые слова: Пензенская епархия, обновленчество, Русская православная церковь, Гражданская война.

Aristova K. G
Maslova I. I.

Church split and beginning of Civil war in Penza

Abstract. In the given article the influence of church split in the Penza diocese by the beginning of civil war in the region is investigated based on material of contemporary records. Against the background of the increasing social tension the race for power of the former archbishop Vladimir (Putyata) forbidden in service in Penza in August-December, 1917 has gained the destructive, destabilizing character. Under conditions of Bolsheviks coming to power «the putyatinsky distemper» not only has served as one of catalysts of the beginning of the Civil war in Penza, but also became the forerunner of obnovlencesky split on the all-Russian scale.

Key words: Penza diocese, obnovlenceshestvo, Church, civil war.

В год 100-летия начала Гражданской войны в России тема церковного раскола в Пензе, так называемая «путятинская смута», в свете новых архивных открытий не только расставляет яркие исторические акценты, но и приобретает особую актуальность не только для Пензенского края.

1918 год для Пензенской губернии стал поистине трагическим. В майские дни восстание белочехов, прорывавшихся через центральную Россию в Сибирь, стало прологом братоубийственной Гражданской войны, которая вскоре разразилась в масштабе всей страны. Незадолго до мятежа пензенскую церковь потрясла так называемая «путятинская смута» – церковный раскол, поддержанный советской властью и затем использованный для разложения всей Русской православной церкви.

О начале революции и свержении самодержавия сразу же сообщила губернская пресса. «Пензенские епархиальные ведомости» 2 марта 1917 г. опубликовали текст отречения от власти Николая II, а 16 марта – текст отказа от престола брата свергнутого императора, великого князя Михаила Александровича. 5 марта 1917 г. по приказу Верховного главнокомандования войска Пензенского гарнизона перешли в подчинение образованному в Петрограде Временному правительству, а 10 марта принесли ему присягу в верности [1, с. 23–24, 31].

В марте – апреле 1917 г. в губернии создаются новые органы власти. Губернию возглавляет губернский комиссар. 5 марта 1917 г. произошел трагический инцидент. Толпой революционных солдат Пензенского гарнизона был растерзан генерал М. А. Бем, не разделивший их радости по поводу революции [1, с. 45].

Осенью 1917 г. в Пензенской губернии проходила активная избирательная кампания кандидатов в Учредительное собрание. Сроки выборов постоянно откладывались Временным правительством. Об угрозе большевистского переворота губернский комиссар получил телеграмму Временного правительства 25 октября 1917 г., когда переворот начался, но еще не завершился [1, с. 237].

С нарушением формальных процедур пензенские большевики во главе с прaporщиком В. В. Кураевым переизбрали Совет солдатских депутатов и заняли в нем руководящие позиции. Лидер большевиков Кураев стал председателем вновь избранного объединенного губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Утром 21 декабря 1917 г. местные большевики захватили все пензенские банки и фактически стали брать власть в Пензе в свои руки [1, с. 257].

В Пензенской епархии февральские события и нарастающая напряженность в обществе стали предпосылками для развития нездоровых явлений, которые открыли в истории не только самой Пензы, но и всей Русской православной церкви трагичную страницу. На авансцену вышел архиепископ Пензенский и Саранский Владимир Путята во главе самочинной «Народной Церкви».

Путята тонко уловил политические веяния и настроения народа. Оказавшись в скользкой ситуации и не желая расставаться с властью, он ловко использовал момент. Еще в апреле 1917 г. вышло его обращение к «пастырям и чадам Церкви Пензенской»: «Мы живем с вами, отцы и братие, в счастливую пору, когда над дорогой Родиной нашей взошла заря возрождения и обновления. Верим, недолго ждать нам светлых дней, когда солнце жизни русской взойдет во всей красе своей. Но на нас возложено вместе с тем тяжелое и ответственное перед историей

бремя переустройства государственной и общественной жизни на новых началах. Да поможет нам Господь в мирной и дружной работе строительства нашей жизни! Мы живем радостными надеждами на то, что при общем коренном переустройстве государственной жизни на началах свободы, равенства и братства, которое придавало особенную нравственную мощь христианской Церкви первых веков, и наша Российская Православная Церковь освободится от гнета, не будет служить целям и задачам, ей не свойственным, и получит возможность свободного развития на твердом незыблном основании Евангельской истины...» [2, с. 77–78]. Итак, слово «обновление» впервые прозвучало из уст ловкого авантюриста, оно стало его удачной находкой и внесло смуту в умы многих православных людей.

2 августа 1917 г. Святейший Синод устранил архиепископа Владимира от управления Пензенской епархией и поручил расследовать жалобу на развращение Владимиром малолетней девицы Толстой, поданную в Синод как ее близкими, так и ей самой архиепископу Симбирскому Вениамины (Муратовскому).

30 сентября 1917 г. Судная комиссия епископов добавила к устраниению Путяты от управления Пензенской епархией еще и такие наказания, как запрещение в священнослужении, лишение права носить панагию и преподавать благословение, назначив ему пребывание в одном из монастырей. Все это время Комиссия епископов еще колебалась в отношении окончательного вынесения приговора по делу Путяты, к тому же и показания Толстой якобы не были подтверждены юридически. Однако всплывшие новые факты и слухи заставили Святейший Синод 25 октября утвердить, а 13 ноября 1917 г. переутвердить все эти прещения с определением места пребывания виновного во Флорищевой пустыни Владимирской епархии и с признанием невозможности его возвращения на Пензенскую кафедру [3, с. 359, 367].

В разгар революционных событий Путята отказывается подчиниться Святому Синоду и начинает бороться методами, явно политическими и схожими с большевистскими. Все это раскачивало и дестабилизировало и без того накаленную атмосферу.

В августе 1917 г. церковная общественность города вместо подготовки к долгожданному Поместному собору и нормальной процедуре выборов делегатов испытала сумятицу в рядах и наблюдала митинги в поддержку Путяты.

Так, во время епархиального съезда (8 августа, присутствовало 233 человека), когда в Пензе находился производивший расследование архиепископ Вениамин, архиепископ Владимир устраивал в

кафедральном соборе служения. Затем с толпой своих почитателей являлся на съезд, чтобы этим воздействовать на депутатов, домогаясь избрания в члены Поместного собора.

Им регулярно устраивались митинги и собрания в архиерейском саду и на соборной площади, где произносились явно погромные речи. После митингов толпа являлась на съезд с требованиями выступить в защиту архиепископа Владимира, причем эти требования сопровождались угрозами в случае их неисполнения. Такие же требования предъявлялись и к преосвященному викарию и даже к преосвященному Вениамину. Съезд посыпал к архиепископу Владимиру делегацию с просьбой сдержать толпу своих приверженцев.

Сам архиепископ Владимир принимал меры, чтобы воздействовать на мнения депутатов съезда мирян, для чего не раз приглашал их в свои покой или являлся лично в общежитие, а также и на свечной завод к депутатам духовным. В беседах тенденциозно освещал свое дело, восстанавливая мирян против духовенства вообще и, в частности, против городского.

Эти старания имели некоторый успех отчасти потому, что большинство современников той эпохи привыкли доверяться своим архипастырям. На съездах образовалась значительная группа мирян, которая заразилась духом толпы и выдвигала настойчивые требования в пользу Путяты. Попытки некоторых лиц разъяснить незаконность вмешательства в дело во время его расследования прерывались криками и угрозами. Съезд в итоге прошел сумбурно и оставил тяжелое впечатление, что и было отмечено на страницах епархиального органа. Поведение архиепископа Владимира и его приверженцев во время съезда вызвало в городе большое замешательство [3, с. 332–337].

Таким образом, когда определялось будущее Церкви, Пензу сотрясали «путятинские» митинги, в конечном счете вышедшие за пределы лишь церковной истории.

В ноябре 1917 г., в самый разгар революционных событий, архиепископ Владимир развернул агитацию уже по приходам, причем волнения в церковной жизни достигли большого накала.

Настраиваемая и возбуждаемая толпа сторонников архиепископа Владимира задалась целью инсценировать голос «всей паствы» города Пензы, для чего к духовенству стали предъявляться требования о созыве приходских собраний с целью вынесения резолюций в пользу архиепископа Владимира. В это время движение приняло характер «илиодоровщины», раздавались крики: «Не дадим нашего владыку, растерзаем его врагов» и т. д. А в это время архиепископ Владимир

начал совершать богослужения по приходским церквам, подливая масло в огонь и усиливая церковную разруху [3, с. 337].

Раскачивание ситуации в приходах привело к дестабилизации обстановки в городе. Нужно помнить, что в это время в Пензе еще не была установлена власть Советов, шла борьба за военных. По словам Кураева, «большевистская партия пошла на самоотверженную агитационную и организационную работу среди солдат гарнизона» [4, с. 21]. Результат не заставил себя ждать – произошел резкий перелом в настроении гарнизона. Усилило позиции большевиков и прибытие в Пензу матросов Балтийского флота.

Наконец, апогеем политизации церковной агитации стала попытка архиепископа Владимира заручиться поддержкой крестьян на IV губернском крестьянском съезде, состоявшемся 9 января 1918 г.

Путята, будучи политиканом, как никто другой знал, что ему нужна поддержка именно там. Именно решения IV губернского съезда Советов Кураев называет точкой в утверждении в губернии советской власти: «Съезд закончился восторженной демонстрацией готовности сельскохозяйственных рабочих и трудящихся крестьян-бедняков и середняков поддержать всеми силами Советское социалистическое правительство, партию коммунистов-большевиков и ее вождя Ленина.

С этого момента Октябрьская революция прочно вошла в жизнь трудящегося крестьянства и выковала его союз с коммунистическим пролетариатом» [4, с. 25]. Эта дата и стала официальной в установлении власти Советов в Пензе.

Руководители движения за архиепископа Владимира подняли на съезде вопрос о защите архиепископа. Один из членов внес соответствующее предложение, которое вызвало со стороны другого члена съезда выпад, оскорбительный для духовенства, и было снято с очереди.

Интересно отметить, что, по слухам, «кулуарные» инициаторы этого выступления предлагали не только принять резолюцию с требованием оставить архиепископа Владимира, но и подкрепить угрозой, что в случае неисполнения «народной воли» Пензенская епархия объявит себя автокефальной во главе с архиепископом Владимиром.

Таким образом, уже в начале января 1918 г. Путята сделал попытку встроиться в новые условия и создать «советскую народную церковь» с легитимацией органами новой власти, что вело к прямому расколу Церкви и общества в целом. Этот раскол способствовал раскачиванию ситуации в регионе и отразился на установлении советской власти в Пензе и развязыванию Гражданской войны в стране.

Позже советская власть использовала раскольнический опыт для борьбы с Русской православной церковью в общероссийском масштабе.

Литература и источники

1. Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. В 2 кн. / отв. сост. В. В. Кондрашин. Прага: Vědeckovydavatelské centrum «Sociosféra», 2014. 595 с.
2. Пензенские Епархиальные Ведомости. Ч. оф. № 7–8. 1917.
3. Документы Священного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 годов. Т. 4. Документы Совещания епископов и Судной комиссии Собора / отв. ред. П. И. Мраморнов, Р. Ю. Просветов. 2015.
4. Кураев В. В. Октябрь в Пензе. 2-е изд. Пенза: Пензенское книжное издательство, 1957. 76 с.

Баконина С. Н.

Гражданская война глазами эмигранта: Иннокентий Николаевич Серышев – священник, эсперантист, революционер

Аннотация. В статье представлен взгляд на события Гражданской войны на примере ситуации в Сибири известного эсперантиста, революционера, священника Русской православной церкви Иннокентия Серышева. На основе его воспоминаний, изданных за границей в эмиграции, рассматривается его деятельность как церковного оппозиционера и анализируются используемые им приемы пропаганды и защиты идеологии большевизма.

Ключевые слова: православие, Сибирь, Гражданская война, русская эмиграция, Япония, эсперанто.

Bakonina S. N.

Civil War through the eyes of an Emigrant: Innokenty Nikolaevich Seryshev – Priest, Esperantist, Revolutionary

Abstract. The article presents a look at the events of the Civil war on the example of the situation in Siberia by the famous esperantist, revolutionary and priest of the Russian Orthodox Church – Innokenty Seryshev. Based on his memoirs published abroad in exile, his activities as a church oppositionist are examined and his methods of propaganda and defense of Bolshevism ideology are analyzed.

Key words: Orthodoxy, Siberia, Civil war, Russian emigration, Japan, Esperanto.

Тема Гражданской войны в России неотделима от темы революции, разрушившей не только самодержавие, но и вековые устои

Великой православной империи. О причинах этих событий спорят по сей день, но если в XX в. отечественные исследователи, изучавшие данный период, опирались на постулаты советской идеологии, то теперь в оценке тех же событий царит противоречивое разномыслие. С одной стороны – защитники советского строя, с другой – его противники, с третьей – миротворцы, утверждающие, что у обеих противоборствующих сторон была своя правда, и поэтому все были по-своему правы. И наконец, еще один спорный взгляд на русскую трагедию XX в. – это утверждение о том, что русский народ был обманут и сам вступил в кровопролитную борьбу за интересы своих обманщиков под лозунгами о счастье трудового народа. При объективном анализе причин и последствий революционных событий последнее утверждение оказывается ближе к истине, хотя оно и требует некоторых дополнений и корректировок.

Для его обоснования в настоящей статье будет рассмотрен один из аспектов революционной борьбы – идеологический, основные положения которого (на примере событий, происходивших в Сибири) сформулировал представитель «передовой» интеллигенции и «прогрессивного» духовенства священник-эсперантист Иннокентий Николаевич Серышев.

Этот выдающийся в своем роде автор относится к плеяде убежденных революционеров, к числу тех, кто в переломные годы нашей истории стал пропагандистом революционных идей, протестовал против российского самодержавия и вдохновлял народ на борьбу за светлое будущее. Характеризуя подобный тип бунтарей с точки зрения православия (если не брать в расчет заблудившихся идеалистов), нельзя не отметить, что по большей части это были люди, отвернувшиеся от Бога и поставившие в центр мироздания человека, – честолюбцы, стремившиеся к самоутверждению и желавшие любым способом вписать свое имя в историю. Таких людей всегда оказывалось много в различных тайных обществах и революционных организациях. Иннокентий Николаевич Серышев был одним из них.

Сын православного священника, свободолюбивый интеллектуал, в большей степени авантюрист, Иннокентий Серышев закончил свою жизнь в эмиграции, оставив после себя огромный архив, в недрах которого сохранилось несколько работ, посвященных событиям Гражданской войны. Запечатленные в них рассуждения и выводы автора о причинах революционного противостояния в России представляют безусловный интерес как в плане изучения российской истории, так и для понимания проблем современного общества. Но, прежде чем обратиться к этим произведениям, стоит привести некоторые факты из

биографии И. Н. Серышева, рисующие нам портрет этого человека, и сформировать объективный взгляд на его творчество.

Иннокентий Серышев родился 15 августа 1883 г. в Забайкалье, в станице Большая Кудара, в семье сельского священника – Николая Дмитриевича Серышева; его мать, Елизавета Семеновна Сибирякова, была купеческой дочерью. Глава семейства, протоиерей Николай Серышев, по натуре был человеком мягкосердечным, бессребреником, отличался глубокой религиозностью и преданностью Церкви. Пастыря его любила, церковное начальство уважало, и только в семье священнослужителя не все складывалось благополучно. В силу не зависевших от негопричин, отец Николай не сумел воспитать своих детей, сына и двух дочерей, в духе православного благочестия.

Одной из причин разрушения устоявшихся традиций патриархальной семьи послужило следующее обстоятельство. В 1898 г., когда Иннокентий учился в шестом классе реального училища, отец Николай был назначен членом Консистории и переехал в Читу, оставив сына в городе Троицкосавске на попечение дяди Сибирякова. Как впоследствии писал Серышев в своей автобиографии: «Дядя был холостой охотник забулдыга, и я пользовался у него свободой. Научился рано курить и пить» [1, л. 17а]. Кроме того, как говорится в той же автобиографии, «с раннего детства [Иннокентия] интересовали вопросы Религии, Психологии, Философии и Математики <...>. Вопросы бытия, времени, пространства, материи, нуменов и феноменов, высших измерений: вот сфера его интересов в течение всей его жизни» [1, л. 1]. Сюда же впоследствии прибавляется оккультизм и теософия.

В 1900 г. Иннокентий окончил училище с правом внеконкурсного поступления в только что открывшийся Томский политехнический институт. Легко перешел на второй курс, но, женившись в 1902 г., запустил занятия и был вынужден остаться на этом курсе на второй год. Затем, сдав половину экзаменов на третий курс, он вдруг решил оставить учебу и поступил на службу в Контроль железнодорожной дороги в Томске.

В эти годы он увлекся революционными идеями и уже в 1904 г., во время русско-японской войны, начал заниматься антивоенной пропагандой среди солдат. По этой причине в 1906 г. Иннокентий Серышев оказался в тюрьме. Просидев семнадцать дней в одиночке, он, по собственному признанию, первый раз в жизни полностью прочитал Евангелие, и как сам пишет в автобиографии, «сделал полную переоценку ценностей, критически отнесся к своему поведению». В тюрьме он дал своеобразный обет: в случае освобождения «бросить

пить и курить, и идти в народ служить в качестве священника» [1, л. 17а].

Благодаря хлопотам отца и помощи епископа Читинского Мефодия (Герасимова), в том же году Иннокентий был рукоположен в сан иерея. Однако, прослужив три года в большом приходе в двухстах верстах от Читы, он, несмотря на свое обещание не заниматься политикой, начал писать статьи против «Союза Русского Народа» и «Союза Архангела Михаила». Епископ Мефодий был вынужден отправить его за штат, поскольку это была единственная возможность защитить молодого священника от более строгого наказания – лишения сана.

Нельзя не отметить, что в этой странной истории (скорое рукоположение совершенно не готового к принятию сана кандидата и дальнейшая о нем забота) главную роль сыграло отношение архиерея к семье Серышевых, желание поддержать уважаемого в епархии пастыря, каким был отец Николай. Сам же владыка Мефодий впоследствии признавался, что в период революции 1905 г. он вставал на защиту некоторых священников, обвиненных в политической неблагонадежности, за что его сочли недостаточно твердым и «держали в залоге» [4, с. 363].

В 1909 г. отец Иннокентий впервые познакомился с международным языком эсперанто. Прочитав брошюру доктора Л. Заменгофа, он долго не мог успокоиться, находясь под сильным впечатлением от прочитанного. Вскоре, в 1910 г., он отправился вместе с женой в Крым и там, в Славянске, встретил некую немецкую бонну, которая подарила ему учебник по эсперанто. С увлечением занявшись языком, он начал обширную переписку с эсперантистами.

В это же время за очередной опус в журнале «Красный звон» священник Иннокентий Серышев, в качестве наказания, попал на месячное безочередное служение в Селенгинский монастырь, после чего снова получил приход, на котором числился три года. Теперь он оказался в глубинке, в селении Шергольджин на границе с Монголией. Однако и здесь дела Церкви и прихода занимали его меньше всего. В этой глухи благодаря занятиям эсперанто, переписываясь более чем с 200 корреспондентами из 80 стран, отец Иннокентий ощущал себя «в центре мира».

Проведать сына-эсперантиста в Шергольджин приехал протоиерей Николай Серышев. Обнаружив полный непорядок в его пастырском служении, пожилой священник был вынужден принять на себя заботу о шергольджинской пастве, тогда как Иннокентий решил отправиться «в отпуск» за границу. Но сначала, чтобы успокоить отца, он заехал

в Селенгинский монастырь «досидеть свой срок наказания». Затем, в течение четырех месяцев он посетил Германию, Бельгию, Англию, Францию, Италию, Швейцарию, Австро-Венгрию, Болгарию, Константинополь и даже Афон. В поездке его сопровождала одна из сестер, тоже ставшая эсперантисткой. Любопытно, что о посещении Святой Горы, столь важном для каждого православного паломника, отец Иннокентий не оставил в своих воспоминаниях никаких впечатлений, зато о поездке по названным городам с гордостью написал, что активно пользовался языком эсперанто.

Интересы Серышева были по-прежнему далеки от Церкви, зато общение с эсперантистами увлекало его все больше. Более того, в своем эсперантском творчестве он фактически отказался от традиционных православных взглядов. Декларируя, как сказали бы сегодня, идеи глобализации, он все чаще рассуждал о родстве всех религий, что свидетельствует о возможной принадлежности отца Иннокентия к масонству. С точки зрения православия, равенство между Православной церковью и другими христианскими деноминациями невозможно, а если считать их также родственными другим религиям, особенно восточным, то это уже путь к созданию синкретической мировой религии, что является целью масонской идеологии [5, с. 16]. Отец Иннокентий проповедовал именно этот путь единения всех религий, не забывая при этом критиковать православие.

В 1913 г. он перебрался из Шергольджина в Томскую епархию, куда в декабре 1912 г. был переведен епископ Мефодий (Герасимов)¹. За три с половиной года священник Иннокентий Серышев сменил три прихода: недолго пробыл в селе Петухово под Томском, затем почти два года служил в Терешкино Барнаульского уезда, потом в Романово в сорока верстах от Барнаула [2, л. 8].

Февральская революция застала его в Романовском приходе. В 1917 г., получив предложение от барнаульских социалистов-кооператоров устроиться на работу секретарем в Культурно-просветительный отдел при Кредитном и Потребительском кооперативных союзах, он оставил приход и вышел за штат. Вскоре Отдел выделился в самостоятельный Культурно-просветительный союз Алтайского края, и Иннокентий Серышев был единогласно избран членом его правления и секретарем. Через несколько месяцев Серышев получил новое приглашение от приват-доцента Добрынина из города Улала и в 1918 г. занял место секретаря при внешкольном Отделе народного образования Каракорум-Алтайского уездного земства.

¹ С августа 1914 г. покровитель семьи Серышевых – епископ Оренбургский и Тургайский.

В 1919 г., когда на Алтае бушевали крестьянские восстания, Серышев, оставив семью в Алтайской глубинке, эвакуировался в Бийск, а затем выехал в Томск. В 1920 г. он эмигрировал в Японию.

Почему именно в Японию? Из автобиографии Серышева следует, что решение о переезде было принято в Томске, где отец Иннокентий встретился с прибывшим из Омска «кем-то из министров». Якобы благодаря ему отец Иннокентий смог получить от Министерства народного просвещения «безденежную командировку в Японию и Америку для ознакомления с постановкой там дела народования» [1, л. 176].

В Японию он добирался два месяца через Владивосток, откуда ему помогли уехать местные (русские и латышские) эсперантисты. Среди японцев он также имел много знакомых по переписке, поэтому, прибыв в Японию в январе 1920 г., Серышев сразу же направился в общество эсперантистов. С первых дней пребывания в Токио японцы постоянно сопровождали его в поездках по городу и окрестностям (впоследствии он опишет это, как слежку), пока новоявленный русский эмигрант постепенно не освоился с японским языком. В автобиографии говорится, что он ходил по школам, знакомясь со школьным делом сначала с помощью японских эсперантистов, а позже самостоятельно; «один пешком прошел двести верст» по селам и городам Японии, собирая материал по школьному делу (в основном это были детские рисунки).

Важно отметить, что помимо этих трудов «по изучению народования в Японии» Серышев читал в японских эсперантских обществах лекции на эсперанто, печатал и распространял эсперантские листовки.

В первый год пребывания в Японии он написал несколько статей для различных эсперантских изданий. В их числе два очерка – «Народное движение на Алтае» и «Сущность великого народного восстания в Сибири», в которых описал свое бегство с Алтая во время Гражданской войны и проанализировал причины победы большевизма в Сибири. Себя, как автора, он представлял так: «Я внепартийный демократ и идейный ЭСПЕРАНТИСТ, одинаково любящий и уважающий ВСЕ народы и племена земного шара и не желающий, чтобы счастье одного народа созидалось на несчастии других народов» [3, л. 4].

Очерк о восстании в Сибири отец Иннокентий начал с описания психологии русского народа и двух типов крестьянина – россиянина и сибиряка. Также как и революционер-анархист П. А. Кропоткин, он отмечал превосходство сибиряков над крестьянами из европейской

России, особенно над новыми переселенцами в Сибирь. Эту часть народного общества Серышев относил к деревенскому пролетариату и писал о нем так: «Переселенческая «голытьба» мечтает о том времени, когда часть земли отнимут от сибиряков и передадут им, когда правительство официально их причислит к сибирским сельским общинам со всеми вытекающими отсюда правами, и позволит им стать полноправными членами общины, где они живут, хотя бы даже и против воли нынешних собственников. Переселенцы мечтают и... ждут. Теперь более или менее ясно, что этот, достойный сожаления, в общем работоспособный, сельский пролетариат представляет взрывчатый материал, готовый охотно немедленно поддержать всякого, кто способен дать ему надежду на осуществление его чаяний» [3, л. 26].

Кого же отец Иннокентий называл «переселенческой голытьбой», сельским пролетариатом, готовым поддержать революционеров любой масти, которые отнимут у сибиряков часть земли и передадут им? Очевидно, что он сознательно искажал ситуацию, сложившуюся в Сибири после Столыпинского указа 1906 г., положившего начало знаменитой аграрной реформе. Как известно, этим указом был провозглашен широкий комплекс мер по разрушению коллективного землевладения сельского общества и превращению крестьян в полноправных собственников земли. Тогда же в Сибирь на выделенные правительством в частную собственность неосвоенные земли переселилось три миллиона крестьян, из которых 82% обосновались на новых местах и только 18% вернулись обратно. Важно отметить, что в целом крестьяне Сибири были обеспечены землей значительно лучше, чем жители центра европейской России, и у них не было необходимости отнимать ее у кого-либо. Иннокентий Серышев все это знал, но как революционер и пропагандист не мог писать правду, поскольку выполнял ответственную работу по критике существующего строя.

Очерк Серышева о Сибири построен на яростном обличении интеллигенции и других представителей «буржуазии», прежде всего – сельской, которую он называл главным врагом народа. Врагами крестьян были: учителя, духовенство, земские и отчасти кооперативные работники, врачи, волостные писари, мировые судьи, почтовые чиновники, крестьянские начальники и чины полиции, а также служащие лесничества. Всех их автор от имени возмущенного народа называл «буржуями».

Учитель был буржуем потому, что работал в школе лишь шесть месяцев, а жалованье получал за целый год. И хотя, как отмечал сам Серышев, этот «буржуй», получая по 20–25–30 рублей в месяц, жил впроголодь, и среди педагогов было много тех, кто бесплатно работал

для внешкольного народного образования, народ, по мнению автора, эту работу не ценил. Причину Серышев видел в том, что крестьяне были «обязаны заботиться о своих школах, доставляя дрова, делая ремонты, нанимая сторожа», а это доставляло им излишний расход и *вызывало неудовольствие*. «Поэтому, – писал Серышев, – они ругают и школу, и училище, совершенно неповинное во многих темных сторонах школьного вопроса» [3, л. 30].

За критикой учителей следовала критика духовенства, которую автор связывал с земельным вопросом. Он указывал, что священники, тяготевшие к старому строю и защищавшие самодержавие, учили народ, что «земледелие – святое дело», тогда как народ «был уверен, что право на землю имеет лишь тот, кто может ее сам обработать». Именно поэтому народ был убежден, что «дорогой батюшка царь» «давно желает передать или, вернее, ВОЗВРАТИТЬ землю народу, но что его фавориты мешают ему в этом деле» [3, л. 9].

Что преступного усмотрел автор в словах духовенства о земледелии и о каком возвращении земли он говорил, если в Сибири переселенцы получили землю бесплатно?

Другим важным моментом Серышев называл материальное положение сельских священников, которые жили «вполне зажиточно», часто имели большое хозяйство. В этой связи он утверждал, что прихожане *завидовали* жизни духовенства.

«Конечно, – писал он, – священническая жизнь имела не только приятные стороны, но и стороны неприятные, тяжелые, но этим никто не интересовался, этого не понимали и на это никто не обращал внимания. Из-за тяжелых (в этическом отношении) условий работы и жизни священника лучшие люди избегали идти на эту работу, и за последние десятилетия постригались не лучшие люди, а или самые посредственные, или худший элемент: вот почему духовенство последнего времени представляет из себя кадр лиц не высокого качества, поставивших себя в такое положение, что и интеллигенция, и народ положительно не любили их» [3, л. 33].

Нельзя не отметить, что в этом опусе наряду с навязываемой информацией о «худших людях», которых «постригали» для «работы» священниками, автор (сознательно или нет) делает ошибки, нехарактерные для члена семьи священнослужителя, тем более носителя сана. А именно: вместо слова «рукополагали» пишет «постригали» (сельские священники были, как правило, людьми семейными, поэтому их не постригали, как монахов, а рукополагали), вместо слова «служение» пишет «работа», тем самым обмирщая труд духовенства, низводя его до уровня обычных занятий. Да и высказывание о хозяйстве

«зажиточных» священнослужителей было преувеличением, поскольку это хозяйство поддерживалось их собственными усилиями, семья священника работала наравне с крестьянами. Что же касается беззаплакионного утверждения о «худших людях», то оно вообще нелепо и безосновательно.

При этом отец Иннокентий отмечал, что в селах «имелось немало образованных прекрасных демократов священников, но таковые всегда были преследуемы властью» [3, л. 32]. Здесь он, похоже, скромно намекал на себя.

По поводу других представителей интеллигенции Серышев писал, что отношение к ним народа отличалось такой же *нелюбовью и недоверием*: «Почтовые чиновники и мировые судьи не были любимы населением за свой формализм, тем более, что они поневоле должны были строго и аккуратно придерживаться бесчисленных циркуляров своих начальств. Народ привык к тому, что священники всегда исполняют требы во всякое время дня и ночи; кроме того, часто духовенство за вознаграждение рисковало нарушать некоторые правила по просьбе прихожан. С подобными же просьбами и надеждами нередко крестьянин обращался и к другим чиновникам, но там в таких случаях им отвечали ясно «нельзя», «приди завтра, ибо сегодня поздно – время вышло», «срок прошел – опоздали, нельзя» и т. п. Чиновники почтового и судебного ведомств не могут нарушать даже малейшие и глупейшие предписания, ибо все их шаги строго контролируются, строже, чем у духовенства; но народ не может понять всех этих тонкостей и питает к ним недружелюбные чувства. О полиции (милиции) нечего и говорить много – ненависть населения к ним понятна, тем более, что полиция вечно пьянствовала, насилиничала, брала взятки, била и секла розгами, редко защищала правого против неправого. Специально следует сказать немного о лесничих, ибо они явились предметом особенной страшной народной ненависти» [3, л. 42–43].

К разряду сельских интеллигентов, *не любимых населением*, относились, по утверждению Серышева, также писари, или, по революционной терминологии, секретари, ибо «жалование они получали небольшое, и, обычно, будучи людьми ловкими и на все способными, они приносили много зла своими интригами и хитросплетениями, хотя случалось и то, что на эти должности попадали люди полезные и честные, идейные и даже замечательные, мечтавшие о благе народа. Но чаще всего секретари были отчаянные пьяницы, интриганы, амбициозные и не вполне просвещенные. За бутылку водки сельский писарь поможет вам погубить неугодное вам лицо, выиграть неправое дело, составить кляузу или даже подложные договор и т. п.

<...> Особенно могучими были волостные писаря (секретари), в своих руках державшие по 5–8–15 деревень. Невозможно описать все, что творили эти господа, среди которых лишь изредка попадались чистые души» [3, л. 44–45].

Подобную критику Серышев обрушивал и на других представителей сельской интеллигенции. В целом же из его обличений складывалась некая цепочка недовольства: деревенский пролетариат завидовал жизни учителей, прихожане завидовали жизни духовенства, всех остальных интеллигентов народ просто ненавидел и т. д., и т. п. Ну, и конечно, основная критика относилась к царскому режиму, который был виноват во всем: «Вследствие условий самодержавного режима, проникновения в народную жизнь не лучших, а посредственных и даже худших элементов, по причине темноты населения – вообще, а за последнее время вследствие истощения народного терпения как следствия из-за великой войны, огрубения нравов, отсутствия элементарных жизненных удобств и агитации, отношение сибирского населения к сельской интеллигенции сделалось не только недоверчивым и враждебным, но и активно нетерпимым, вплоть до ее изгнания и даже истребления» [3, л. 45].

Таким образом, можно видеть, что революционная пропаганда, которой увлекался священник-эсперантист Иннокентий Серышев, была рассчитана на самые низменные инстинкты толпы. Это подтверждают и описанные им многочисленные факты грабежей, убийств и бесчинств, творившиеся в Сибири во время Гражданской войны.

Исходным же постулатом всех рассуждений автора стало следующее утверждение: «...не является ли народ лишь рассердившимся хозяином, круто расправляющимся со своими слугами, вздумавшими самовластничать» [3, л. 3].

Что касается победы большевиков, то о ней отец Иннокентий выразился так: «Я уже вначале говорил о славянской душе, склонной к крайностям, поэтому отчасти понятно, почему рабочие, армейцы и часть интеллигенции, поверив в возможность осуществления идей коммунизма, <...> помогли большевизму, являющемуся в теории и по своей идеологии крайней демократической доктриной» [3, л. 60]. «Идеалы большевизма, его дерзкие, смелые анонсы, блестящие обильные обещания, его демагогические приемы действия, его великолепная внутренняя дисциплина, его фанатическая вера в свою силу и в возможность осуществления задуманного, его прямолинейная тактика» – вот что, по признанию Серышева, сыграло роль в его победе [3, л. 60].

Кому же был адресован столь обширный труд в оправдание большевизма, составленный заштатным священником, переквалифицировавшимся в революционера и пропагандиста? Серышев ответил на этот вопрос так: «Если эта моя статейка найдет отклик в сердцах и умах японцев, то я намерен продолжить мой труд. Буду рад получить отзывы читателей (на англ[ийском], немец[ком], франц[узском], эсперантском, русск[ом] и японском языках». И добавил: «Я ВСЕГДА был, есмь и буду горячим японофилом, а по сему я особенно искренно желаю, чтобы наши страны жили в мире и дружбе, а ключом для этого является полное ВЗАИМОПОНИМАНИЕ» [3, л. 5].

Какой же стране, какому строю служил этот обличитель российских нравов, этот религиозный протестант? За какие идеалы боролся? Анализируя жизнь и творчество Иннокентия Серышева, можно видеть, что был он человеком амбиционным, внутренне противоречивым, не имевшим духовной опоры и моральных принципов. Отступив от родного православия, традиционных ценностей своей родины, он потерял и самого себя, и отчество.

В любой стране, в любом обществе проблемы будут существовать всегда, но, как и кем они решаются, зависит от интересов и действий всех слоев этого общества. Протестные настроения в политике рождаются не на пустом месте, им всегда сопутствуют протесты религиозные. Примером тому служат попытки демократизации жизни в России во время революционных потрясений XX в. Участники этого процесса – конкретные люди со своими внутренними проблемами, религиозными исканиями. Здесь нельзя не увидеть закономерную связь с нашим временем и указать на то, что если в начале XX в. борьбу с существующим строем, а именно – с самодержавием, вели либералы всех мастей, то сегодня те же либералы являются громогласными противниками рухнувшего советского строя, за идеалы которого боролись их предшественники. В современной политической ситуации они используют те же пропагандистские штампы, «демагогические приемы действия», ту же тактику. Все это является движущей силой как в борьбе за власть, так и в развязанной, прежде всего против нашей страны, информационной войне. В этих рядах по-прежнему немало пропагандистов и ученых-исследователей, которые, подобно Иннокентию Серышеву, ради утверждения идеологических постулатов своих хозяев формулируют бездоказательные тезисы и отстаивают интересы тех, кто больше платит. Но во все времена историческая справедливость требует от историков объективности и склоняется к тем

людям, которые способны отстаивать свои убеждения, стремясь быть полезными своему народу.

Литература и источники

1. ГАРФ. Ф. Р-6964. Д. 1.
2. ГАРФ. Ф. Р-6964. Д. За.
3. ГАРФ. Ф. Р-6964. Д. 3б.
4. Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Кн. 3. Оренбург, 2000.
5. *Серафим (Роуз)*. Православие и религия будущего: О «духовности» экуменизма – главной ереси XX века. М., 2016.

Дьячков В. Л.

Три цвета Гражданской войны. Часть I. Методология и методика анализа

Аннотация. Часть I описывает новое в концептуализации революции 1917 г. и Гражданской войны в России и методику маркировки повышенной социальной активности (агрессии) данного формирующего периода. Принцип историзма требует рассмотрения тогдашнего взлета социальной агрессии в военно-революционном исполнении как продукта и орудия глобального социоестественного синергизма регулировки традиционных и переходных популяций с его природно-демографической основой. Методика анализа включает создание и обработку различных ЭБД с десятками миллионов персоналий для отслеживания эволюции социальной агрессии по ее доступным маркерам на непрерывных длинных линиях социографической информации.

Часть II посвящена демонстрации некоторых результатов анализа социальной агрессии в России конца XIX – первой четверти XX в., комплексно маркированной по времени и месту рождения активистов революционной России, их социально-сословного происхождения, по национальности, полу, образованию, роду занятий, партийно-политическому «окрасу», по принадлежности к социальной элите и по остальной социальной мобильности (миграции, репрессии), по долям офицеров, кавалерам высших военных наград, по степени психосексуальной отягощенности антропонимическим особенностям.

Ключевые слова: социоестественный синергизм, природно-демографические циклы, военно-революционные фазы, маркеры агрессии.

Dyachkov V. L.

The Whites, the Reds, the Greens of Russian Civil War. Part I. The Concept And the Methods of Insight

Abstract. Part I deals with something new in the concept of the 1917 Revolution and Civil War in Russia and in the methods of marking and tracing of

higher social activities (aggression) of that formative period. The principle of historism demands to view that upheaval of social aggression in its war-revolutionary presentation as a product and a tool of the global socio-natural synergy to control traditional and transitional populations with its natural-demographic basis. The methods of the analysis include making and processing of various E-database, dozens of million people embraced, to trace an evolution of marked social aggression via long unbreakable lines of sociographic information.

Part II demonstrates some results of marking the rise and the outcome of Russian mass and individual social aggression through the 1880s–1920s. In the set of markers are: the time and the place of birth, social estate origin, nationality, gender, education, occupation, political “color”, social elite trends and structures and other social mobility (migration, repression), military officers’ shares, the highest military orders commanders, psycho-sexual and naming markers of higher aggression

Keywords: socio-natural synergy, natural-demographic cycles, war-revolutionary phase, markers of aggression.

Методология и концепция исследования. Единственным методом является принцип историзма, требующий брать изучаемое в развитии, в совокупности всех его сторон (как синергизм, систему) и таким, каким оно было в исторической действительности. Поэтому на длительных непрерывных рядах комплексной демографической, социографической и социально-исторической информации выявлено, что:

1. Разное мышление, желания, поведение разных социальных групп и отдельных людей в *традиционных и переходных* популяциях в военно-революционную эпоху определено *синергической иерархией* факторов, производной частью и орудием которой люди и являлись.

2. Базой этой иерархии была (и есть в *традиционных и переходных* популяциях) природно-демографическая составляющая, разворачивающаяся в длительных циклах (вскрыты 28-летний (в последних двух веках волны 1801–1828, 1829–1856, 1857–1884, 1885–1912, 1913–1940, 1941–1968, 1969–1996 гг.) и 112-летний (последние два: 1723–1834, 1835–1946–1947 гг.), сейчас живем в начале 42-летней *военно-революционной фазы (ВРФ)* цикла 1947–2059 гг.).

3. 5/8 (17–18 лет 28-летней волны, 70 лет 112-летней волны) уходят на набор давления в популяции (движение к перенаселению). 3/8 ритма-цикла (10–11 лет 28-летней волны, 42 года 112-летней волны; *ВРФ*, так как эти годы кратны более, чем этап набора давления, насыщены внутренними и внешними войнами, революциями и т. п. орудиямиброса давления в популяции) посвященыбросу давления в перенаселенной популяции силой *синергизма эндогенных* (снижение естественной плодовитости здоровых людей) и *экзогенных* (война, репрессии, голод, болезни, распад семей, дисбаланс полов, сокращение

плодовитого периода и т. п.) средств. Последняя завершившаяся «большая» ВРФ 112-летнего цикла пришлась на период с 1904–1905 по 1946–1947 гг., а внутри нее были «малые» фазы сброса давления в популяции 28-летних циклов, пришедшиеся на 1909–1919 и 1937–1947 гг., чье «смертоное» воздействие умножалось по принципу сложения волн.

4. Наряду с названными фазами в каждом 28-летнем цикле распределены повторяющиеся 14 «смертных» (неурожайных, неплодовитых, голодных, эпидемических, военных) лет с той же функцией контроля роста традиционной и переходной популяции.

5. В длительных природно-демографических ритмах работает парадигма: «перенаселение – индуцирующий массовый и индивидуальный стресс – индуцирующая массовая и индивидуальная агрессия – реализация (канализация) данной социальной различными путями (миграции, вертикальная социальная мобильность, политическая активность и карьера, криминальная активность, внутренняя и внешняя война)». В военно-революционном варианте и в случаях миграции в города, развала и ухода от традиционной модели собственного воспроизведения люди (порождение стресса и агрессии), стремясь выжить, «пробиться» в жизни на уровне массового и индивидуального сознания, объективно, бессознательно работают *как орудия природы* в деле сброса давления в перенаселенной популяции. Массовая война, идущая об руку с двумя остальными частями смертной триады (голод и болезни), была и есть наиболее эффективной составляющей в синергизме циклического сброса демографического давления.

6. Все «большие» и «малые» ВРФ, отдельные циклические «смертные» годы, как годы рождения, «выдают на гора» кратно большее количество *будущих* социальных активистов, которых мы и отслеживаем, ведем по жизни и «сортируем» в наших разнообразных БД по доступным маркерам (источникам и знакам) социальной агрессии. Социально-политический «цвет» и «флаг», рожденные активистами, получают и меняют в ходе движения по жизни сочетанием личных (внутренних) качеств и внешних (совокупность жизненного опыта) обстоятельств.

7. Действие природно-демографической парадигмы социальной агрессии в конкретно-исторических российских условиях по принципу обратных положительных связей многократно усиливалось и усугублялось до военного разрешения другими частями нашего военно-революционного синергизма: *изначально нерешаемые – эскалирующие агрессию «вопросы»* (аграрный, национальный, рабочий, общество – власть), комплексный фактор Первой мировой войны

(массовость + разрушительность + длительность + неудачность), переросшей в революцию 1917 г. и Гражданскую войну, качество властных и оппозиционных политических элит, проблема взаимоотношений подсистем в макросистеме «город – деревня», исторические ловушки опоздания или пагубное решение жизненных вопросов.

8. Синергизм роста и реализации социальной агрессии при единых составляющих имел их весьма отличающиеся региональные, социально-сословные, национальные, возрастные, гендерные комбинации, которые мы вскрываем и описываем, исходя из принципа историзма и новейших оригинальных методик изучения человека «большой войны».

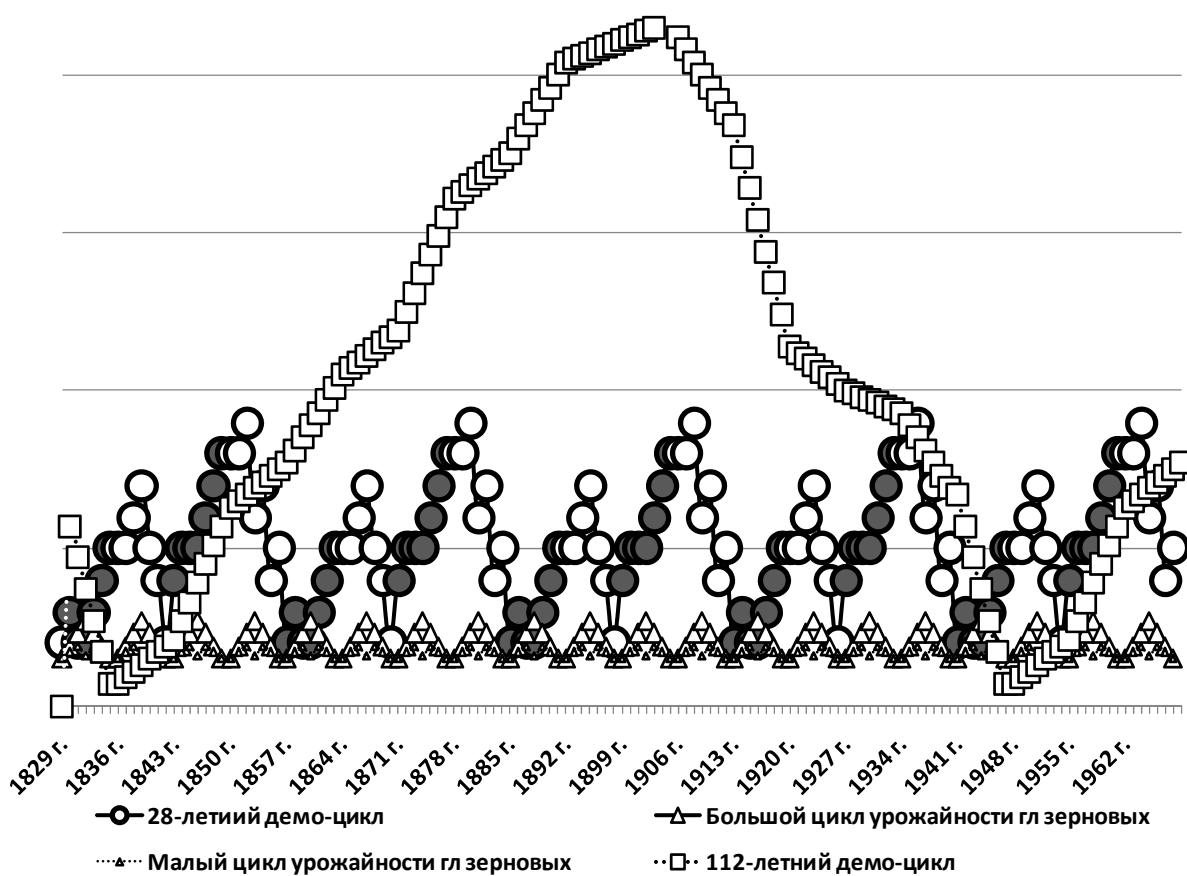

Рис. 1. Модели 28-летнего, 112-летнего природно-демографических циклов и ритмов урожайности главных зерновых культур на отрезке 1829–1968 гг. «Женские атаки» 28-летнего цикла выделены тонированными маркерами. На оси абсцисс – начальные годы 7-летий 28-летнего цикла. Нисходящий участок 112-летнего ритма – фаза сброса давления в перенаселенной популяции синергизмом средств голода, болезней и в массовых войнах как форме реализации агрессии («военно-революционная» фаза)

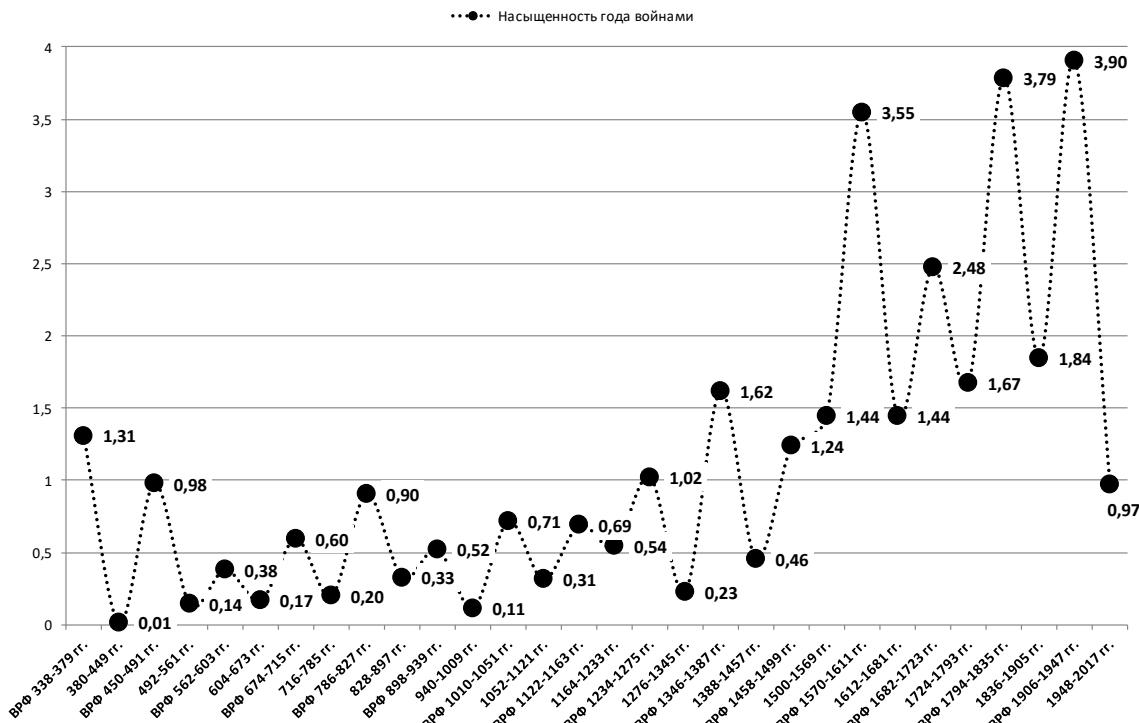

Рис. 2. Движение индекса насыщенности календарного года войнами – ВРФ и фазы накопления демографического давления, 338–2017 гг.

Рис. 3. Схема российского синергизма революции 1917 г. (коррекция для аграрных регионов России: меньшая доля – доля национального и рабочего вопросов, большая – аграрного вопроса и фактора ПМВ)

Источники и методика поиска. Принцип историзма и заявленная проблема требуют создания и использования баз данных (БД), в которых **связанная** социографическая персональная информация представлена на непрерывных длинных линиях с центральным (в данном случае) отрезком, представляющим период с 1860-х по 1920-е гг., – время рождения наших активных участников исторического процесса и их потомства. К таковым БД относятся:

- 1) непрерывные длинные (от 100 до 250 лет) линии полной жизненной статистики по отдельным НП (архивные данные по 60 СНП, 5 городским приходам);
- 2) ЭБД «Вожаки» (вожаки и активные участники крестьянских протестов с 1880-х по 1921 г.; 3523 чел.);
- 3) «авторские» ЭБД новых массовых источников (опросы женщин (10 тыс. персоналий), студенческие генеалогии (более 100 тыс. персоналий));
- 4) ЭБД по Героям Советского Союза (ГСС; 12,5 тыс. чел.) и по полным кавалерам ордена Славы (ПКС; 2671 чел.);
- 5) ЭБД по общероссийской и региональной социальной и политической элите 1860-х – 1940-х гг. (ЭПР; более 10 тыс. чел.);
- 6) общедоступные общесоюзные ЭБД советских потерь и активного участия советских граждан во Второй мировой войне (более 30 млн персоналий; <https://www.obd-memorial.ru/>; podvignaroda.ru/; <http://old.v-ipc.ru/>);
- 7) ЭБД жертв политических репрессий в СССР (3,5 млн чел.; <http://lists.memo.ru/>) с особой «тамбовской частью» на платформе Excel (8000 персоналий);
- 8) «авторская» ЭБД «Крестьянский мемориал» (3500 тамбовских крестьян, репрессированных в период коллективизации);
- 9) БД участников Белого движения (более 500 тыс. чел.; <http://погибшие.рф/arhiv/uchastniki-grazhdanskoy-vojny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/>);
- 10) красных активистов – краснознаменцев (более 14 тыс. награжденных орденом Красного Знамени в 1918–1925 гг.; <http://kdkv.narod.ru/WW1/index.html>) и репрессированных командиров РККА (3000 офицеров, бывших на момент репрессии в звании выше майора; <http://www.rkka.ru/handbook/personal/repress/main.htm>);
- 11) «авторская» ЭБД «Зеленые», составленная по материалам сборника «Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1822 гг. Биографические материалы» (сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М., 2017);
- 12) сформированные В. Л. Дьячковым ЭБД по российским социально-антропонимическим процессам XVII – начала XXI в., линии

лет рождения выдающихся деятелей мировой и российской истории последних двух тысячелетий, а также хронологии войн и революций в российской и всемирной истории.

Подчеркнем, что выводы-подсчеты, сделанные на основе квалифицированного анализа репрезентативной выборки (*все* представители изучаемого явления, процесса или случайная выборка от нескольких тысяч до нескольких десятков миллионов фигурантов) являются *точными* и *конечными*. Пересмотр их по существу, историографическая «апелляция» исключена – коррекция при любом пополнении информации возможна лишь на десятые и сотые доли процента.

Отныне российскую социальную агрессию можно исследовать в длительном непрерывном движении по ее «старым» и добавленным маркерам и в комплексе различных проявлений (революции и формы Гражданской войны, вертикальная и горизонтальная социальная мобильность, криминальная активность) и срезов (социально-сословные уровни, география, половозрастная и национальные структуры, политico-идеологический «окрас», социально-антропонимическое отражение).

Итак, развиваясь в нынешнем методологическом и методическом «всеоружии», по каким маркерам мы можем с высокой точностью фиксировать и отслеживать российскую (и не только) социальную агрессию? Такими индивидуальными метками повышенной социальной активности (агрессии) по ходу 30-летнего поиска стали:

1) место и время рождения (движение «инкубатора» социальных активистов¹, «демографические мешки»², «казус деревни»³, «казус Котовска»⁴, «казус Харбина»¹, «казус столиц»²);

¹ Движение по 7-летиям рождения «активистской производительности» российского исторического макрорегиона под сочетанным воздействием развития комплексной модернизации и демографического давления.

² Социально-географическое явление, возниквшее при конкретно-исторических обстоятельствах входа и воспроизведения аграрного населения в заселявшемся и регионе с дальнейшими трудностями сброса давления в его уже перенаселенной популяции в силу невозможности изменения модели воспроизведения и недостаточных каналов эмиграции. Все данные «демографические ловушки» оказались в начале XX в. концентрациями социальной агрессии.

³ Повышенная социальная агрессивность деревень как исторического типа СНП (также «выселки», «дворики», «починки», «поселки», «ново-...» и т. п.), ритмично выделявшихся из первичных, «старых» СНП («село») в ходе промежуточных перенаселений и состоявшего из более активного и плодовитого (за счет молодости и смешанности) населения.

⁴ Явление улучшения качества популяции, снижения и «перенацеливания» накопившейся крестьянской агрессии в перенаселенных аграрных регионах, «демографических мешках». Вскрыто В. Л. Дьяковым на примере Тамбовского порохового завода (г. Котовск), основанного в 1914 г. в 20 км к югу от Тамбова в зоне тамбовского «демографического мешка». Популяция стремительно росшего ТПЗ была смешанной и на ¾ состояла из наиболее активных

- 2) «зарегистрированная» политическая активность фигуранта (партийность, «депутатство», нахождение во властных структурах разного уровня и «цвета», остальное заметное участие в российских революциях и Гражданской войне);
- 3) прочие сублимации заложенной и взращенной агрессии (хозяйственные руководители, деятели науки и остальной культуры, спорта и т. д.);
- 4) «разноцветные» военные деятели Гражданской войны (краснознаменцы, белое офицерство, «зеленые» вожаки);
- 5) активисты крестьянского протesta;
- 6) жертвы советских политических репрессий как более активная часть межвоенного общества;
- 7) полные кавалеры Георгиевского креста как отражение досоветской и Герои Советского Союза и полные кавалеры ордена Славы как отражение советской воинской активности;
- 8) советские офицеры (доли, происхождение) периода Второй мировой войны как отражение советского межвоенного «вертикального» социального устремления;
- 9) «женские» доли в различных элитах, репрессиях, РККА, Белом и «зеленом» движениях;
- 10) мигранты различных периодов, групп и потоков;
- 11) антропонимические маркеры социальной агрессии («люди модного наречения»³ как проявление «гена агрессии»);
- 12) «психосексуальная» маркировка активиста (антропометрия и иные факторы формирования вытесняемых психосексуальных комплексов)¹.

и молодых крестьян из СНП в округе радиусом в 30–40 км. Сброс наиболее агрессивных частей деревенских микропопуляций в лучшую городскую жизнь оказался настолько эффективным, что питавшая ТПЗ крестьянская округа не только не приняла участия в «зеленом» протесте, но и приобрела в событиях 1917–1921 гг. очевидный «красный» оттенок.

¹ Явление городской «резонансной» концентрации наиболее активных частей разнородных микропопуляций при исключении воздействия русского аграрно-крестьянского окружения. Характерны максимальные индексы модернистской социальной агрессии. Кроме Харбина прослеживается в русских частях популяций Варшавы, Риги, Хельсинки, в изолированных городах-гарнизонах вроде Кронштадта, Севастополя и т. п.

² Явление парадоксального снижения большинства индексов социальной агрессии в детях иммигрантов в С.-Петербурге и Москве и в «коренном» столичном населении.

³ К данным маркерам относится: а) движение совокупной доли лиц, нареченных именами, модными в селе и в городе на конкретных исторических отрезках; б) движение долей аллитерационно-ассонансного наречения в двух- и трехчленном имени; в) сложное движение доли *Ивана* как маркера традиции; г) уменьшение объема и изменение структуры практических именинников города и села; д) развитие наречения по [л – л'] и [р – р']; е) связь патронима (фамилии) с другими маркерами социальной-агрессии.

Не использовалась (пока?) такая важная и годная к применению метка повышенной социальной агрессии, как «люди, совершившие тяжкие уголовные преступления», хотя многие из них по другим своим признакам активности попали в названные группы-маркеры агрессии рассматриваемого периода.

Люди, заработавшие своей жизнью ту или иную метку повышенной социальной активности, «разбираются и собираются» по подвижным совокупностям формирующих условий-факторов, в числе которых время и место рождения, характеристики родительской семьи, антропометрия, среда детства и отрочества, характер и уровень образования, род занятий (профессии), особенности брачного поведения, формирующие этапы взрослой жизни и различные индивидуальные особенности «меченого» активиста.

На любом срезе изучения синергизма российской социальной агрессии инструментами социографических БД нам открывается ее природно-демографическая основа, «замешанная» на описанной природной регулировке популяций в системах длительных циклов-ритмов.

Часть II. Первые результаты анализа

Part II. Some Results of Marking Social Aggression

Итак, посмотрим, как предложенные концепция, источники и методика их обработки помогают нам в постижении факторов, сформировавших человеческий политический спектр Революции 1917 г. и Гражданской войны в России.

Время, географическое и социальное место рождения и начального формирования будущих активистов военно-революционной эпохи. В главном распределении «разноцветных» партийно-политических деятелей 1917–1922 гг. по шкале лет их рождения отличаются от нормального (гауссовского) неравенством частей и умножениями появления на свет активистов в циклические «смертные» годы. Единый пиковый отрезок их производства «правильно» пришелся на 1881–1891 гг. – период промежуточного сброса накопившегося избыточного давления в популяции на переходе от 28-летнего цикла 1857–1884 гг. к циклу 1885–1912 гг. Кстати, именно

¹ Некоторые результаты данного этапа исследования истоков спектра российской политической активности см. в кн.: Дьячков В. Л. К вопросу о социокультурном облике российской политической элиты в 1917 году // Революция и человек: социально-политический аспект. Материалы Всероссийской научной конференции, состоявшейся 28–30 ноября 1994 г. в ИРИ РАН. М., 1996. С. 159–163.

на этом отрезке Россия перешла рубеж абсолютного аграрного перенаселения с формированием аграрного вопроса как «гвоздя российской революции» с синхронным появлением других главных усилителей стремительно нараставшего напряжения – рабочего, национального вопросов и вопроса соотношения «общества» и власти.

Кривая лет рождения «разноцветных» активистов вооруженной борьбы отличается от «гражданских» фигурантов ППЭ лишь смещением пикового отрезка в середину 1890-х гг. по совокупности факторов армейских потерь и призыва в ПМВ и синергической концентрации максимальной агрессии в молодых мужских когортах 1890-х годов рождения.

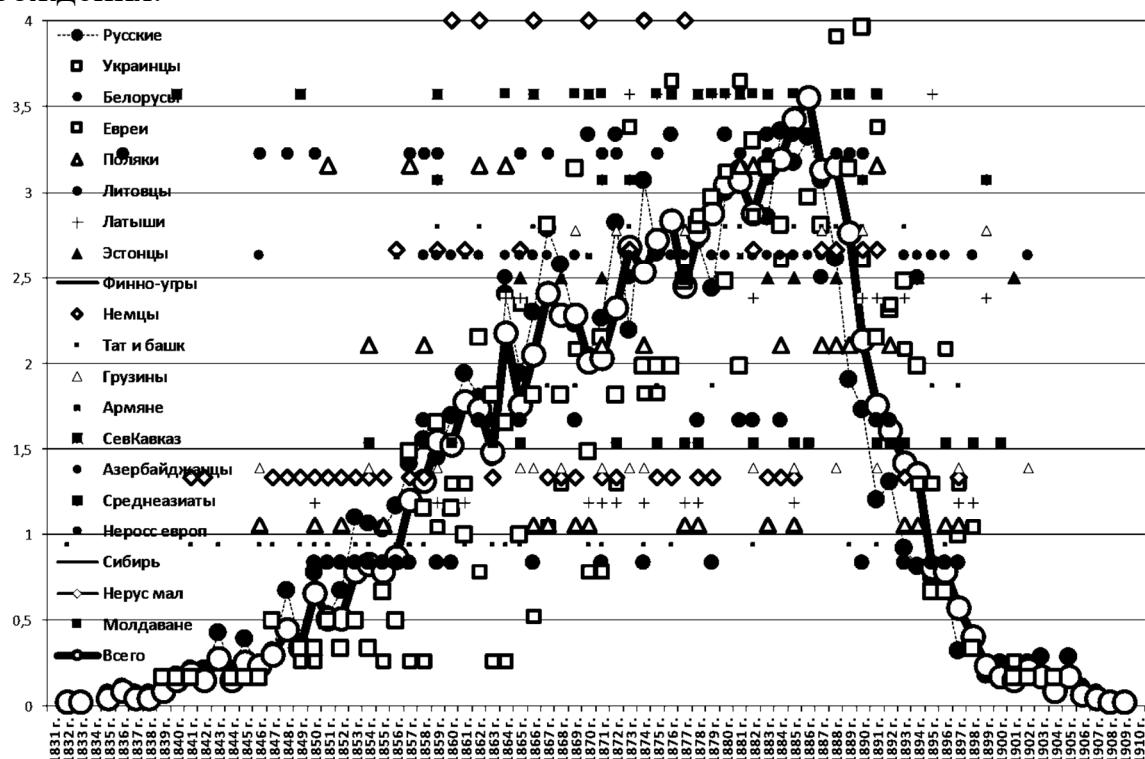

Рис. 4. Доли лет рождения представителей российской провинциальной партийно-политической элиты конца XIX – первой четверти XX в.: общее и национальные группы

Движение времени / места появления на свет («инкубаторов») будущих активистов определялось соединением развития перенаселения и модернизации региона рождения и взросления. Потому «инкубаторы» еще до 1870-х гг. стартовали в западной полосе империи от Финляндии и Прибалтики до Новороссии, а в 1870-е – начале 1880-х гг. закатились и обосновались в макрорегионах ЦПР, ЦЧР, Средней и Нижней Волги, которые и станут основными поставщиками вожаков и ведомых в Гражданской войне.

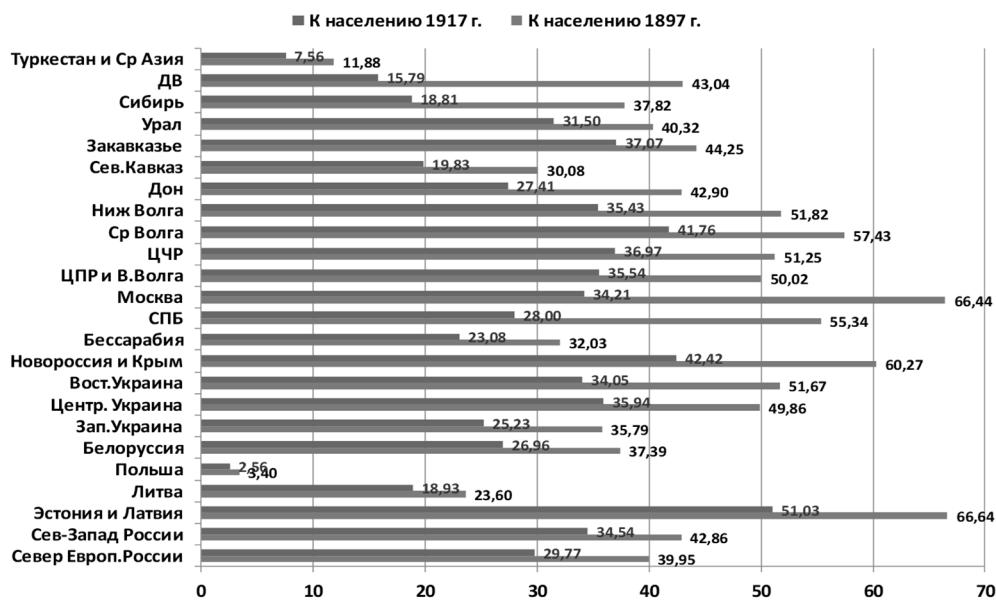

Рис. 5. Индексы «активистской плодовитости» макрорегионов (число представителей ППЭ, рожденных на 100 тыс. населения макрорегиона в 1897 и 1917 гг.)

Распределение активистов ВРФ по типу НП рождения (лишь частично совпадает с социально-сословным происхождением) также говорит о прямой связи аграрного перенаселения и его активизирующих производных, включая индукцию агрессии, со степенью левой радикализации уроженцев. Потому большевики, эсеры и левые эсеры на 54,7, 58,4 и 67,6% соответственно родились в СНП, что на 10–12% превышает доли их крестьянского происхождения.

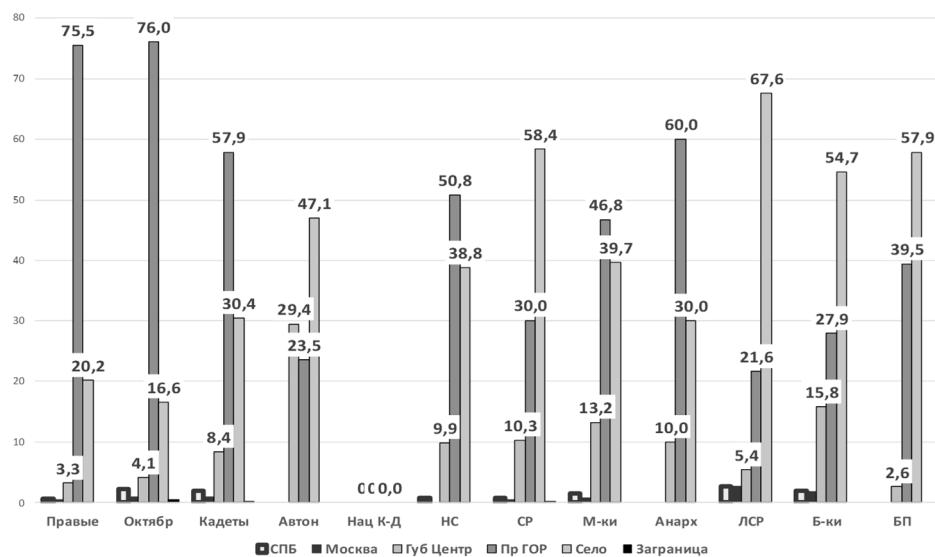

Рис. 6. Связь партийности и места рождения (столицы – губернские центры – прочие города – сельская местность – заграница) русских политических активистов Революции 1917 г. и Гражданской войны

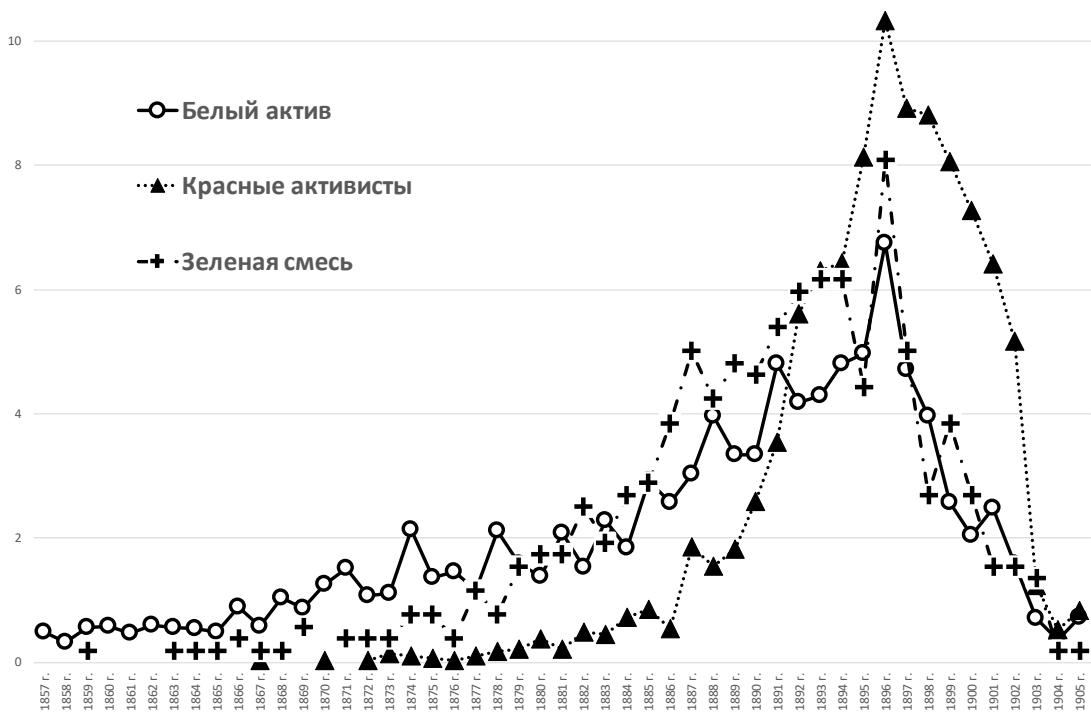

Рис. 7. Красный, белый и «зеленый» активы – доли лет рождения

На природно-демографическую основу политически оформленной социальной агрессии указывает и общая динамика социально-сословного происхождения фигурантов ППЭ: 60 лет крутого падения – от абсолютного большинства к ничтожному меньшинству – доли активистов из дворян, 6-тикратное падение доли выходцев из духовенства, почти 4-кратное – из купцов и почетных граждан и – краткое восхождение с 7,5% до 53% доли крестьянских детей со скачком долей выходцев из их урбанизированных превращений – городских рабочих, мещан и разночинцев.

А женщины ППЭ, несмотря на малочисленность (114 чел.), радуют еще одним доказательством «привязки» взлетов социальной агрессии к природно-демографическому ритму: несмотря на тогдашние чрезвычайные трудности жизненного прорыва для крестьянских дочерей с их общей не первой долей среди фигуранток ППЭ, треть из них родилась в 3-е семилетие 28-летнего цикла 1857–1884 гг., явив «пробивную» мощь «женских атак»¹ пореформенной деревни.

¹ «Женские атаки» – один из важных регуляторов традиционной популяции мирного времени, обеспечивавший до поры оптимальный половозрастной баланс. 1-е семилетие 28-летнего цикла оставляло примерно каждую седьмую невесту «лишней», 2-е семилетие возвращало большинство женихам, 3-е семилетие в случае сложения с восходящей фазой 112-летнего ритма делало «лишними» до 26% (!) будущих невест, в 4-е семилетие запускался сброс

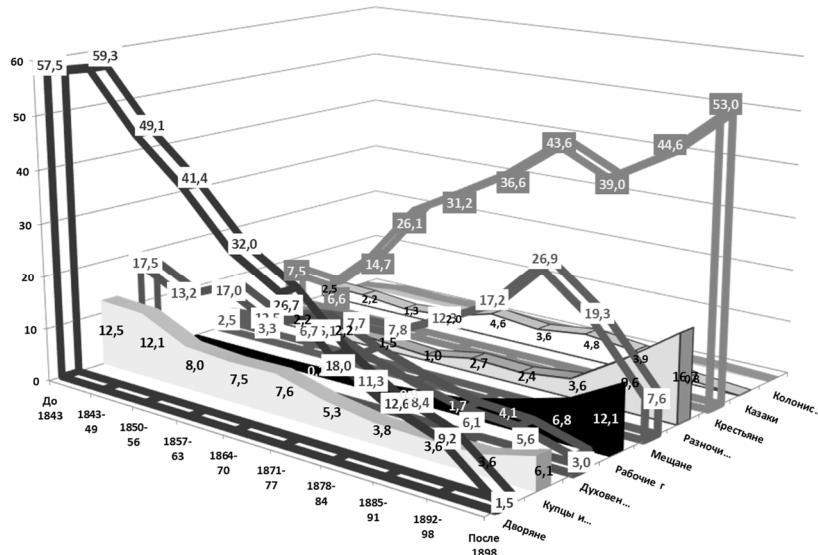

Рис. 8. Движение социально-сословного происхождения мужчин российской провинциальной партийно-политической элиты конца XIX – первой четверти XX в. по циклическим 7-летиям их рождения

Время и место рождения обеспечили корреляцию социально-сословного происхождения и политического «цвета» активистов – в «красных» партиях большинство членов происходило из крестьян, в будущих «белых» первенствовали дворяне (абсолютно только среди октябрьистов), а самыми «мещанскими» оказались меньшевики.

Возраст в 1917 г. Со средним возрастом у активистов 1917–1922 гг. проще всего – чем моложе, тем «краснее», с тем лишь отличием, что в ППЭ – это переход от 58-летних «отцов» к 25–30-летним «детям», а среди бойцов Гражданской войны разница в среднем возрасте между белыми и красными составляет менее 8 лет, что лишний раз указывает на доминанту общности синергизма формирования самых радикальных краев спектра социальной агрессии.

избыточного давления в популяции с соответствующим снижением доли и естественной плодовитости девочек – детей этой фазы. Сильнейшая «женская атака» пришлась на 3-е семилетие 28-летнего цикла 1857–1884 гг., т.е., на 1871–1877 гг., что в 1890-е гг. обеспечило в России более 4 млн молодых плодовитых женщин, не имевших мужской пары среди ровесников – ведь под давлением обострившегося перенаселения и комплекса аграрного вопроса разница в возрасте в пользу жениха в селе (и по индукции стресса и переноса мигрантами традиции – в большинстве города) практически исчезла. Данная проблема «лишних невест», стимулируя сама по себе эскалацию агрессии, в тогдашних российских условиях, помимо гендерных перекосов в эмиграции из села, толкала сельские популяции на парадоксальные antimoderнистские действия, дополнительно ухудшившие ситуацию: предельное снижение возраста первого замужества с соответствующим скачком рождаемости, обострением малоземелья и ухудшением потребления, движение «за женихами» в сторону родственников по крови, нагнетание давления в «демографических мешках», взлет миграционной активности детей 1890–1900-х гг.

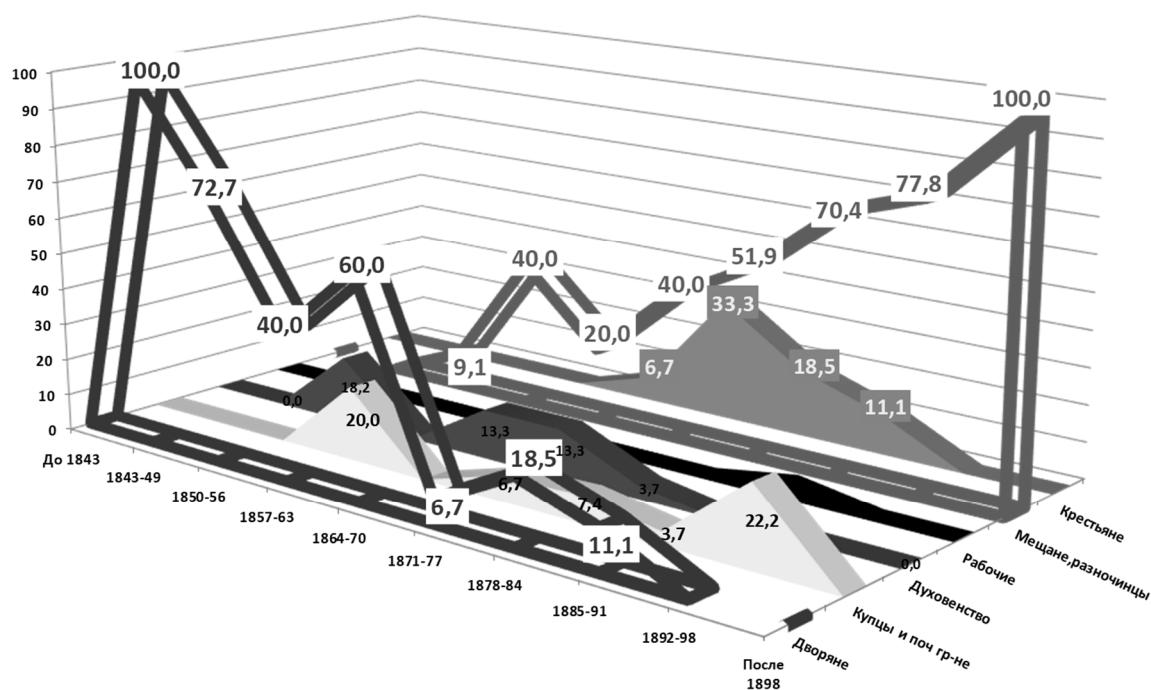

Рис. 9. Движение социально-сословного происхождения женщин российской провинциальной партийно-политической элиты конца XIX – первой четверти XX в. по циклическим 7-летиям их рождения

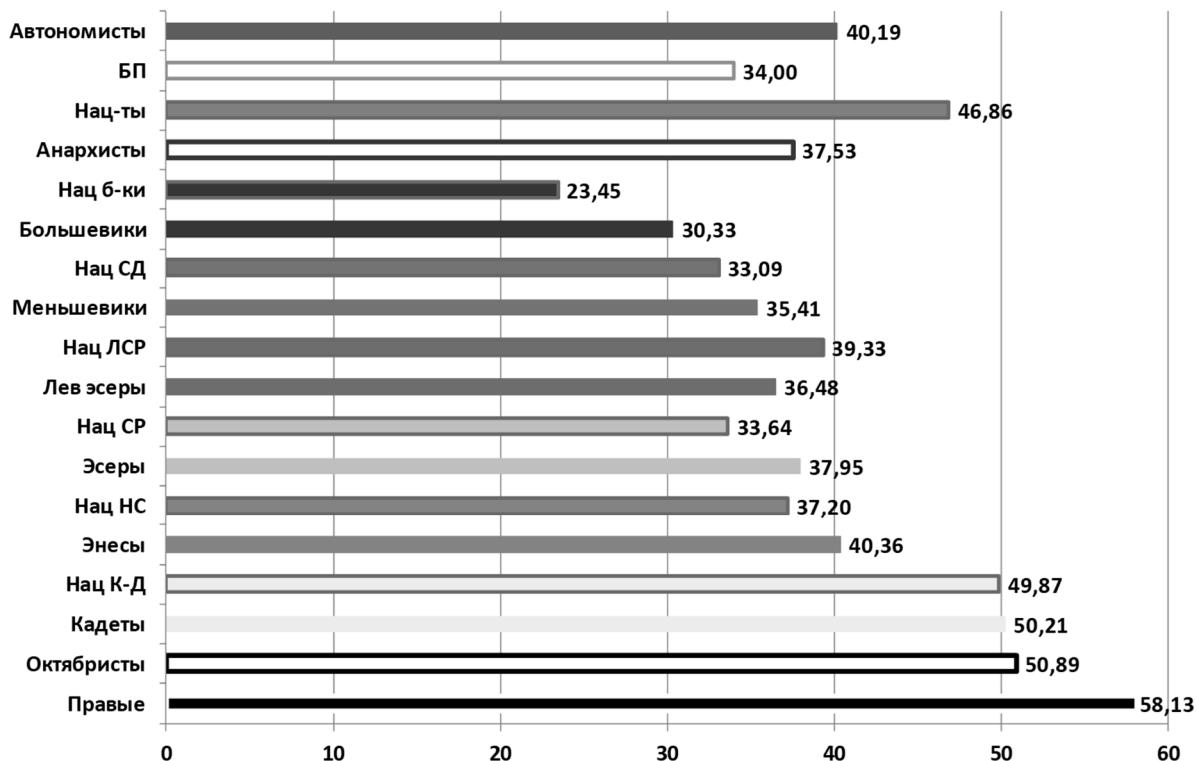

Рис. 10. Партийная принадлежность и средний возраст на 1917 г. представителя ППЭ

Таблица 1

**Средний возраст вооруженных активистов в период
Революции 1917 г. и Гражданской войны**

«Цвет» активиста	Полный кавалер Георгиевского креста	«Белый» актив	«Красный» актив	Антоновцы	Махновцы	Остальная «красно-зеленая» смесь	Ср. возраст вооруж. актива
Возраст в 1917 г., лет	30,8	29,6	21,4	26,4	26,45	27,08	27,1 = 1889–1990 г.р.

Фактор национальной принадлежности. Эта непростая часть синергизма социальной агрессии требует отдельной статьи, потому назовем лишь главные результаты обработки БД:

1) народы империи включались в социально-политическую борьбу по мере их национальной консолидации и включения в «национальный вопрос», поэтому для центристских и правых *общероссийских* партий более характерны «возрастные» (46–48 лет в 1917 г.) не восточнославянские включения из уже консолидированных народов (поляки, российские немцы и «нероссийские» европейцы). Формировавшиеся, осознававшие себя нации делегировали своих молодых (32–38 лет в 1917 г.) представителей по преимуществу в «оранжево-красную» зону политического спектра. Евреи как особый случай были хорошо представлены во всех партиях, кроме крайне правых, с постепенным увеличением своей доли на левом фланге с наибольшей среди меньшевиков;

2) доли в ППЭ, заметно превышавшие долю народа в населении империи в 1897 г., следовали в порядке убывания: евреи, «нероссийские» европейцы, армяне, латыши, русские (!) и грузины, что указывает на социоестественный синергизм социальной агрессии данного типа;

3) русских, как в ППЭ, так и среди активистов Гражданской войны – «квалифицированное большинство», а суммарная «восточнославянская» доля – не менее 90%. Включение консолидировавшихся наций (прежде всего украинцев и евреев) в политическую борьбу шаг за шагом понижало долю русских в ППЭ с 77–78% в родившихся до 1857 г. до 43,5% в родившихся в 1892–1898 гг., но в родившихся после 1898 г. доля русских скачком вернулась к 71,2%. Два данных явления говорят о социоестественном залоге формирования российской ППЭ;

4) национальная структура вооруженных активистов Гражданской войны не только сходна с ППЭ в общем рисунке («восточнославянское» большинство в 90% и более, не менее 2/3 русских, почти совпадающий набор главных «нерусских» национальных групп), но и имеет существенные отличия. Общее отличие – вдвое меньший набор национальных групп (недостатки социоестественного синергизма агрессии + отсутствие военных навыков и опыта ПМВ). Среди ожидаемых и неожиданных различий национальных структур по трем главным цветам Гражданской войны – у белых кратно большие доли тюрко-татарской (мусульманской) группы, калмыков и христиан Кавказа (армяне, грузины, часть осетин), среди краскомов кратно больше евреев, белорусов, прибалтов и поляков, среди «зеленых» вожаков русских аж 84,1%, на всех неславян осталось лишь 3,8%.

Национальная структура краскомов Гражданской войны, ставших высшими офицерами РККА в межвоенный период по ряду позиций сильно отличается от национального состава кавалеров ордена Красного Знамени: евреев среди первых 11,3% (больше, чем украинцев!), но среди краснознаменцев всего 1,07% (меньше, чем у «белых евреев» с их 1,5%); у мусульманской группы обратная пропорция – 0,6% среди краскомов и 2,4% среди краснознаменцев; восточных славян среди краскомов – 71,3%, а среди краснознаменцев – 92,5%.

Во всех трех цветах актива Гражданской войны ничтожно мало «интернационалистов» с их высшей долей среди белых (1,1%) и с долей 0,8% среди «зеленых» вожаков и с менее 0,5% в совокупности красных активистов, что дополнительно подтверждает то, что в синергизме нашей «драке» внешний, интервенционистский фактор играл последнюю роль, а люди «извне» были такими же, как и «наши», продуктами и орудиями глобальной ВРФ.

Фактор «демографического мешка». Раз уже зашла речь о глобальном, то отметим, что наиболее смертоносные и формирующие события Гражданской войны состоялись, в отличие от Революции 1917 г., не в столичных регионах, а в расширяющейся полосе, западная дуга которой прошла от Северного Урала до Бессарабии, а восточная – от слияния Иртыша с Обью до стыка Грузии, Армении и Азербайджана. Удерживаясь от соблазна залезть за объяснениями в геофизику, укажем, что все доступные историку подсчеты доказывают присутствие за данной концентрацией войны и сопутствующих ей других средств массового убийства и нерождения социоестественного механизма регулировки перенаселенной популяции.

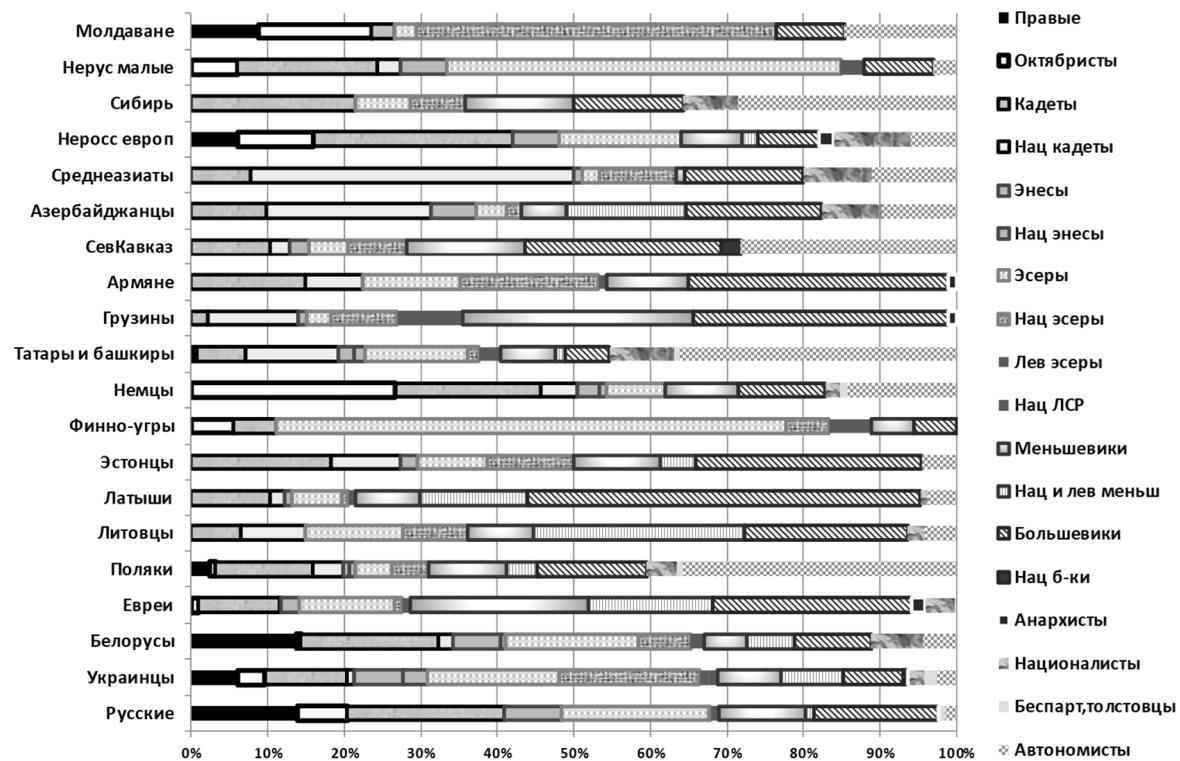

Рис. 11. Партийная структура национальных групп ППЭ (слева направо – от правых к автономистам)

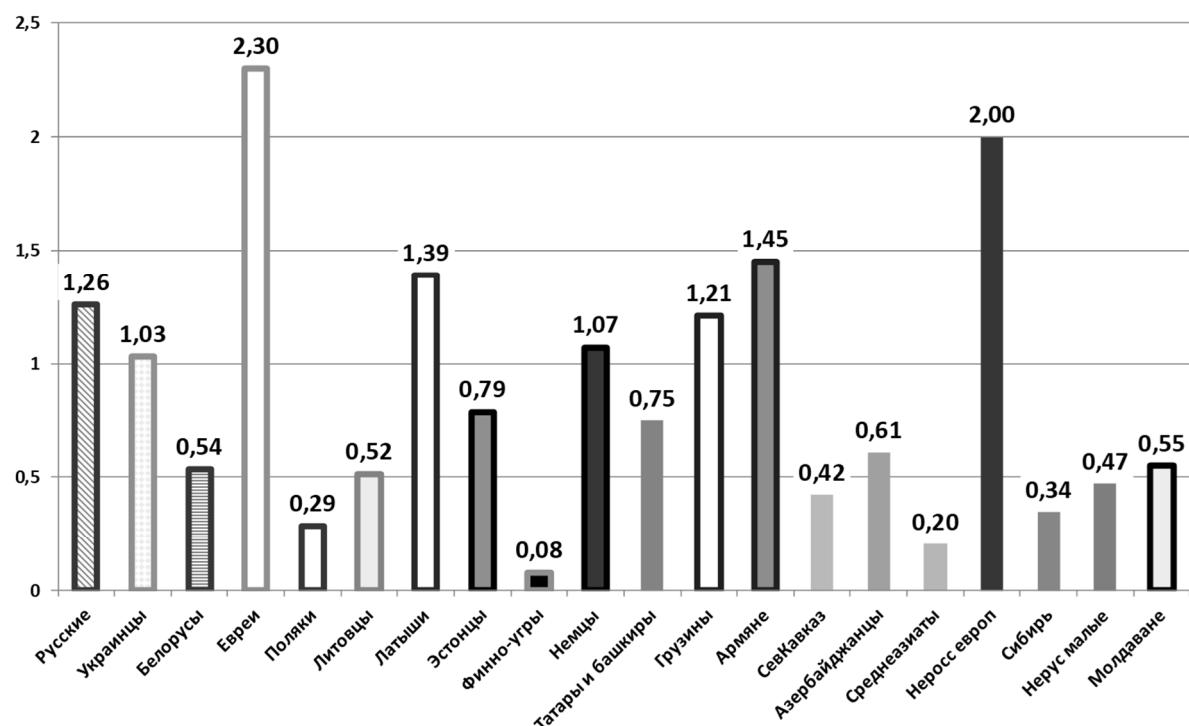

Рис. 12. Соотношение: доля национальности в ППЭ / доля национальности в населении России

Рис. 13. Национальные структуры трех цветов вооруженного актива Гражданской войны

Другие сравнительные подсчеты (многомерная маркировка агрессии) по конкретным главным зонам вооруженного «зеленого» протеста и их не мятежных округ – антоновщина, махновщина, Вешенский мятеж, Западно-Сибирское восстание, «чапанская война», Ижевско-Воткинское восстание – без единого исключения говорят о развитии в них предельной агрессии по принципу работы «демографического мешка».

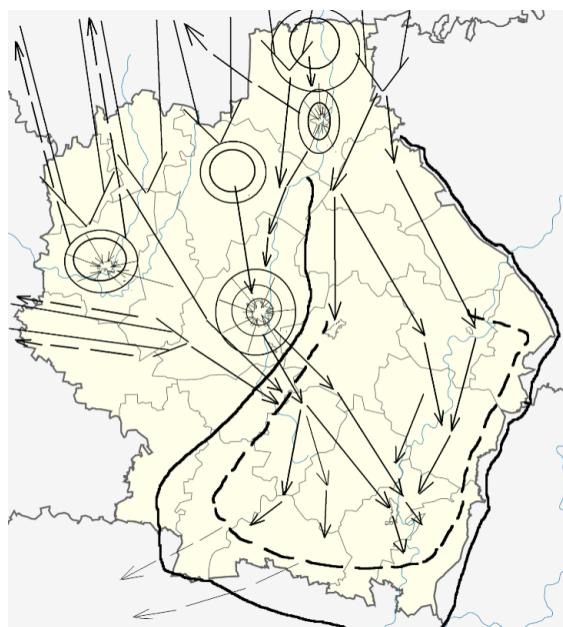

Рис. 14. Исторические пути формирования тамбовского «демографического мешка» (модель)

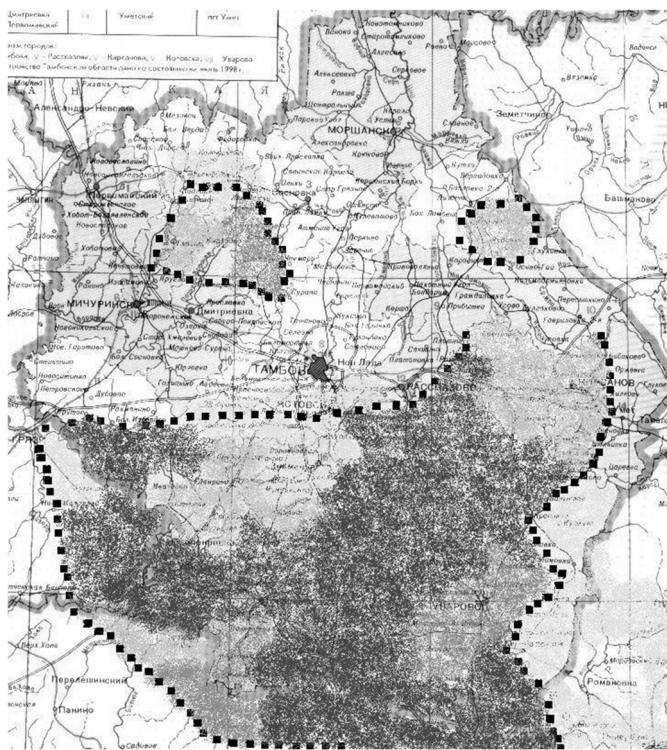

Рис. 15. Спектр мятежной активности тамбовских крестьян в 1917–1921 гг. (движение к темной части соответствует степени участия конкретных СНП в восстаниях 1917–1921 гг.)

Миграционные индексы социальной агрессии. Движение объемов и качества миграций в нашей стране от великих реформ до ВОВ замечательно не столько понятными для активизировавшихся популяций восходящими линейными трендами, сколько тем, что это *восхождение шло когортными волнами с идеально ритмичными пиками числа и долей будущих мигрантов, родившихся в период промежуточных сбросов избыточного демографического давления* (1853–1863, 1881–1891, 1909–1919). Чем больше было избыточное давление, ухудшение качества жизни и рисков выживания в конкретной популяции любого уровня (от отдельного СНП до страны), тем большая доля из родившихся вступала с семьями и по отдельности в миграционные потоки, уходя в зависимости от уровня индивидуальной активности, амбиций в ближний город, в столицы или далеко на Восток.

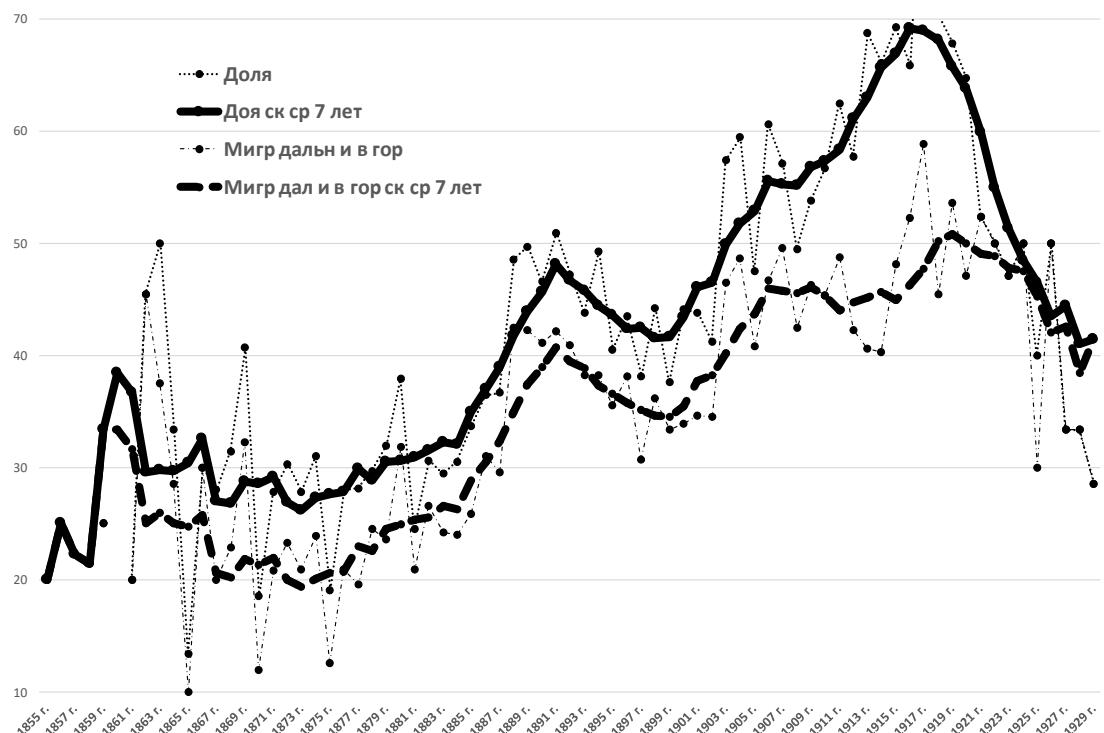

Рис. 16. Волны миграции из родных мест тамбовских «политических» репрессированных 1855–1929 гг. рождения (% мигрантов (репрессированы не в месте рождения) в числе родившихся; движение общей миграции и миграции за пределы родного региона (далняя миграция) и из сельской местности в города; выборка 8000 чел.)

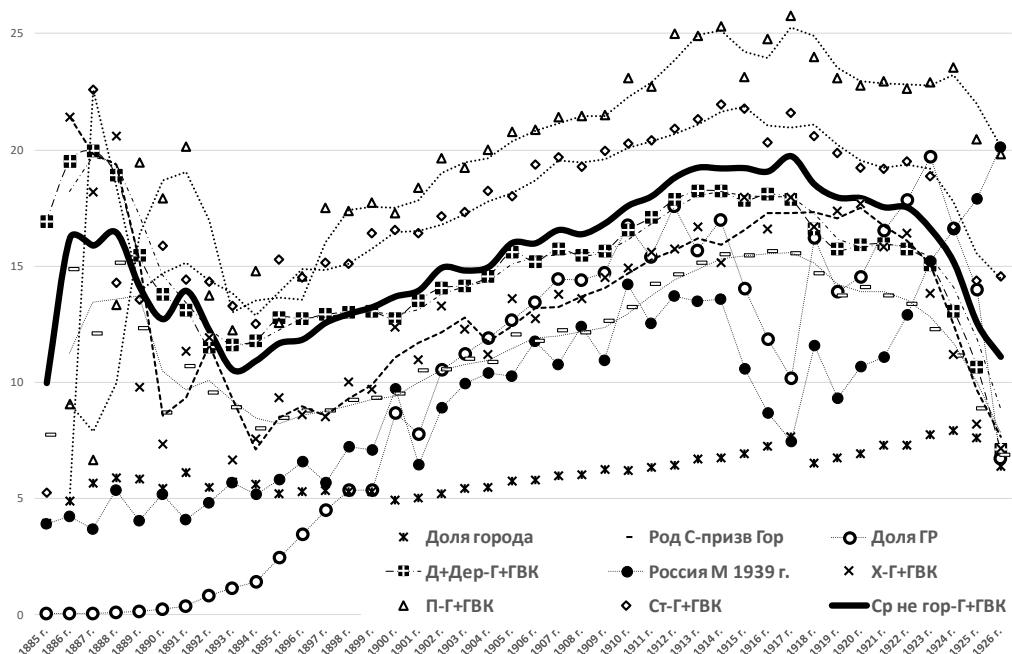

Рис. 17. Движение долей числа военнослужащих РККА периода ВОВ, родившихся не в городах, но призванных в армию в городах. Российская империя – СССР (ОБД «Мемориал», 1885–1926 гг. рождения, 34,5 млн записей, поиск по С. – село, Д. или Дер. – деревня, Х. – хутор, П. или Пос. – поселок, Ст. – станица, станция)

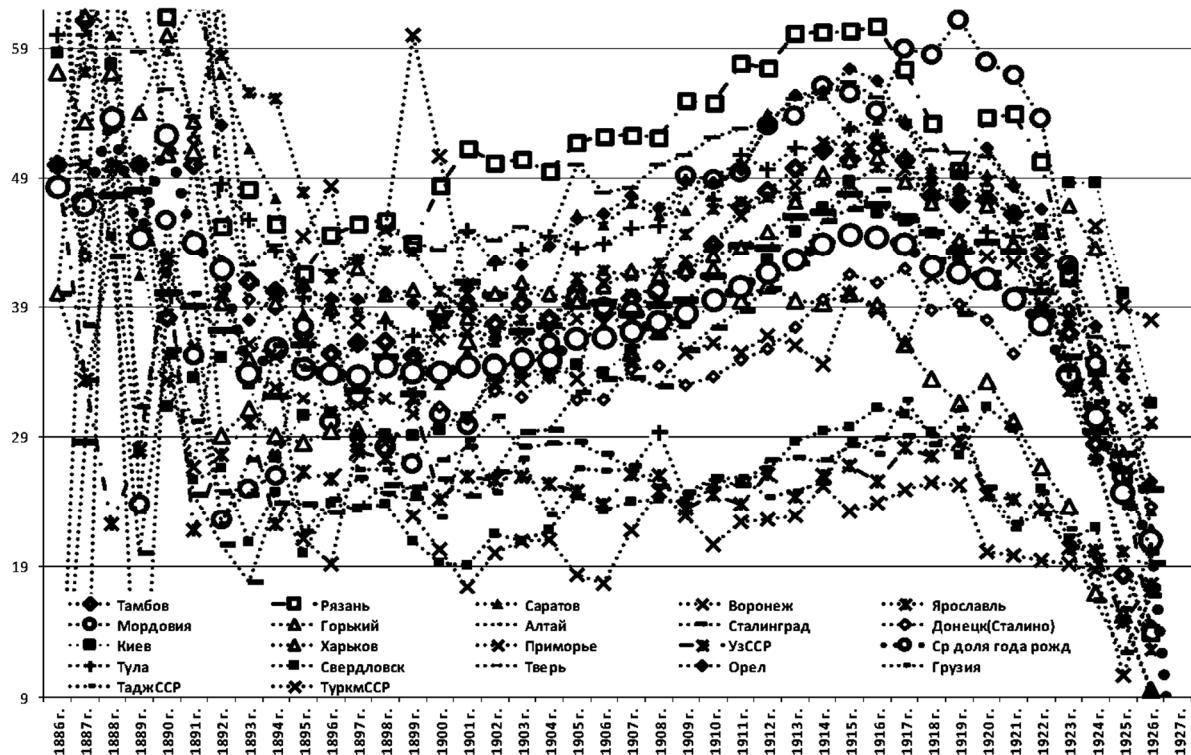

Рис. 18. Доли призванных в РККА вне родных регионов – сравнение различных регионов СССР (крупный круглый маркер – движение средней доли; 21 регион)

Многие типы СНП – деревни, выселки, отруба, починки, поселки и т. п. – возникали в результате аграрной миграции внутри региона, т. е. изначально были концентрациями более активного населения и потому в итоге имели в 1,5 раза больший индекс эмиграции, чем популяции СНП, из чьих активных частей они когда-то возникли.

Фактор количества и качества образования. По связи количества и качества образования с «цветом» политической активности заметим, что движение к «красному» идет рука об руку со снижением общего образовательного уровня и (что важно!) возрастанием доли всяческого «недообразования» (незаконченного высшего, неполного среднего, неполного начального), становившегося хорошей почвой для выработки, столь характерной для маргиналов, «простых» радикальных решений сложнейших вопросов.

Фактор рода занятий. Связно с образовательным обеспечением политических «цветов» выглядит и формирующий фактор профессии активиста – чем ближе к «красному» краю, тем больше доли родов занятий, не требующих не то что приличного, но и какого-либо образования вообще, с их суммарной долей, намного превышающей долю лиц с низшим образованием.

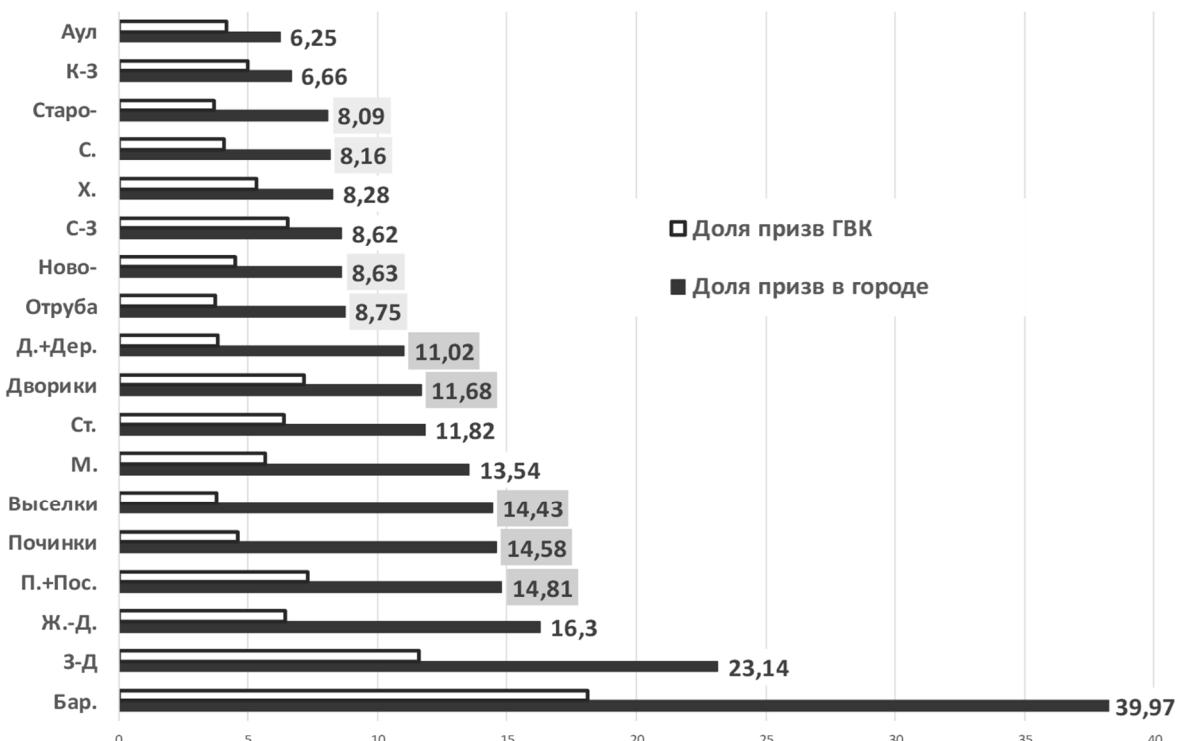

Рис. 19. Миграции в города в зависимости от типа НП рождения

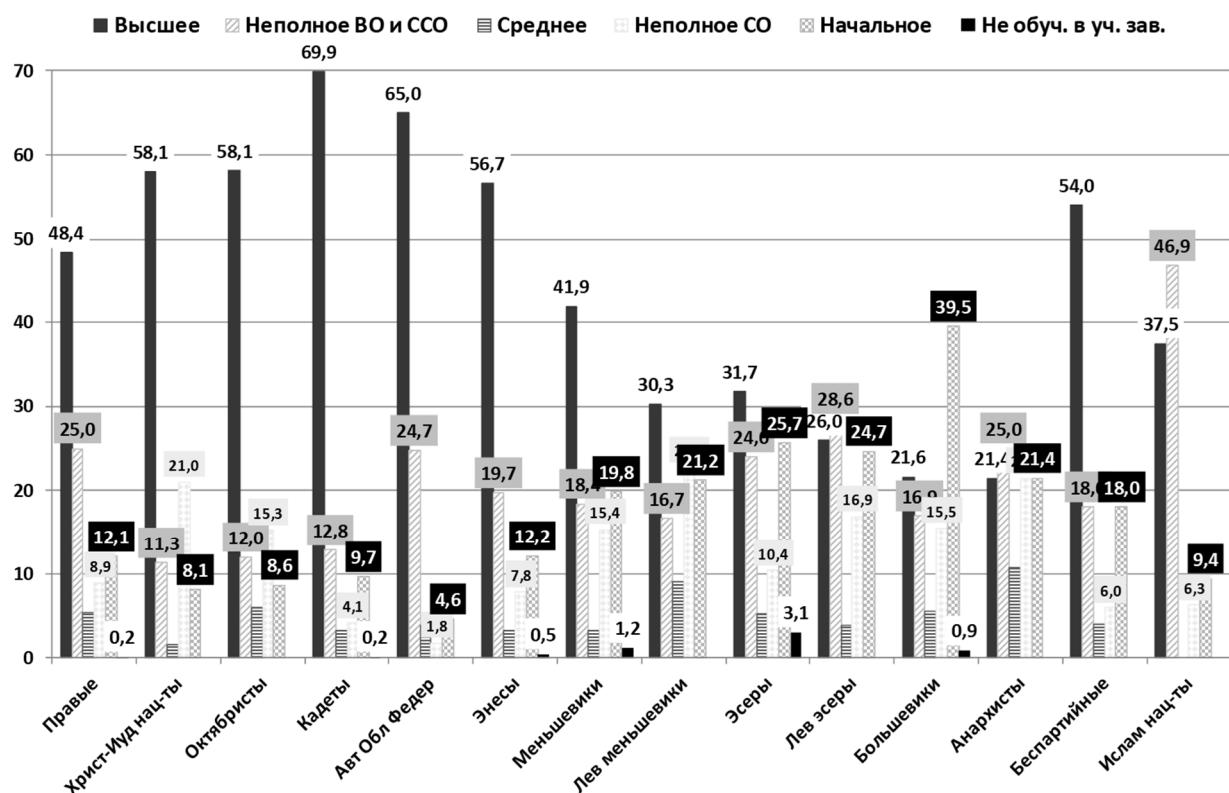

Рис. 20. Структура образования и партийность российских политических активистов, 1917 г.

Антропонимические индексы социальной агрессии. Русское трехчленное имя – наш самый надежный и глубокий маркер социальной активности, ведь в нем есть первое имя, данное при рождении, есть имя отца и фамилия, приобретенная «со значением» поколения назад. Семьи, наделенные повышенной агрессией, жизненной претензией вкладывали наследственные «понты» в модное наречение собственных детей. На отрезке, когда рождались будущие активисты Гражданской войны, в потоке русского наречения сплетались следующие модные тренды: 1) наречие из списка 30–40 модных имен, открывавшегося именами *Николай, Александр, Владимир, Виктор, Анатолий* и завершавшегося блоком славянских имен древнерусских князей с рывками поверх календарных барьера вроде *Станислава* или *Эдуарда*; 2) намеренное аллитерационно-ассонансное наречие для получения музыкального звучания дву- или, если повезет с фамилией, трехчленного имени; 3) наречие для той же музыкальности именами, содержащими [л – л’] (прежде всего, для девочек) и [л – л’ + р – р’]; 4) соответственный отход от наречения по святым; 5) неуклонное и резкое сокращение практического именника; 6) ускорившееся падение долей имен вековых первых двадцаток от *Ивана, Василия, Федора, Петра, Григория, Михаила, Павла, Алексея, Якова, Егора* (но не *Георгия!*) и т. д. для мальчиков и *Анны, Марии, Евдокии, Прасковьи, Ефросиньи, Дарьи, Марфы, Агриппины, Екатерины* и т. д. для девочек.

Во всех модных трендах лидировал город от «зачинщиков»-столиц с их социально-сословной элитой до уездных центров, нижние слои подражали верхним. Временной гандикап от рождения моды «наверху» до ее нисхождения в деревенские низы в силу развития коммуникаций и социальной мобильности сократился за три поколения от десятилетий до нескольких лет. Эта таявшая разница хода моды в городе и деревне сохраняла синхронное частичное несовпадение модных блоков наречения. Так, в пору рождения наших активистов массовые *Константин, Сергей* и отчасти *Михаил* и *Дмитрий* сохраняли модный смысл в селе, но уже утратили его в городе. Следует учитывать и особенности модного наречения в региональных христианских этноконфессиональных группах (староверы, сектанты, неправославные восточные славяне, православные неславяне и внутриславянские различия и т. п.).

Учли, подсчитали и – во всех мыслимых замерах по всем трендам наречие будущих «разноцветных» активистов Гражданской войны, наречие их родителей и их детей оказывается принципиально (в 1,5–2 раза!) более модным, чем синхронное наречие в остальных частях их социальных и географических мест рождения. При этом наречие в

«демографических мешках» как инкубаторах социальной агрессии заметно моднее наречения в «не мешках», то же относится к зонам-целям дальней аграрной миграции, куда направлялась наиболее активная часть популяции.

Таблица 2

Сравнительные характеристики наречения различных групп повышенной (вооруженной) социальной активности периода Революции 1917 г. и Гражданской войны

Группа / Индекс	Модная группа имени	Модная группа отчества	Доля Ивана в именах	Доля Ивана в отчествах	А-А наречение, 2 + 3, %
Антоновцы все	13,1	7,34	14,9	14	Более 40
Антоновские вожаки	19,1		16,7		44,9
Антоновцы остальные	11,9		14,5		Более 40
Крестьяне Тамб. обл. БД КМ 1878–1905 г. р., ср. долей	10,13 (от 7,7–8,9 до 9,7–14,2 по семилетиям)		13,54	5,7	Менее 30
Крестьяне Тамб. обл. БД КМ род. до 1878 г.	5,7		9,4		
Полные Георг. кавалеры 1874–1894 гг. р., Россия	16,01		12,05		Более 40
Красный актив, род. не в городе до 1906 г., Россия	26,5		12,55		Около 50
Краснознаменцы, вост. славяне., род. до 1904 г.	26,1		10,85		
«Красно-зеленая» смесь, род. до 1904 г.	26,5		11,34		
Белые офицеры, род. до 1904 г.	67,2		2,4		Около 90
Город, Россия, 1905 г. р.	27,1		9,85		Около 50

Окончание табл. 2

Белые нижние чины, род. до 1904 г., Россия	28		11,55		Около 40
Не город, Россия, 1905 г. р	16,8		11,6		Менее 30
Россия, Ивановы, род. не в городе, 1892–1898 гг. р.	17,13		12,22		Около 20
Махновцы	16,7		9,33		
Запорожская обл., род. не в городе, 1892–1898 гг. р.	8,28		11,72		
УССР, род. не в городе, 1892–1898 гг. р.	8,82		9,8		
Омская обл., 8 р-нов Зап.-Сиб. мятежа, ОБД	18,2		9,77		
Сельские р-ны Омской обл. вне Зап.-Сиб. мятежа, ОБД	16,8		11,44		
Род. в 1885–1926 гг. в СНП с названием Тамбовка	22,9		18,2		

Анализ модных трендов в наречении в совокупности с другими наблюдениями социальной агрессии позволяет полагать всегдашнее наличие в любой популяции «наследственной» наиболее агрессивной верхушки в доле около 1/14 (7%), которая в военно-революционные времена за счет индукции и ухудшения ситуации расширяется до 1/7 (14%) популяции.

«Офицерские», «геройские» и «женские» доли как маркеры социальной агрессии. Данные отражения канализации повышенной активности популяций искажены многослойным «фильтром» хода и наследия Гражданской войны. Доли успевших до Революции 1917 г. реализовать себя на военной и гендерной стезях находятся в абсолютной прямой зависимости от степеней социоестественного напряжения в их родных микро- и мезопопуляциях. Для тех, кого Гражданская война застигла в нежном возрасте, принципиальным фактором деформации уже советской карьеры стала степень индивидуального и массового демографического и социокультурного поражения как платы за протестную активность. Потому высшие доли советских офицеров,

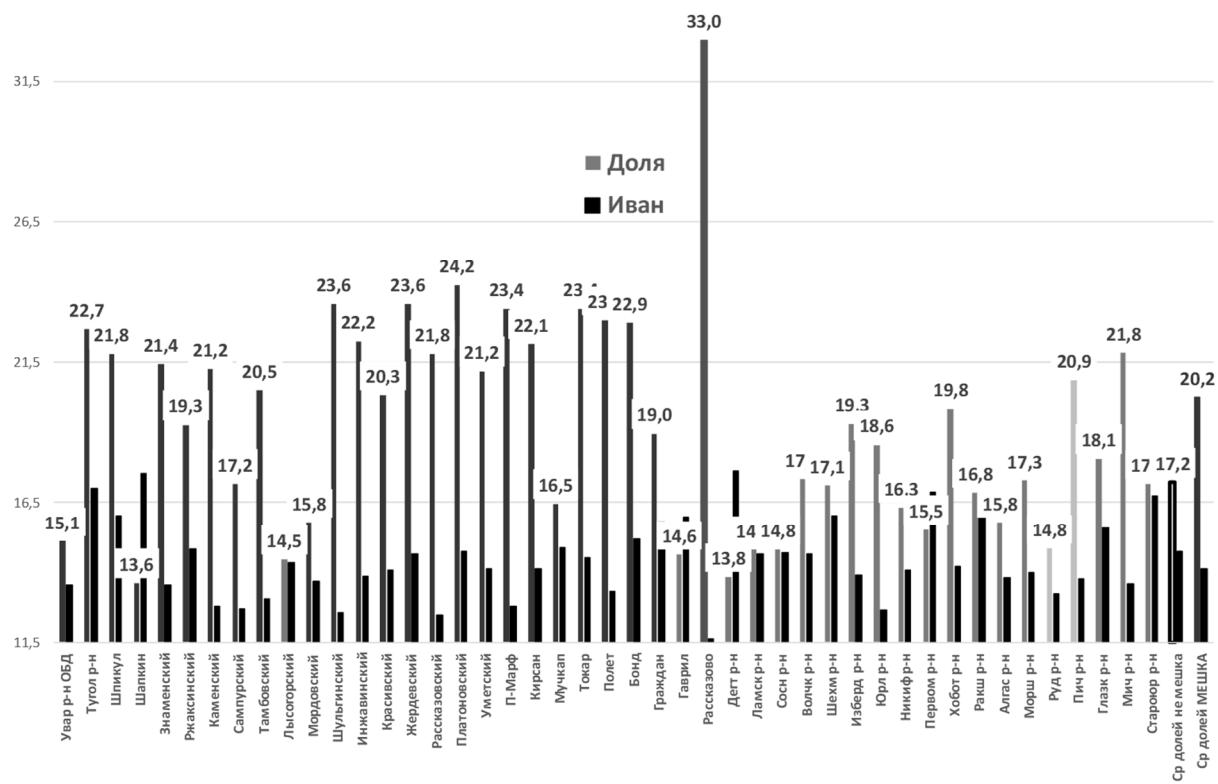

Рис. 21. Сумма долей 30 имен модной группы и доля имени Иван в наречении мальчиков 1885–1926 гг. рождения в 43 сельских районах ТО периода ВОВ

Таблица 3

Почти шутка: лейтенанты – носители фамилий разного происхождения. Фамилия указывает на «сниженные» качества предков, офицеров меньше в 2–3 (!) раза. Период – ВОВ

Фамилия	Доля л-т	Фамилия	Доля л-т
Воинов	7,13	Попов	7,02
Пушкарев	7,09	Кузнецов	6,7
Стрельцов	7,39	Поздняков	6,7
Солдатов	7,26	Антонов	6,4
Черкасов	6,96	Токмаков	3,74
Посысаев	7,09	Глистин	4,17
Слюняев	4,19	Судоргин	4,19
Козявкин	4,19	Сопликов	3,46
Поносов	3,94	Почечуев	2,08
Котяхов	3,16	Гнида	1,48
Подки- дышев	2,86	Дриш, Серунов, Бздникин	0

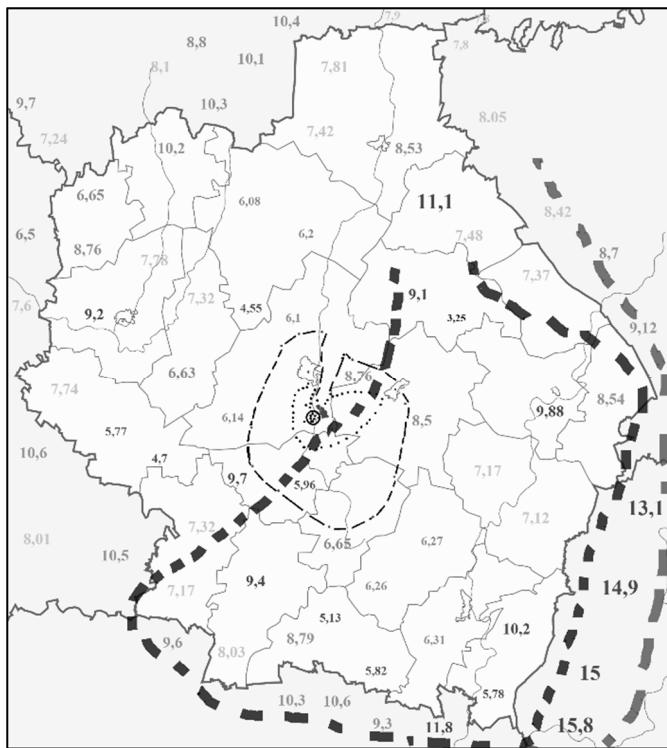

Рис. 22. Субрегиональные доли офицеров в призывае / потерях ВОВ в зоне тамбовского «демографического мешка»

героев Второй мировой войны и выдающихся женщин обеспечат субрегионы «демографических мешков» как зон вооруженного протеста, которым повезет не попасть под властную кару. Тот же «счастливый случай» сработает и на уровнях отдельных СНП и даже семей, коверкая прямое отражение повышенной агрессии в межвоенных офицерских и геройскихолях. Но даже эта мощная деформация не «задавит» природно-демографическую основу повышенной социальной агрессии конкретных регионов.

У войны, конечно, не женское лицо, и «женские доли» в российских военно-революционных событиях вроде бы подтверждают это: 1,7% женщин в ППЭ, столько же среди активных «белых», 1,3% среди «зеленых» вожаков и 0,2% среди кавалеров ордена Красного Знамени. Тем не менее, данные скромные доли женского участия в военно-революционных событиях выше тогдашних «женских долей» в мирных сферах реализации повышенной агрессии и даже выше женской доли в РККА периода 1941–1945 гг., хотя на Великую Отечественную большинство девушек попало не добровольно, а по мобилизации.

Антropометрическая и психосексуальная маркировка социальной агрессии. Первые наблюдения по этой части индивидуальных причин-маркеров повышенной мужской, прежде всего, агрессии в революционной России сделаны в начале 1990-х гг. Тогда обработка биографий и антропометрических данных сотен представителей ППЭ доказала связь снижения среднего роста активистов и концентрации в их формировании источников иных психосексуальных комплексов (безотцовщина и иные девиации родительской семьи и психотравмы детства, недостатки здоровья и внешности, особенности сексуально-брачного опыта и т. п.) с их политической радикализацией, смещением в большевистскую часть политического спектра.

Таблица 4

Средний рост солдат ВОВ, родившихся до 1906 г.

Место рождения	Петербург	Москва	Воронежская обл. в границах 1939 г.	Тамбовская обл. в границах 1939 г.	Тамбов	ТО – «демогр. мешок»	ТО – не «мешок»
Средний рост, см	168	168,3	168,4	167,9	170,3	168,3	167

Сегодня можно лишь распространить подмеченное на «разноцветных» вожаках Гражданской войны – практически все они были заметно ниже своих ровесников (ср. рост около 164 см), при том что «демографические мешки» их происхождения работали на акселерацию, не блистали красотой и здоровьем, не могли похвастаться не то что образцовой, а хотя бы «нормальной» для тех времен родительской и собственной семьей, отсутствием унижений в детстве. Данная ущербная просопография, являясь самостоятельным формирующим фактором, была в то же время производной более глубоких источников повышенной агрессии: «смертный» (голодный, эпидемический) год рождения с его комплексным воздействием на мать, на целость родительской семьи, на остальное качество жизни; рождение в пике и в зоне перенаселения со всем ее стрессовым антуражем; стрессовые дополнения национальных колыбелей и резких смен

жизненных ритмов и укладов. Диалектика порождения, выживания, самоутверждения, вытеснения комплексов делала этих людей и причинами, и орудиями Гражданской войны как природного средства сброса избыточного давления в популяции. Не ведая о своем предназначении, они погибали молодыми и уносили с собой в могилу стократ больше плодовитых соотечественников.

Основные выводы. Суммируем представленное, делая шаг к более полному и непротиворечивому пониманию выбора разными частями революционной России разноцветных полотнищ, под которыми и в которых наши люди разовьют комплекс социальных конфликтов до массовой Гражданской войны, пройдут ее и, выжившие, с потомками будут долго осмысливать случившееся.

Единые базовые «виновники» взлета социальной агрессии в конкретно-историческое время в громадной разнородной стране – природно-демографические ритмы-регуляторы традиционных и переходных популяций, сопряженные с комплексом российских «вопросов» и перемноженные на экзогенные средства ВРФ в виде двух наших революций и участия в мировой войне. «Заведенная» на разностороннюю повышенную активность популяция массово вырабатывала вождей, исполнителей и катализаторов социальной агрессии, расходившихся по ее разноцветным каналам. Индивидуальные, собирающиеся в групповые, выходы в радикальные, вооруженные края каналов социальной агрессии любого из трех главных цветов Гражданской войны определялись конкретным географическим и социальным временем / местом рождения и взросления будущего «бойца», наследственной повышенной активностью, девиациями родительской семьи и собственными психосексуальными комплексами, этнокультурными обременениями, степенью недообразованности и социальной маргинальности (переходности), конкретными отягчающими обстоятельствами личного жизненного опыта. В этом белые, красные, «зеленые» и все промежуточные цветовые комбинации активистов Гражданской войны были очень похожи. Только при движении к красной части ее спектра «анамнезы» бойцов менялись в сторону усугубления причин болезни.

Литература и источники

1. *Дьячков В. Л.* К вопросу о социокультурном облике российской политической элиты в 1917 году // Революция и человек: социально-политический аспект. М., 1996. С.159–163.
2. *Дьячков В. Л.* Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (Тамбовский случай) // История и современность. 2014. Вып. № 1 (19). С. 128–141.
3. *Дьячков В. Л.* Тамбовское имя на 380-летнем марше – место в строю // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. Материалы VI Всероссийской научной конференции, посвященной 380-летию города Тамбова. Тамбов, 2016. С. 39–63.
4. *Дьячков В. Л.* В поисках гена социальной агрессии: методика и первые результаты исследования // Природа и общество: технологии обеспечения продовольственной и экологической безопасности. Вып. XL. М., 2016. С. 23–26. (Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России).
5. *Дьячков В. Л.* Миграции населения России 1860–1930-х гг. как часть социоестественной системы регулировки популяций // Там же. С. 99–102.
6. *Дьячков В. Л., Лямин С. К.* Социально-демографический феномен первых ста лет жизни тамбовского Котовска // Вестник Тамбовского ун-та. Вып. 12 (164). Тамбов, 2016. С. 137–150. (Гуманитарные науки).
7. *Дьячков В. Л.* «Вкусу очень мало у нас и в наших именах...»? В поисках «гена» социальной агрессии первой половины XX века в зеркале русского наречения // Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.: Сб. научных статей и материалов круглых столов / под ред. П. П. Марчени, С. Ю. Разина. Вып. 6. М.: Изд-во Ипполитова, 2016. С. 80–93. (Научный проект «Народ и власть»).
8. *Дьячков В. Л.* Маркеры социальной активности (агрессии) в движении «популяции» преподавателей ТГПИ – ТГУ // VII Всероссийская научная конференция, посвященная 100-летию революционных событий 1917 года и 80-летию Тамбовской области «Тамбов в прошлом, настоящем и будущем» (26 апреля 2017 года). Тамбов, 2017. С. 43–50.
9. *Дьячков В. Л.* «Антоновщина»: Актуальность методологических споров 2007 года // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6 (80). Ч. 2. Тамбов: Грамота, 2017. С. 27–32.
10. *Дьячков В. Л.* О социоестественном синергизме взрыва 1917 года // Постигая Великую российскую революцию: мемориальный сборник научных статей

- памяти доктора исторических наук, профессора Л. Г. Протасова. Тамбов: Изд. Дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 136–139.
11. *Дьячков В. Л.* Когда почти все были живы: наши споры об «антоновщине» в 2007 году // Там же. С. 210–225.
12. *Дьячков В. Л.* О социоестественном синергизме революции 1917 года и Гражданской войны в России // Материалы XXVII Международной междисциплинарной конференции «Проблемы социоестественных исследований» и Международной междисциплинарной молодежной школы «Стратегии экологической безопасности». М., 2017. С. 35–36.
13. *Дьячков В. Л.* Российская социальная агрессия первой четверти XX века: способы выявления, истоки, уровни, формы, этапы, исходы // Там же. С. 36–40.
14. *Дьячков В. Л.* Электронная база данных «Вожаки и участники крестьянских выступлений 1880-х – 1921 г.»: структура и исследовательские возможности // Революция и бунт в российской истории. Материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 20–21 марта 2017 г. М., 2017. С. 183–190.
15. *Дьячков В. Л.* Расплата (не по А. В. Стрыгину) // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. Материалы VIII Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию событий Гражданской войны в России: трагедии и драмы выбора исторического пути развития, Тамбов, 26 апреля 2018 г. Тамбов, 2018. С. 12–20.
16. Политические деятели Российской провинции от эпохи Николая II / В. Л. Дьячков и др. Тамбов, 2013. 160 с.
17. *Полторак С. Н., Посадский А. В.* Народные вожаки 1918–1922 гг.: проблемы изучения и понимания. Материалы заочного круглого стола // Клио. 2016. № 4 (112). С. 177–210.

Канищев В. В.

Типы революционного времени и судьбы офицеров императорской армии в 1917–1920 гг.

Аннотация. Автор опирается на предложенный В. В. Журавлевым анализ социально-психологических типов революционной эпохи, применяет его к биографиям офицеров, служивших накануне Первой мировой войны в Курской и Тамбовской губерниях. К типу убежденных революционеров отнесены 2 человека. Намного чаще офицеры выделяли из своей среды решительных контрреволюционеров. В созданной автором базе данных – не менее 80 человек. Тип «оборотня революционных эпох» (около 20 человек) связывается с частью красных военспецов, но с оговоркой, что этот тип находился в «пограничной зоне» с типом специалиста, готового заниматься своим делом независимо от политического строя. Среди изученного круга офицеров оказалось немного «обывателей революционной поры» (около 10 человек), которые в 1917–1920 гг. отошли от военных дел и занялись мирной деятельностью. В статье отмечается, что уклонившихся от Гражданской войны среди бывших офицеров было больше, но их деятельность мало отразилась в источниках. Тип «среднеактивного субъекта революционного процесса» (колебания между революционерами, обывателями, контрреволюционерами) проявился в биографиях нескольких офицеров.

Ключевые слова: Революция 1917 г., Гражданская война, офицерство, типология, историческая информатика.

Kanishchev V. V.

Types of Revolutionary Time and Fates of Imperial Army Officers in 1917–1920

Abstract. The author based on the analysis of social and psychological types of the revolutionary period proposed by V. V. Zhuravlev and applies it to the biographies of the officers who served on the eve of the First world war in Kursk and Tambov provinces. To the type of convinced revolutionaries attributed 2 people. More often, the officers selected from their socium decisive counter-revolutionaries. In the database created by the author – at least 80 people. Type "werewolf of revolutionary period" (about 20 people) associated with the part of red military experts, but with the caveat that this type was in the "border zone" with the type of specialist who is ready to do his own thing regardless of the political system. Among the studied range officers were a little "obyvatelrevolutionary time" (about 10 people), which in 1917–1920 moved away from military Affairs and was involved in peaceful activities. The article notes that the former officers who evaded from the Civil war were more, but their activities had little impact in the sources. The type of "medium-active subject of the revolutionary process" (fluctuations between revolutionaries, obyvatels, counter-revolutionaries) appeared in the biographies of several officers.

Key words: Revolution of 1917, Civil war, officers, typology, historical Informatics.

В последние годы, как нам представляется, в изучении истории российского офицерства начала XX в. намечается затухание колебаний «историографического маятника» от эмоциональных воспеваний или проклятий то красных, то белых офицеров к беспристрастным оценкам офицерства как слоя российского общества, к сугубо «позитивистскому» сбору материалов о тех и о других. При этом эмпирические подходы пока явно преобладают над анализом собранных фактов современными методами исторических исследований. В частности, еще редко создаются электронные базы данных офицеров – участников военно-революционных событий 1914–1921 гг., и вовсе не предпринимаются попытки выстроить типологию социально-психологического облика разных представителей офицерства этого периода.

В данной статье мы решили апробировать предложенный еще в середине 1990-х гг. В. В. Журавлевым метод анализа социально-психологических типов революционной эпохи [10], применить его к биографиям офицеров из Курской и Тамбовской губерний.

В последние десятилетия российским историкам стали доступны многочисленные разнообразные отечественные и зарубежные источники, позволяющие выстроить такую типологию. К настоящему времени мы изучили и включили в электронную базу данных сведения о жизненном пути в 1914–1921 гг. нескольких сотен офицеров, проходивших перед Первой мировой войной службу в гарнизонах Курской и Тамбовской губерний. Но только примерно относительно 120 из них можно говорить о выявлении более-менее достаточных сведений для отнесения этих людей к определенному типу человека революционного времени [3–6; 12; 13; 16–23].

Не попавшие в нашу типологию бывшие офицеры, вероятнее всего, частично погибли на Первой мировой войне, но в большей части пережили ее, после 1917 г. ушли «на гражданку» и не попали в военно-исторические источники. Но и тех, чей жизненный путь отразился в данных источниках, не всегда можно четко отнести к тому или иному социально-психологическому типу. Сторонники красных и белых в целом определяются точно. Но источники порой не позволяют выявить факты о сравнительно долгом пребывании их после Революции 1917 г. в числе гражданских обывателей. Такое положение затрудняло даже осознанный военно-политический выбор, делало его ситуативным, зависимым от места жительства на советской или антисоветской территории. Поэтому представленные в статье подсчеты не являются

абсолютно точными, они в большей мере отражают порядок цифр, на наш взгляд, достаточный для количественного сопоставления размеров изученных групп.

К типу убежденных революционеров, редкому для офицеров, мы отнесли выходца из Курской губернии, прапорщика-добровольца Первой мировой войны, советского наркома В. П. Милютина и штабс-капитана К. М. Волобуева, в 1918 г. Тамбовского губвоенкома (перешел на сторону большевиков в сентябре 1917 г.) [7, 24].

Намного чаще офицеры выделяли из своей среды тип решительных контрреволюционеров. В нашей базе данных таких людей более 80. Особенно сильным не столько идейным, сколько эмоциональным мотивом вступления бывших офицеров в ряды контрреволюционеров было опасение попасть под расправу над «золотопогонниками», ненависть к которым в 1917–1921 гг. охватила широкие слои населения.

Такие настроения достаточно ярко запечатлены в воспоминаниях правнука подполковника Д. Ф. Тимофеева: «В августе 1918 года по территории Курска и губернии начался «красный террор», но убийства возвращавшихся с войны офицеров начались уже в феврале. Убийство «золотопогонника» в среде революционного люда становилось поводом для гордости. В таких военных условиях бывшим офицерам русской армии, жившим в Курской губернии, пришлось делать срочный выбор: с кем и против кого воевать, ибо продолжать занимать нейтральную позицию становилось сродни предательству по отношению к России. Подполковники Тимофеев Д. Ф. и Андриевич В. А. свой выбор сделали, решив вступить в ряды Добровольческой армии России» [19].

Тамбовские журналисты С. Евгенов и Б. Дальний (позже работал в Курске), сами отслужившие офицерами в Перову мировую войну, но после нее выбравшие работу в советских газетах, честно сообщали о том, что большинство офицеров, их окружавших, в начале 1918 г. мечтало податься на юг, к Корнилову [9; 11, с. 64]. Поэтому неслучайно в нашей базе данных оказалось около 50 офицеров, которые в 1918–1920 гг. служили в Добровольческой армии, Вооруженных силах Юга России, в Русской армии. Почти все оставшиеся в живых офицеры этого круга продолжали сражаться с красными именно на Юге России вплоть до крымских боев 1920 г. Нами выявлен только один случай перехода отсюда в «сибирские армии».

Заметное число из выявленной нами выборки контрреволюционного офицерства (не менее 11 человек) в 1917–1918 гг. вступило в украинские армии. Судя по явно неукраинским и непольским фамилиям и особенно по дальнейшему боевому пути в Гражданской

войне выбор именно этих армий для части офицеров был ситуативным: в конце Первой мировой войны они оказались на территории будущей самостийной Украины. После поражения гетманской армии они перешли в Вооруженные силы Юга России.

Наряду с этим среди бывших курских и тамбовских офицеров выявилось несколько последовательных защитников украинской независимости от Советской России. Е. И. Башинский вступил в войска Центральной Рады еще в конце 1917 г. М. И. Куделинский и А. А. Чайковский в 1919–1920 гг. продолжали сражаться против большевиков в рядах Украинской народной армии.

В остальных антисоветских армиях во время Гражданской войны оказались единицы бывших курских и тамбовских офицеров: армии Восточного фронта – 4 человека, Северо-Западная армия – 3 человека, Донская армия – 2 человека, Северная армия – 1 человек.

Тип «оборотня революционных эпох» можно связать с частью красных военспецов, каковых мы насчитали около двух десятков. Принадлежность к этому типу нельзя абсолютизировать, он находился в «пограничной зоне» с типом специалиста, готового заниматься своим делом независимо от изменений политического строя («Есть такая профессия Родину защищать»). Типичным представителем этого «подтипа» можно назвать Ю. М. Шейдемана, который накануне мировой войны был полковником, командиром 21-го мортирного артдивизиона в Курске, в январе 1917 г. получил звание генерал-лейтенанта, а в 1918 г. вступил в РККА. К 1921 г. он дослужился до начальника артиллерии Красной армии. Вряд ли человек, не стремившийся честно служить тогдашнему российскому правительству, смог бы занять столь высокий военный пост [8, с. 662].

С другой стороны, белые мемуаристы любили приводить примеры того, что среди красных военспецов оказались запуганные Советской властью старые офицеры. Так, известный деятель Белого движения (начальника штаба Вооруженных сил Юга России), уроженец Тамбова П. С. Махров вспоминал, что во время Гражданской войны случайно встретился со своим братом Николаем, который добровольно вступил в ряды РККА. Николай объяснил брату Петру, что, если он изменит делу революции, его семья будет расстреляна [14; 16; 23].

Арестованный ЧК в 1918 г. по обвинению в антисоветской деятельности бывший офицер Н. С. Найденов в своих показаниях упомянул сослуживца В. И. Комарова, который до войны служил в Курске, а потом вступил в Красную армию «из страха перед белыми» [13]. Конечно, проверить искренность таких воспоминаний и показаний

сложно. Но поверить в них, зная социально-психологическую атмосферу в Советской России 1918–1921 гг., можно.

Среди офицеров оказалось немало «обывателей революционной поры». Мы выявили небольшую группу офицеров, которые в 1917–1920 гг. отошли от военных дел, поступили на госслужбу или занялись другой мирной деятельностью, были нацелены на сохранение своих семей. Максимально к этому типу можно отнести 10 человек. Из имеющихся источников не очень ясно, когда эти люди ушли из армии и стали «обывателями». Конец жизни большей их части пришелся на репрессии 1930-х гг. К этому времени они были явно гражданскими лицами, но советские власти припомнили им офицерское прошлое. По выявленной на данный момент информации непонятно: толи это было преследование за золотые погоны вообще, толи за участие в Гражданской войне на стороне врагов советской власти.

Наиболее «спокойной» после революции оказалась жизнь генерала А. Г. Вачнадзе, который перед Первой мировой войной служил в Курске, а в начале 1917 г. был последним военным комендантом города Петергофа. После Февральской революции он избежал ареста, вышел в отставку, переехал в Тифлис и прожил там много лет. Скончался в феврале 1941 г. своей смертью на 88-м году жизни. Репрессии сталинского времени обошли старого генерала. Возможно, это произошло потому, что его дочь Софья была замужем за Сергеем Кавтарадзе, другом юности И. В. Сталина [1].

Два бывших офицера в роли обывателей оказались за границей. Полковник С. А. Аргамаков, после революции эмигрировал в Норвегию, затем в 1921 г. переехал в Германию, где был известен как баптистский проповедник. А. А. Долгов 1917 г. вышел в отставку и поселился в Крыму. При большевиках неоднократно подвергался арестам. В 1921 г. перебрался в Москву, оттуда эмигрировал в Финляндию, затем в Чехословакию. В Праге профессионально работал как художник.

Тип «среднеактивного субъекта революционного процесса» проявился в колебаниях между революционерами, обывателями, контрреволюционерами. В выявленных нами документах нашлось всего несколько офицеров, которые в период Революции 1917 г. и Гражданской войны переходили то к красным, то к белым, то уходили в обывательскую жизнь. Но твердо ни одного из них нельзя отнести к этому типу, поскольку их пребывание в мирной жизни или на службе в Красной армии выглядели случайностью, а переход в войска противников советской власти происходил по убеждениям. Так, молодой офицер С. В. Вакар, вернувшись после событий Октября 1917 г. в родной Тамбов, устроился на работу в городскую управу для

выполнения геодезических и чертежных работ. Но обывателем он был недолго. В июне 1918 г. стал участником антисоветского Тамбовского восстания, окончательно определившего его дальнейшую судьбу: «Нервно потрясенный, бездомный, но не сдавшийся врагу и не отказавшийся от продолжения борьбы за Родину, я получил приют в Воронеже в доме моих близких и дорогих людей...» Вскоре он вступил в армию А. И. Деникина [2].

Не сложилась обывательская жизнь и у генерала С. И. Богдановича, который в 1914 г. в чине полковника являлся командиром размещавшегося в Тамбове 27-го пехотного Витебского полка. В годы войны он получил звание генерал-майора, находился на фронте вплоть до 1917 г. В 1918 г. каким-то образом вновь оказался в Тамбове. Во время июньского восстания в городе Богданович стал военным руководителем этого выступления против советской власти, в августе 1918 г. он уже состоял в украинской армии в качестве начальника 1-й Киевской пешей военной школы им. Богдана Хмельницкого.

Очень необычной оказалась судьба П. П. Петрова, служившего до мировой войны в Тамбове. Весной 1918 г. он поступил на службу в РККА, служил в управлении Поволжского военного округа. В Самаре, с освобождением города от большевиков, поступил на службу в Народную армию Комуча, стал командиром 3-го Самарского стрелкового полка. В дальнейшем П. П. Петров оказался в армии адмирала А. В. Колчака. В 1918–1919 гг. занимал крупные штабные должности, дослужился до полковника. В 1920 г. стал начальником снабжения Дальневосточной армии, затем начальником русской военной миссии на станции Маньчжурия, в 1920–1922 гг. воевал в составе различных белых воинских формирований на Дальнем Востоке. Судя по тому, что после Гражданской войны П. П. Петров не вернулся в Россию, свое недолгое пребывание в Красной армии он считал «неубедительным» [3; 5].

Конечно, приведенные в статье материалы являются начальным подходом к большой теме, так сказать, в первом приближении. Мы продолжаем выявлять новые материалы. Особую важность придаем поиску источников, отразивших выбор тем или иным офицером жизненной позиции после Революции 1917 г.

Литература и источники

1. Абасалиев Р. Военные коменданты Петергофа // Нева. 2007. № 4. С. 262–268.
2. Вакар С. В. Наша генерация, рожденная в конце прошлого столетия. М., 2000. С. 36.

3. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920 гг. Биобиографический справочник // отв. сост. В. М. Шабанов. Федеральное архивное агентство. РГВИА. М.: Русский міръ, 2004. 928 с.
4. *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. М.: Олма-Пресс, 2003. 672 с.
5. *Волков Е. В, Егоров Н. Д., Кутцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М.: Русский путь, 2003. 240 с.
6. *Волков С. В.* Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002. 568 с.
7. Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / авт.-сост. Л. Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.
8. Гражданская война и военная интервенция в СССР. М.: Советская энциклопедия, 1983. 704 с.
9. *Дальний Б.* Романтическая история. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1965. 176 с.
10. *Журавлев В. В.* Революция как способ реализации личного интереса (К постановке проблемы) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 18–28.
11. За власть Советов: Сб. воспоминаний участников борьбы за установление Советской власти на Тамбовщине. Тамбов: Тамбовская правда, 1957. 84 с.
12. *Кавтарадзе А. Г.* Военспецы на службе Республики Советов. М.: Наука, 1988. 280 с.
13. Красная книга ВЧК. В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во политической литературы, 1989. С. 200.
14. *Левитов М. Н.* Материалы для истории Корниловского ударного полка. М.: Содружество «Посев», 2015. 871 с.
15. *Махров П. С.* В Белой армии генерала Деникина / под ред. Н. Н. Рутыча и К. В. Махрова. М.: Logos, 1994. 304 с.
16. *Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. Материалы к истории Белого движения. М.: Regnum; Российский архив, 1997. 295 с.
17. *Тинченко Я.* Офицерский корпус Армии Украинской Народной Республики (1917–1921). Киев: Темпора, 2007. 536 с.
18. БД «Жертвы политического террора в СССР». URL: <http://lists.memo.ru/> (дата обращения: 20.09.2018).
19. URL: http://ria1914.info/index.php?title=Тимофеев_Дмитрий_Федорович. (дата обращения: 20.09.2018).
20. URL: http://rulibs.com/ru_zar/sci_history/velidovredaktor/1/j516.html (дата обращения: 20.09.2018).
21. URL: www.grwar.com (дата обращения: 20.09.2018).
22. URL: <https://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=52905425> (дата обращения: 20.09.2018).
23. URL: <http://grodno-best.info/nasledie/lyudi/sudby-bratev-v-generalskih-pogonah-petr-i-nikolaj-mahrovy.html> (дата обращения: 20.09.2018).
24. URL: <https://history.wikireading.ru/308146> (дата обращения: 20.09.2018).

Медведев А. А.

К вопросу об антропологическом измерении социальных конфликтов

Аннотация. Статья посвящена причинам социальных конфликтов и в частности Гражданской войны в России. Автор достаточно оригинально подходит к вопросу, рассматривая причины социальных конфликтов не с точки зрения политических или экономических процессов, а с позиции общественного сознания. По мнению автора, причиной социального конфликта внутри общества является постепенное формирование в социальных слоях разных типов ведущей мотивации, либо невозможность власти, государства соответствовать мотивационным вызовам (занышенным ожиданиям) общества. В статье также показано значение идейного начала в историческом процессе на различных его стадиях. Статья является примером синтеза данных таких социально-гуманитарных наук как история, философия истории, психология и социальная психология. Выводы, к которым пришел автор, также отличаются оригинальностью и научной новизной.

Ключевые слова: бытие; сознание; социальный конфликт; Маркс; исторический материализм; идеология; коммунизм; либерализм; объективные закономерности; потребности; общественное сознание; протестантизм; прогресс; социальная психология; социальная группа; мотивация; мотивационный подход; православная мотивация; прогресс; мотивация прогрессивного типа. завышенные ожидания; историческая психология; психоистория; революция; Гражданская война; философия истории.

Medvedev A. A.

To the question of the anthropological dimension of social conflicts

Abstract. The article describes the causes of social conflicts and in particular Civil war in Russia. The author quite originally approaches the problem considering the causes of social conflicts from the point of view of social consciousness rather than from the point of view of political and economic processes. In the author's opinion the cause of a social conflict within the society is constant formation of different types of primary motivation in the social strata or impossibility of the State authority to correspond to motivational challenges (overrated expectations) of the society.

The importance of the ideological basis in the historical process at its different stages is also shown. The article is an example of synthesis of the data of such social and humanitarian sciences as history, psychology and social psychology

The conclusions drawn by the author are novel and original.

Keywords: Existence. Consciousness. Social conflict. Marx. Historical materialism. Ideology. Communism. Liberalism. Objective regularities. Needs. Social consciousness. Protestantism. Progress. Social psychology. Social group. Motivation. Motivational approach. Orthodox motivation. Progress. Motivation of a progressive

type. Overrated expectations. Historical psychology. Psychohistory. Revolution. Civil war. Philosophy of history.

В этом году мы отмечаем столетие начала одного из крупнейших социально-политических конфликтов XX в. – Гражданской войны в России. Масштабы этого события нашей истории, его разрушительные последствия, которые отбросили страну на десятилетия назад в своем развитии, заставляют нас вновь и вновь обращаться к его причинам.

Объяснения, которые существуют до сих пор, находятся в основном в материальной плоскости. Это либо исторический материализм, базирующийся на учении Маркса, либо другие концепции, в основу которых положен экономикоцентризм. Материальные интересы людей или социальных групп, организаций, государств представляются как объективная закономерность. То есть поведение людей в социуме напоминает движение электронов в цепи с несколькими ответвлениями и резисторами разной емкости, где электроны выбирают направление с наименьшим сопротивлением.

Как представляется, объективные закономерности должны действовать на всех. В действительности мы видим, что в одних странах революции и гражданские войны случаются с определенным постоянством, в других – этого не наблюдается. Следовательно, объяснение этому надо искать не только в материальной плоскости, но и в области идеального, в области человеческого сознания, в мотивационной сфере.

В свое время К. Маркс писал о том, что человек, прежде чем заниматься наукой или философией, должен есть, пить, одеваться, где-то жить. Поэтому главное в жизни общества – материальное производство и отношения людей в этой сфере. Любопытно, что эта мысль повторяется и у классика американской гуманистической психологии А. Маслоу. Его знаменитая пирамида (потребностей) на нижнем уровне содержит физиологические потребности. То есть человек не может думать о других, более высоких потребностях, пока не удовлетворит низшие.

На первый взгляд выглядит убедительно и правдоподобно. Но давайте вернемся в исторический процесс и посмотрим, исходя из чего действовали люди в разных эпохах.

Возьмем догосударственную эпоху, эпоху родоплеменных отношений. Можем ли мы представить отдельного человека, который пытается удовлетворить свои материальные потребности? Ответ очевиден. Конфликты в этот период носили горизонтальный характер: это войны между родами или племенами за территории, а также кровная месть. Но только родовая солидарность или комплементарность были

условием выживания каждого члена общины. Только социальные кровно-родственные связи внутри общины давали возможность удовлетворять физиологические или низшие потребности.

Эти связи поддерживались родовой мотивацией: «Что хорошо для рода, то хорошо и для меня». Родовая мотивация формировалась под влиянием происхождения от общего предка, общего культа, суровой внешней среды.

Попутно заметим, что мотивация – сложное и многоуровневое понятие. Факторы формирования мотивации: идеальные и материальные. Формируется в результате социализации, в результате воздействия агентов социализации. Высший или ведущий тип мотивации является маркером деятельности социальной системы и ее скрепляющей силой.

Социальный конфликт в глобальном смысле – это столкновение социальных систем или столкновение ведущих типов мотивации. Социальный конфликт – это не только войны, восстания, революции, но и скрытый вялотекущий процесс переформатирования ценностей и мотивации.

Кроме того, мотивация не только формируется, но и должна накапливаться. Для этого в системе ценностей социума или сознании личности должно быть четкое деление на белое и черное, на положительное и отрицательное. Если положительная мотивация не накапливается, то индивид или социальная система ломается, или возникает социальный конфликт, чтобы исправить текущую ситуацию.

Таким образом, реализация экономических потребностей в догосударственную эпоху происходила через успехи рода (племени, общины), который противостоял другим общинам и силам природы через накопление родовой мотивации.

Родовая мотивация и противопоставление другим общинам сохранились и в следующий период. Древнегреческий полис яркий тому пример, где граждане полиса или одной общины очень четко осознавали свое единство. Противопоставляя себя периакам и рабам, они оказывались на высшей ступени реализации своих потребностей.

Особая система мотивации была создана в Римском полисе. Она базировалась на противопоставлении римлян варварам с одной стороны, и на многоуровневой системе права (провинциалы, цэзерское право, итальянское гражданство, римское гражданство), где возможности удовлетворения потребностей повышались с каждой ступенью гражданства, с другой стороны. Таким способом Рим стимулировал службу себе.

Настоящий переворот в общественной мотивации совершает христианство. Христианство с его универсализмом ломает ограниченность родоплеменного, общинного или полисного сознания. Идея равенства каждого человека перед Богом помогает изжить рабовладение, создать новое общество на основе единства и служения общества христианским идеалам. Так как христианство появилось в период существования классового общества, то социального равенства не наступает. Общество разделено на сословия (Западная Европа) или просто социальные группы (Византия), каждая из которых выполняет свою миссию, свое служение. Они могли различаться по доступности материальных благ, однако не это было главным, а осознание своего долга. Выражаясь современным языком, прав не существовало, была система всеобщей обязанности.

С течением времени в Западной и Восточной Европе возникают свои особенности. На Западе маркером социальной системы становится католицизм, на Востоке – православие. Католицизм, как более жесткая система, в значительной сфере влияло на мотивационную сферу западноевропейского общества. Конфликт идентичности славян со Священной Римской империей германской нации привел к их уничтожению между Эльбой и Одером или к превращению в лены империи. Православие, как более гибкая система определяло мотивационную сферу византийского и восточноевропейского обществ. Конфликт идентичности славян с Византией привел к переформатированию высших ценностей и мотивационной сферы славян, к включению славян в византийское общество, либо к формированию независимых славянских государств.

Относительная безопасность Западной Европы, удаленность, независимость от вторжений извне, а также успехи в развитии хозяйства, экономики явились причиной того, что материальный фактор стал в значительной степени влиять на мотивационную сферу общества. На западе Европы начали формироваться нации – совокупности этносов, связанных не только властью одного короля и общим разговорным языком, но и общим рынком, экономическими связями, общностью экономических интересов.

Постоянные вторжения с востока и суровый климат не позволяли создавать прибавочный продукт в Восточной Европе в такой же мере, как на западе Европы. Поэтому здесь формируется народ – этническая общность связанная не столько экономическими связями и властью государства, сколько общностью православной веры, культуры и языка.

Ограбление Константинополя западноевропейским рыцарством и Великие географические открытия, следствием которых стало

ограбление туземцев Азии, Африки и Америки, стали одним из факторов зарождения капитализма в Европе. Однако едва ли капитализм оформился бы в систему без идей протестантизма. Учение М. Лютера и Ж. Кальвина радикальным образом повлияли на систему ценностей и мотивационную сферу западноевропейского общества. Первый из них, освободив общество от внешней религиозности, от необходимости часто и много времени посвящать молитвам и церковным богослужениям, высвободил энергию общества для мирских дел: занятий торговлей, ремеслом, науками и т. д. Второй убедил общество в необходимости доказывать свою избранность через накопление богатства или капитала. Начинается погоня за избранностью, и, как следствие, начинается развитие капитализма сначала в Западной Европе, а затем и в остальном мире. Если испанская и португальская колониальные системы, базировавшиеся на католическом мировоззрении, предусматривали в основном вывоз золота и серебра из колоний в метрополию, то английская колониальная система, испытавшая сильное влияние идей протестантизма, подразумевала гораздо более сложную эксплуатацию населения и ресурсов колоний. Кальвинистский взгляд на общество как на избранных и отверженных способствовал тому, что в английской колониальной системе происходит реставрация общества по типу римского, где социальные категории делятся в зависимости от доступа к правам и материальным благам: богатые и знатные англичане, простые подданные английской короны, компрадорская буржуазия, остальное население колоний.

На следующем этапе развития общества появляется теория Прогресса. Идея о том, что человечество должно развиваться и достичь высочайшего уровня материального благополучия захватила умы миллионов. В сознании людей возник мотив: «Завтра должно быть лучше, чем сегодня, а сегодня лучше, чем вчера». Именно теория Прогресса вызвала мотивацию нового типа или такое состояние в мотивационной сфере как завышенные ожидания.

Ранее отдельный человек или социальная группа могли реализовать свои материальные потребности, что вызывало накопление положительной мотивации. Но была возможна и обратная ситуация, когда материальные потребности удовлетворялись не в полной мере. Это воспринималось спокойно, так как накопление положительной мотивации происходило в другой сфере, например религиозной.

Теперь завышенные ожидания общества от времени, от науки, от власти требовали обязательного удовлетворения в материальной сфере. Если этого не происходило, то возникал социальный конфликт: бунт, революция, гражданская война. Причем уровень удовлетворения

материальных потребностей с позиций теории прогресса должен все время расти. Поэтому, чем большее количество людей и социальных групп проникалось прогрессивным сознанием, тем более взрывоопасной ситуация становилась в обществе. Страны, в которых правительства успевали реализовывать основной принцип или мотив прогресса, продолжали жить в состоянии внутреннего мира. И наоборот, правительства государств, которые не соответствовали чаяниям народа или наиболее активной ее части, могли быть сметены социальным потрясением.

Следует отметить, что пути и методы реализации мотивации прогрессивного типа мыслителям Запада представлялись разными. В конце XVIII в. оформляется либеральная идеология, с позиций которой удовлетворение материальных потребностей на высоком уровне будет происходить в результате конкуренции или естественного отбора. В середине XIX в. появилась теория Ж. Гобино, давшая толчок развитию в дальнейшем расистской идеологии, которая, в свою очередь, рассматривала благополучие одного конкретного народа за счет других народов. Тогда же появляется коммунистическая идеология, которая подразумевает принесение в жертву интересы большинства социальных групп в обществе в пользу рабочих.

О последней, как имеющей непосредственное отношение к истории России, следует сказать особо. К. Маркс, отрицал «традиционные религиозные, национальные и прочие предрассудки, которые затрудняют обмен веществ среди человечества», т. е. влияние идейного начала на жизнь общества. Сам теоретик доказывал объективное влияние материального начала, наднациональную, космополитическую сущность денег, товара и товаровладельца.

Однако, создавая новое учение, вне зависимости от его содержания, К. Маркс в любом случае влиял на ценностные мотивационные установки людей и социальных групп. Любое серьезное учение в большей или меньшей степени влияет на жизнь общества. Для примера достаточно вспомнить, как идеи французских философ-просветителей повлияли на жизнь Франции конца XVIII в. Более того, помимо ряда экономических и политических вопросов, разбираемых в работах, К. Маркс ставит своих читателей перед дилеммой: формирование в недалеком будущем единого государства буржуазии или пролетариата.

Анализируя работы теоретика исторического материализма, следует посмотреть, на каком историческом фоне они создавались. В XIX в. начинается экономическое соревнование ведущих западноевропейских стран и США. Великобритания, как первая в мире

страна, совершившая промышленный переворот, вырвалась вперед. Английские капиталисты, внедрившие паровые двигатели в производство, добились значительного повышения производительности и снижения издержек на единицу выпускаемой продукции. Параллельно английская экономическая наука в лице Адама Смита и его последователей говорит об устраниении всех торговых барьеров в торговле между странами. К середине XIX в. Великобритания производила 50% мировой промышленной продукции и, обладая самым большим флотом, была заинтересована в политике свободной торговли (фри-трейд) с другими странами. Однако Франция в лице Наполеона, США в лице Джеймса Монро и Германский таможенный союз были заинтересованы в обратной политике, так как только протекционизм позволял этим державам развивать свою промышленность.

Так вот работы К. Маркса, написанные в основном в Лондоне, усиливали эффект от работ английских экономистов, доказывавших экономическую выгоду беспошлинной торговли между странами. Только К. Маркс устранил барьеры между странами поднял до уровня религии или объективной реальности, как он сам выражался, попытался показать детерминированность процесса сближения стран через торговые отношения.

Еще больший эффект от учения К. Маркса, который сулил выгоды английским капиталистам, состоял в том, что оно пробуждало мотивацию прогрессивного типа или завышенные ожидания в рабочем классе. Если в самой Англии ожидания рабочего класса находили выход в чартистском движении, тред-юнионах, переселении в колонии и, наконец, в повышении уровня потребления ставшего возможным благодаря промышленному перевороту, то в других промышленных странах шел процесс накопления средств и перевооружения промышленности. Американские, немецкие и другие капиталисты экономили на всем, в первую очередь на зарплате рабочих. Поэтому английским капиталистам было выгодно разжечь конфликты между промышленниками и рабочим классом других стран, чтобы обеспечить себе лидерство в сфере промышленного производства и закрепить его.

Однако «национальные предрассудки» оказались сильнее, чем предполагал К. Маркс. Особенно это хорошо видно на примере Германии. Немецкая экономическая мысль Фридриха Листа и его последователей нашла противоядие английской школе Адама Смита, выступая против космополитичности и исходя из концепции стадий развития страны. Теория Ф. Листа рассматривала политическую экономию как науку о национальном хозяйстве, подчеркивая определяющую роль государства. Немецкие рабочие пошли не по

радикальному пути К. Маркса, а по пути союза с немецкой буржуазией, направляемые Ф. Лассалем и Э. Бернштейном. Наконец, государство в лице канцлера О. Бисмарка также пошло навстречу ожиданиям рабочих, проведя социальные реформы и создав передовое рабочее законодательство. Таким образом, мы видим, что германская нация показала свое единство даже в период политической раздробленности.

В других промышленных странах Европы и в США также наблюдалось противодействие идеям К. Маркса. Социал-реформистская политика правительств ведущих промышленных стран не позволила раскачать ситуацию и закрепить в Великобритании свое лидерство. Более того, к началу XX в. английские товаропроизводители начинают испытывать сильнейшую конкуренцию со стороны американских и немецких коллег. Теперь уже Великобритания вынуждена перейти к протекционизму, закрыть свой рынок и свои колонии для товаров из США и Германии.

Не повезло только России, у которой не было своего Ф. Листа и О. Бисмарка, да и Ю. Мартов по своим масштабам не сопоставим с лидерами немецкой социал-демократии. Россия, которая позже других европейских стран совершила промышленный переворот, нуждалась в очень взвешенной экономической и внешнеторговой политике. Протекционистский таможенный тариф, разработанный Д. И. Менделеевым и принятый в 1891 г., ненадолго улучшил положение российской промышленности. С введением в 1897 г. золотого рубля и снятием ограничений для иностранного капитала российские капиталисты стали испытывать большие трудности. В ведущих западных странах сформировались монополии – объединения компаний, которые полностью контролировали отрасли в своих странах. Появление западных монополий на российском рынке угрожало существованию отечественных компаний, владельцы которых, стремясь в конкурентной борьбе снизить свои издержки, снижали расценки на труд, ухудшая и без того нелегкое положение российских рабочих. Одинокая фигура С. Зубатова, пытавшегося установить контакт с рабочим движением и не нашедшего поддержки в верхах, стала скорей исключением, чем правилом.

В такой среде учение К. Маркса нашло благодатную почву. Разрушение православной мотивации в среде российского дворянства, чиновничества, интеллигенции, пропитанных либеральной идеологией, в меньшей степени наблюдалось у крестьян и рабочих. [12, с. 104–111]. Однако 9 января 1905 г., когда шествие рабочих с православными хоругвями и портретами царя было расстреляно войсками, дало мощнейший импульс развитию марксизма в России.

Если на Западе, где состоялся компромисс буржуазии и пролетариата, мотивация прогрессивного типа реализовывалась эволюционным путем, то в России, где этого компромисса не было, революция была лишь делом времени. Когда пишут о том, что революция и Гражданская война в России случились по причине обострения нужды и бедствий народа выше обычного в годы Первой мировой войны, то следует посмотреть и сравнить, как нужда и бедствия обострились в этот же период во Франции или в Германии. Это сравнение будет не в пользу России, так как дело не в уровне потребления материальных благ, а в завышенных ожиданиях российского общества, в нежелании ждать конца войны для реализации прогрессивной мотивации.

Временное правительство, пришедшее на смену императорскому, было еще менее способно отвечать чаяниям и интересам не только рабочих и крестьян, но даже и буржуазии, поэтому приход к власти большевиков во главе с В. И. Лениным, которые учли не только интересы российских крестьян и рабочих, но и мотивы солдат и офицеров всех воюющих на тот момент армий, был закономерным.

Следует отметить, что большевики были очень хорошими психологами, которые учитывали мотивацию социальных групп и целых этносов для достижения своих политических целей. Используя мотивацию социальной справедливости, они противопоставили рабочих и крестьян остальным слоям российского общества. Гражданская война в России была логическим продолжением разрушения православной мотивации, некогда скреплявшей общество, и формированием либерального мировоззрения у дворянства с одной стороны и коммунистических взглядов у рабочих. Разрушилась ценностно-смысловая мотивационная основа, которая позволяла осознавать единство российского общества, противопоставлять себя другим этносоциальным и государственным системам. Катализатором Гражданской войны в России стало вмешательство внешних сил, заинтересованных в возвращении своей собственности, национализированной В. И. Лениным. Однако не восстание Чехословацкого корпуса привело к Гражданской войне, а внутренний раскол, зревший очень долгое время.

Продолжая тему влияния идейного начала на исторический процесс, заметим, что большевики продолжали использовать мотив социальной справедливости и далее. Созданный в 1919 г. Коминтерн и лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», стали мощнейшими инструментами давления на Запад. Пока западные страны не представляли единой политической и экономической системы, они были

уязвимы перед коммунистической идеологией. Под страхом социальных потрясений западным капиталистам необходимо было идти на уступки своим трудящимся, действовать в рамках прогрессивной мотивации.

Однако к 1945 г. Запад стал единым. Если ранее Великобритания эксплуатировала население своих колоний, не пуская конкурентов, а Франция – своих, то после 1945 г. США создают единую систему, в которой, согласно Атлантической хартии, все западные промышленные страны имеют равный доступ к рынкам и источникам сырья. Причем в этой системе Нового мирового порядка нашлось место даже потерпевшим поражение во Второй мировой войне Германии и Японии, поскольку формально все участники мирового рынка должны иметь равные права. В реальности формируется пирамида, наподобие римской многоуровневой системы гражданства, где США занимают лидирующие позиции, так как экономика этой страны не разрушена войной, американская армия оккупирует многие районы мира, а американская валюта признана мировой.

Таким образом, коллективный Запад, эксплуатируя население стран Третьего мира, сумел обеспечить собственному населению реализацию прогрессивной мотивации, обеспечить необходимый уровень материальных благ, который повышался, и тем самым, выдержать атаку большевиков. Более того, Запад перешел в наступление, провоцируя в Советском Союзе ускорение мотивационных ожиданий. Можно отметить и деятельность некоторых советских политиков, обещавших «догнать и перегнать Америку», построить коммунизм при жизни «нынешнего поколения советских людей». Н. С. Хрущев, не имея возможности обеспечить «американский» уровень жизни в стране, тем не менее, «разгонял» мотивационные процессы. И вот этот разрыв между действительностью и мотивационными ожиданиями станет, в конце концов, причиной «второй геополитической катастрофы, постигшей Россию за XX век».

Подводя итог нашим наблюдениям, следует отметить, что не только материальный фактор определял развитие человечества, но и различные идеи, которые формируют мотивационную сферу жизни людей и больших социальных групп. Социальные конфликты были вызваны не только материальными противоречиями, но и мотивационными вызовами, на которые не успевало ответить государство, либо формированием в одном обществе под влиянием различных идей (идеологий) разных типов мотивации. Когда мы вспоминаем фразу известного теоретика: «Бытие определяет сознание», следует помнить, что и сознание определяет бытие, подобно тому, как электрический ток и магнитное поле – неразделимые понятия в физике.

Как распределяются материальные ресурсы, зависит от социальной системы, которая, в свою очередь, состоит из людей. Поведение же людей, составляющих социальную систему, регулируется мотивацией, поэтому при исследовании социального конфликта как звена исторического процесса важно рассматривать все факторы ее формирования: и материальные, и духовные (идейные), помня, что мерилом выступает в конце концов человек, а не абстрактная материя.

Литература и источники

1. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.
2. История России с древнейших времен до конца XVII века / Вдовина Л. И., Козлова Н. В., Флоря Б. Н.; под ред. Милова Л. В. М.: Эксмо, 2007. 768 с.
3. История России XVIII – XIX веков / Милов Л. В., Цимбаев Н. И.; под ред. Милова Л. В. М.: Эксмо, 2006. 784 с.
4. История России XX – начала XXI века / Барсенков А. С., Вдовин А. И., Воронкова С. В.; под ред. Милова Л. В. М.: Эксмо, 2006. 960 с.
5. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007. 672 с.
6. Маркс К. Немецкая идеология. Любое издание.
7. Маркс К. Манифест Коммунистической партии. Любое издание.
8. Маркс К. К критике политической экономии. Любое издание.
9. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Любое издание.
10. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2003. 352 с.
11. Медведев А. А. Разрушение православной мотивации как условие революции в русском обществе // Революция и бунт в российской истории. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 20–21 марта 2017 г. М.: МПГУ, 2017. 286 с.
12. Минков Е. Г. Мотивация: структура и функционирование. Дубна: Феникс+, 2007. 416 с.
13. Новая история стран Европы и Америки XVI – XIX века. В 3 ч. Ч. 2: учебник для студентов вузов / Родригес А. М. и др.; под ред. Родригеса А. М., Пономарева М. В. М.: ВЛАДОС, 2006. 621с.
14. Новая история стран Европы и Америки XVI – XIX века. В 3 ч. Ч. 3: учебник для студентов вузов / Родригес А. М. и др.; под ред. Родригеса А. М. Пономарева М. В. М.: ВЛАДОС, 2008. 703с.
15. Свенцицкий А. Л. Социальная психология: учебник. М.: Проспект, 2009. 336 с.
16. Семечкин Н. И. Психология социальных групп: учебное пособие. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2011. 287 с.
17. Семенов Ю. И., Гобозов И. А., Гринин Л. Е. Философия истории: проблемы и перспективы. М.: КомКнига, 2007. 272 с.
18. Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория исторического процесса. М.: Академический Проект; Трикста, 2013. 615 с.
19. Уткин А. И. Россия и Запад: история цивилизаций. М.: Гардарики, 2000. 574 с.

20. Философия истории / под ред. Панарина А. С. М.: Гардарики, 1999. 432 с.
21. Хьюлл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 2008. 607 с.
22. Шкуратов В. А. Историческая психология. Ростов н/Д.: Город Н, 1994. 288 с.
23. Экономическая история мира / под общ. ред. Конотопова М. В. В 6 т. Т. 2. М.: КНОРУС, 2008. 528 с.
24. Экономическая история мира / под общ. ред. Конотопова М. В. В 6 т. Т. 3. М.: КНОРУС, 2008. 512 с.
25. Экономическая история мира / под общ. ред. Конотопова М. В. В 6 т. Т. 4. М.: КНОРУС, 2008. 384 с.

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСТОЧНИКАХ,
ИСТОРИОГРАФИИ, УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
И КУЛЬТУРЕ**
**CIVIL WAR IN SOURCES, HISTORIOGRAPHY,
TEXTBOOKS AND CULTURE**

Куренышева Е. П.

**Письма красноармейцев и их родных как источник истории
Гражданской войны**

Аннотация. В статье исследуется частная переписка красноармейцев и их родных, относящаяся к 1919 г. Авторы писем обмениваются впечатлениями от событий, происходящих в основных губерниях России как на фронтах, так и в городской и деревенской жизни в условиях Гражданской войны. В переписке затрагиваются ключевые аспекты истории гражданской войны. Ярко представлена оценка событий их рядовыми участниками. Анализ писем не только способствует раскрытию глубины и масштаба социального конфликта, но также вносит вклад в объективную картину данного исторического периода. В результате исследования выстраивается некая целостная концепция, позволяющая увидеть, как из столкновения различных интересов и оценок стал складываться исторический итог гражданской войны.

Ключевые слова: переписка; красноармеец; Гражданская война; социальные ожидания; новая власть; картина жизни; исследование.

Kurenysheva E. P.

**Letters of Red Army Soldiers and Their Relations as Source on
History of Civil War**

Abstract. The article examines the private correspondence of the red army soldiers and their relatives, which dates back to 1919. The authors of the letters exchange their impressions of the events taking place in the main provinces of Russia both on the fronts and in the urban and rural life in the conditions of the civil war. The correspondence touches upon key aspects of the history of the civil war. Clearly presented assessment of the situation of their rank-and-file members. The analysis of letters not only helps to reveal the depth and scale of social conflict, but also contributes to the objective picture of this historical period. As a result of the study, a certain holistic concept is built, which allows to see how the historical outcome of the civil war began to emerge from the collision of different interests and assessments.

Key words: correspondence; red army soldier; civil war; social expectations; new power; life picture; research.

В данной публикации анализируется частная переписка красноармейцев с их родными и близкими – переписка, которая велась в

1919 г. в разгар Гражданской войны [3]. Выдержки из писем сохранились благодаря военной цензуре – институту, который уже действовал в условиях советской власти. Военно-цензурные отделы обрабатывали всю корреспонденцию, поступающую в Красную армию и из нее. Цензоры составляли сводки из выписок с целью отслеживания настроений в красноармейских частях и тылу.

В переписке затронуты буквально все темы, позволяющие раскрыть историю Гражданской войны. Авторы писем, переписываясь со своими родными и близкими, прямо, ясно и образно выражают свое отношение к событиям, оценивают действия исторических персонажей, формулируют свое видение происходящего.

Одной из главных тем писем является тема повседневной жизни красноармейцев, их социальных ожиданий. Одни знают, за что борются и что их ожидает впереди [3, с. 206–207], другие откровенно планируют «удрать куда-нибудь подальше, вроде зеленой армии» [3, с. 245]. Солдаты выясняют, кому сколько хлеба выделяется, сравнивают условия военного быта красноармейцев и Белых войск. В одном из писем сообщается о братании с неприятелем, взаимообмене хлебом и табаком [3, с. 244].

В ответных письмах из дома красноармейцы получают информацию о повседневной жизни в родных местах. Письма дают картину разнообразных явлений повседневной жизни сел и городов эпохи Гражданской войны. Авторы писем из Твери, Костромской губернии, Рязани сообщают о приостановке работы фабрик, о мобилизации рабочих в Красную армию по разнарядке – «вперед (т. е. раньше. – Е. К.) брали 10%, а теперь хотят 50%» [3, с. 212, 213].

Картина сельской и провинциальной городской жизни в описаниях авторов писем нерадостная. Повсеместны факты голода и болезней [3, с. 216–219]. Недобрый словом упоминаются в письмах действия отрядов, изымающих у крестьян хлеб, собирающих чрезвычайные налоги и применяющих насилие [3, с. 213–215]. Всеобщее недовольство у крестьян вызывает конфискация хлеба, продуктов, золота, серебра, мануфактуры у семей ушедших на Гражданскую войну красноармейцев [3, с. 215]. «Выдают (власти. – Е. П.) удостоверения семьям красноармейцев и хуже обдирают, никакого оправдания нет», – пишет один из сельчан Владимирской губернии [3, с. 215]. Другой автор, сам участвующий в реквизициях, отмечает, что «крестьяне – контрреволюционеры», «у всех... какая-то против нас злоба» [3, с. 214]. Один из авторов из Витебска заключает: «В общей сложности вся жизненная обстановка последнего времени сделала резкую перемену среди крестьянства по отношению к советской власти» [3, с. 213].

Особенно много сообщений в письмах связано с попытками на местах уклониться от службы в Красной армии, с дезертирством. Тема дезертирства является в письмах буквально всеобщей. Авторы писем сообщают о том, что население с пониманием относится к нежеланию служить в Красной армии. В то же время недовольство людей связано с появлением «зеленых банд» из числа дезертиров, с участвовавшими в грабежами «шаек разбойников» [3, с. 221]. Особая тема – действия повстанцев из числа дезертиров и крестьян. Повстанцы выдвигают лозунги созыва Учредительного собрания, «расклеивают прокламации», стремятся сорганизоваться, выбирают руководителей отрядов [3, с. 223–228]. В письмах сообщается о десятках различных стычек «зеленых отрядов» с красноармейцами, причем все они заканчиваются не в пользу «зеленовцев» [Там же].

Письма отражают социальные ожидания населения. Одни посылают проклятия большевикам, ждут Колчака «как Бога», «ждут Деникина», верить не хотят, «что советская власть тверда» [1, с. 233–234]. В письмах складывается негативный коллективный образ коммунистов: имеют «шкурные интересы», «спекулянты», «уклоняются от мобилизации в Красную Армию», «ходят пьяные», «напоминают николаевских жандармов», «самогонщики», «любят подарки, золото, драгоценности» [3, с. 228–233].

Другие, ставшие свидетелями зверств белых на занятой ими территории, проклинают как Колчака («хищного зверя»), так и деникинские банды [3, с. 237]. Письма содержат описания леденящих кровь преступлений белых: расстреливают женщин и детей; жен красноармейцев закапывают живьем; закалывают штыками крестьян; вешают; избивают розгами матерей красноармейцев; стегают плетью; грабят; берут громадные налоги [3, с. 234–235].

Отдельный объект, описаний в письмах, – казаки. Один из авторов из Самарской губернии посвящает несколько строк описанию «казацкой плети, которая никого не щадит – ни старого, ни малого». «Все плохо, – резюмирует он, – а хуже нет казацкой плети» [3, с. 236]. Другие авторы (из Воронежа и Саратовской губернии) сообщают об уводе казаками лучших лошадей, о бегстве от казаков целых селений с «табунами скота» [3, с. 237].

Сравнивая белых с красными авторы писем находят у последних даже положительные черты: красные скот не резали, штыками не кололи, глаза не выкалывали, кресты на груди не вырезали, плетью и нагайками не запарывали.

В условиях всеобщего беспорядка не прекращаются поиски виновных в бедах народа. Источник народного бедствия

обнаруживается в почти всеобщем антисемитизме. Еврейские погромы – почти будничное явление в годы Гражданской войны. О погромах сообщают из Саратовской, Подольской, Гомельской, Курской губерний. Один из авторов (Киев) с горечью констатирует: «Кажется, что во всей Украине нет ни одного уголка, где земля не пропитана еврейской кровью» [3, с. 241]. «Жидов» бьют зеленоармейцы, белые, атаманы [3, с. 240–242]. Другие враги народа, упомянутые в письмах, – это китайцы, «буржуазная сволочь», «буржуйчики», кулаки [3, с. 205, 240].

Письма красноармейцев, их родных и близких позволяют воссоздать многоплановый образ Гражданской войны. Страна находится на развилке между уходящим прошлым и неясным будущим. Сложно самоопределиться в этих условиях. Одни сделали свой выбор, другие потеряли перспективу. Новая власть ведет к разрыву с традициями. Она порывает с церковной православной традицией. В письмах сообщается о фактах описания коммунистами церковного имущества, обысках монахов, штрафах священников за проведение крестных ходов, похоронах большевиков без отпеваний [3, с. 211]. Авторитет новой власти подрывает ее неспособность немедленно преодолеть голод и болезни. Так, в ответ на заявление Председателя ЦИК М. И. Калинина о том, что «через два месяца мы все будем сыты», рабочие Брянского завода стали вытравливать его с трибуны [3, с. 212].

Негативно сказываются на образе советской власти проводимые рабочими отрядами в селах реквизиции, наложение контрибуций и взыскание налогов с отдельных сел. Новая власть в силу отсутствия опыта управления государством совершает действия, ведущие к ее дискредитации в глазах населения. Красноармейцы сообщают об отсутствии матрасов, одеял, простыней, обуви, плохом питании солдат («выдают 1 фунт хлеба... наполовину с соломой» [3, с. 245]).

Постепенно приходит осознание пагубности войны как таковой. «Все равно какая будет власть, – пишет один из авторов писем из Полтавской губернии, – лишь бы скорее установился порядок» [3, с. 247]. Таким образом, выбор в пользу советской власти был сделан далеко не сразу. В письмах создается малопривлекательный образ коммуниста, уклоняющегося от службы на фронте, кушающего «белый хлеб с маслом и ветчиной» на фоне всеобщего голода, – образ грабителя и самогонщика [3, с. 230–231].

Тем не менее, в условиях усугубляющегося беспорядка взоры авторов многих писем устремлены не в сторону белогвардейцев, стегающих людей нагайками, а в сторону советской власти, борющейся за права трудового народа. «Были под властью Колчака, но собственно

не советую никому думать, что у контрреволюционеров хорошо быть. Нет лучше советской власти. Хоть у вас голодно, но никто в этом не виноват, ведь ходит военная разруха», – резюмирует автор письма из Перми [3, с. 206].

Авторы писем сообщают о явлениях новой жизни: открываются кинотеатры, клубы, детские сады. В Орловской губернии переименовали все учебные заведения в трудовые школы [3, с. 209]. Из Могилева пишут об организации субботников, участии в армиях труда [Там же]. В Костромской губернии жизнь кипит «только в пролетклубе», открываются всевозможные секции и курсы [3, с. 210]. Молодежь стремится «ко всему новому»: поступить на курсы, в гимназии, университеты, побывать на спектаклях с революционными песнями, поучаствовать в политической работе [Там же]. Становление новой жизни идет непросто. Авторы писем отмечают противоречия между планами и декларациями советской власти, с одной стороны, и реальным положением вещей на местах, с другой стороны. Так, провозглашенная советской властью модель трудовой школы без энтузиазма встречена учительским персоналом – «педагоги не подготовлены к этому нововведению» [3, с. 209]. В результате «дети с января бьют баклушки», – сообщается из Орловской губернии [Там же].

Планы советской власти в основном непонятны большей части населения. Хорошо, если встречаются такие комиссары, которые неграмотных собирают вокруг себя и читают или рассказывают «о значении коммунистического хозяйства» [3, с. 208]. «За такого комиссара мы очень благодарим советскую власть и вождей революции», – пишут из Курской губернии. Другие же комиссары говорить «с мужиками не хотели» [Там же]. Есть и такие, которые использовали новую власть в целях своего личного обогащения. Автор одного из писем (девушка из Петрограда) пишет о комиссаре, который «занимает буржуазную квартиру», обещает ее одеть «как картинку», «катает... на автомобиле», сделал себе и ей «на заказ обручальные кольца, толстые, массивные» [3, с. 231].

Из писем можно сделать вывод, что большевистская партия стремится на местах очиститься от недостойных людей. О проверках и чистках сообщают из Московской, Самарской, Тверской, Нижегородской, Ярославской, Архангельской, Курской губерний [3, с. 228–233]. Авторы писем восхищаются неутомимой деятельностью Троцкого, который «лично взялся» за дело борьбы с подлецом Деникиным [3, с. 206], в Рязани посетил Дашковские казармы, «говорил речи и очень поднял дух» дезертиров, которые «кричали ему „ура“» [3, с. 213]. Восторженно отзываются о Луначарском, устраивающем

митинги и лекции. «Человек, который против советской власти, невольно станет коммунистом, послушав Луначарского», – заключает автор письма из Смоленска [3, с. 210].

Таким образом, письма отражают переломный момент в российской истории. Они показывают, что в период Гражданской войны происходит столкновение различных ценностей. С одной стороны, православная, закостеневшая, монархическая, черносотенная, косная, спешащая заполучить новые чины и пробиться во власть, и не желающая менять ориентиры часть российского общества. С другой стороны, молодые люди, стремящиеся к новой жизни, к обретению знаний и всему, чего они были лишены в дореволюционной России. Перед ними открываются перспективы строительства нового общества, неведомого им социализма. Они готовы с открытой душой строить новую жизнь своими руками.

Письма красноармейцев и их родных как исторический источник позволяют представить картину Гражданской войны в виде некоей целостной концепции. Эта концепция выстраивается вокруг конфликта между различными социальными и политическими силами, борющимися за власть внутри страны. При этом превалировавшая в «Кратком курсе истории ВКП(б)» идея трех походов Антанты как главного фактора Гражданской войны становится все менее обоснованной. Центр тяжести конфликта, как показывают письма красноармейцев и их родных, находился именно внутри страны, а не вне ее. На фоне тяжелого экономического и социального кризиса, вызванного как Первой мировой войной, так и нестабильностью политической системы в стране шел поиск оптимальной конфигурации власти, которая позволила бы сохранить российскую государственность. Как пишет А. Л. Литвин, «основной недостаток схемы (трех походов Антанты. – Е. К.) заключался в том, что из Гражданской войны как бы исключались события 1917–1918 гг., интервенция германского блока, недооценивалось для судеб революции значение боевых действий на Восточном фронте летом и осенью 1918 г., субъективистски рассматривался вопрос о разгроме армии Деникина» [1, с. 55].

Ряд тем, поднятых в письмах, недостаточно исследован, не включен в общую картину Гражданской войны. Это в частности тема дезертирства и уклонения от мобилизации в армию, почти не представленная в советской историографии. Письма с фронтов и с мест подтверждают заключение Т. В. Осиповой о том, что дезертирство и уклонение от мобилизации в армию являлись проявлением социальной оппозиции власти, формой крестьянского сопротивления расширяющейся системе «военного коммунизма» [2, с. 3,322]. Еще

менее изученными являются темы, связанные с антисемитскими, шовинистическими и националистическими настроениями авторов ряда писем. Каковы причины таких настроений? Каково значение данного фактора Гражданской войны? Эти вопросы в советской историографии не поднимались и требуют объективного исследования.

Таким образом, письма красноармейцев и их родных являются важнейшим источником по истории Гражданской войны. Знакомство с ними не только позволяет эмоционально пережить события столетней давности, но и выводит на обобщения, максимально приближающие к объективной оценке Гражданской войны.

Литература и источники

1. Историки спорят. 13 бесед / под общ. ред. Лельчука В. С. М.: Политиздат, 1988.
2. Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М: Стрелец, 2001.
3. Частные письма эпохи гражданской войны. По материалам военной цензуры (Публикация И. Давидян и В. Козлова) // Неизвестная Россия. ХХ век. Кн. 2. М.: Историческое наследие, 1992. С. 200-250.

Талина Г. В.
Пожилов Д. М.

Научная и учебная историческая литература о причинах гибели царской семьи

Аннотация. Статья рассматривает противоречивые оценки, сложившиеся в отечественной историографии, по вопросам роли монархистов в попытках освобождения Николая II, действий левых эсеров и анархистов, позиции большевиков и В. Ленина в расстреле царской семьи; показывает трансформации мнений историков в постсоветский период. Особое внимание уделяется трактовке причин гибели царской семьи в школьных учебниках, связи данного концепта с иными проблемами эпохи революции и Гражданской войны.

Ключевые слова: революция, Гражданская война, гибель императорской фамилии, большевики, левые эсеры, анархисты, монархисты, «красный террор», «белый террор».

Talina G. V.
Pozilov D. M.

The Reasons of Tsar's Family Murder as Reflected in Scientific and Academic Historical Literature

Abstract. The article considers controversial assessments which has been developed in Russian historiography, concerning the role of monarchists in attempts to

liberate Nicholas II, the actions of Left SR and anarchists, the positions of Bolsheviks and Lenin in the Tsarist's family shooting; examines the transformation of historians' opinions in Post-Soviet period. The special attention has been paid to the interpretation of Tsar's family death in school textbooks, to the correlation of this concept with other problems of the Revolution and the Civil War epoch.

Key words: revolution, civil war, the Tsar' family murder, Bolsheviks, Left SR, anarchists, monarchists, red and white terror.

Расстрел последнего российского императора Николая II, его супруги, пятерых детей, четырех лиц ближайшего окружения царской фамилии (в период после ареста) был осуществлен в доме Ипатьева в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

Ранее, в ночь с 11 на 12 июня, под Пермью убит великий князь Михаил Александрович и его секретарь.

На следующий день после убийства семьи Николая II, 18 июля в Алапаевске застрелен при попытке сопротивления великий князь Сергей Михайлович. Сброшены живьем в шахту, умерли немного позднее от недостатка воздуха великая княгиня, инокиня Елизавета Федоровна, князья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи, князь Владимир Павлович Палей, келейница Елизаветы Федоровны монахиня Варвара Яковleva. В эти же дни на Урале убиты друзья и слуги, остававшиеся верными царскому дому.

В ночь на 27 января 1919 г. в Петропавловской крепости Петрограда убиты великие князья Георгий Михайлович, Дмитрий Константинович, Николай Михайлович, Павел Александрович. В те же дни в Ташкенте убит великий князь Николай Константинович.

Расследование дела происходило дважды. После входа Белой армии в Екатеринбург расследование вели сначала следователь по важнейшим делам А. П. Наметкин, затем член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев, с 1919 г. (при Колчаке) следователь по особо важным делам Омского окружного суда Н. А. Соколов. В 1993 г. Генеральный прокурор РФ вновь возбудил уголовное дело в связи с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи [10; 12].

В 1981 г. царская семья была канонизирована Русской православной церковью за рубежом, а в 2000 г. – Русской православной церковью.

Останки девяти из одиннадцати убитых в доме Ипатьева были обнаружены в 1980-е гг. и с воинскими почестями преданы земле по указу Б. Н. Ельцина, похоронены прошли в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. В 2007 г. обнаружены останки юноши и девушки,

имеющие родственное отношение к Романовым, предположительно это цесаревич Алексей и великая княжна Мария.

В Послании Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода РПЦ к 75-летию убийства императора и его семьи говорилось: «Грех цареубийства, произшедшего при равнодушии граждан России, народом нашим нераскаян. Будучи преступлением и Божеского и человеческого закона, этот грех лежит тяжелейшим грузом на душе народа, на его нравственном самосознании» [11].

Тема имеет широкую и крайне разнообразную историографию. Подробно реконструирована жизнь императорской фамилии после ареста, восстановлены списки «расстрельной команды», действия всех ее участников, изучено эпистолярное «наследие» участников расстрела, обращается внимание на такие детали, как оружие, примененное в Ипатьевском доме. Вызвали полемику даже знаки, написанные на стенах Дома особого назначения, представив то в виде «индийского знака», начертанного императрицей, то свастики, то кабалистических символов – свидетелей ритуального убийства.

Одновременно с этим за последние 30 лет произошел переход от концепции советской историографии к концепциям постсоветским. Постсоветский период был связан с подробным изучением и использованием в качестве базового материала книг эмигрантов. Среди них работы Н. А. Соколова и М. К. Дитерихса с практически одинаковым названием «Убийство царской семьи» [12].

Отдавая себе отчет в том, что задача настоящей статьи состоит не только в освещении историографии вопроса, но и его отражении в школьных и вузовских учебниках, мы не можем не учесть целого ряда факторов.

Знакомство современного ребенка с проблемой гибели царской фамилии начинается в очень раннем возрасте: возросшее внимания к православной культуре и к ее преподаванию изначально знакомит человека с иконой «Святые царственные страстотерпцы» и гораздо позднее с фактической стороной вопроса.

Работы разных направлений историографии, советская и постсоветская традиции одновременно сохранены Интернетом. Даже повзрослев, школьник, а затем студент сталкиваются с диаметрально противоположными ответами на, пожалуй, главный вопрос проблемы – почему была убита практически вся царская семья?

Поставим перед собой две основные задачи:

– сравнить наиболее полярные точки зрения на причины убийства царской семьи, интересы политических сил страны (большевиков,

эсеров и анархистов, монархистов) в отношении Дома Романовых, (Историографические обзоры как традиционной, так и нетрадиционной литературы по теме давно сделаны и хорошо известны);

– сравнить материал школьных и вузовских учебников о расстреле Романовых, способы подачи информации разными авторами, отражение тех или иных направлений историографии в учебной литературе.

Решая первую задачу, обратимся к монографиям Г. З. Иоффе «Революция и семья Романовых» [4] и Ю. А. Жука «Вопросительные знаки в царском деле» [2]. Генрих Зиновьевич Иоффе – ученик академика И. И. Минца; в 1968–1995 гг. – старший научный сотрудник Института Российской истории РАН, с 1995 г. живет в Монреале (Канада). Монография во многом отразила концепты, сложившиеся в советской историографии, переиздавалась неоднократно (1987, 2012 и пр.). Юрий Александрович Жук – эксперт-криминалист, вступающий в полемику с рядом авторов прошлого и современности, пишущих по проблеме. (Анализируя его позицию, мы обращаемся к изданию 2013 г.)

В чем же расходятся мнения двух авторов?

Оценка попыток монархистов освободить Романовых

Иоффе. Заключение Романовых в «дом особого назначения» нанес удар по тобольской монархической сети и замыслам монархистов на освобождение царской семьи. Что-либо предпринять было просто невозможно. «Освободители» кроме этого и ничего не предпринимали. Автор отрицает серьезность утверждений о возможном участии в освободительной операции по приказу генералов Алексеева и Деникина силами бывшего личного конвоя генерала Корнилова Текинского полка. Они не могли, рассеявшись по Уралу, готовиться к штурму, поскольку Корнилов покинул полк в начале декабря, полк смог добраться только до Киева, а после его занятия советскими войсками был фактически рассредоточен. «Заговор Каппеля» столь же нереален: летом 1918 г. полковник Каппель командовал отрядом комучевской «Народной армии», которая действовала в Сызрани, Симбирске, Казани, что-либо предпринимать в Екатеринбурге из-за большого расстояния было невозможно. Еще об одной попытке освобождения царской семьи рассказывал в эмиграции гвардейский офицер капитан П. Булыгин. Рассказ связал попытку с В. В. Шульгиным, который вывел Булыгина на руководителей «Правого центра» в Москве Кривошеина и Гурко. План так и остался в умах его творцов, желавших под видом мешочников перебросить группу офицеров в Котельнич, напасть на дом, где жили Романовы, и на заранее подготовленных катерах доставить фамилию к Архангельску.

С других позиций автор рассматривает события июня 1918 г., когда фронт приближался к Екатеринбургу. О том, что Романовы готовились к освобождению и бегству, свидетельствовала переписка между ними и неким «офицером», тайным путем проникавшая за стены Ипатьевского особняка, Николай сообщал план дома и режим охраны, в одном из укромных мест особняка было обнаружено несколько гранат.

Жук. Центр антибольшевистских сил на Урале – Челябинск, от Екатеринбурга без остановок – три-четыре часа. Кто мог помешать захватить столицу «Красного Урала» и освободить царскую семью, когда белые представлены опытными солдатами, казаками и офицерами, красные – несколькими сотнями красногвардейцев, батальоном Уральского областного комитета РКП(б) и «Летучим отрядом» ОЧК? Белые вошли в Екатеринбург через 2 месяца после Челябинска, до этого действовали к югу, западу, востоку от Челябинска. К концу июля столица «Красного Урала» была окружена со всех сторон, но железная дорога на Кузино, Кунгур и Пермь была свободна для отступления. Согласно автору, с одной стороны, белые фактически предоставили красным самим решать судьбу царской фамилии. С другой стороны, кто мог спасать Романовых, если летом 1918 г. (пока в ноябре власть не взял Колчак) в Поволжье и Сибири у власти находился КОМУЧ (главная штаб-квартира – в Самаре, а филиал – в Омске). Главенствующую роль здесь играли меньшевики и эсеры – партии, оппозиционные самодержавию.

Что касается «планов побега» и «писем офицера», Жук подробно характеризует переписку. Первое письмо написано не позднее 20 июня 1918 г., сообщает о восставшем Чехословацком корпусе, просит Романовых нарисовать для «офицера» план занимаемых ими комнат. Романовы ответили (неуверенный почерк – скорее всего, наследника, писал под диктовку матери). Второе письмо (не ранее 25 июня 1918 г.) содержало заверения в том, что планируемое похищение Романовых – дело верное. Ответ, скорее всего, написан одной из дочерей Николая под его диктовку. Письмо дает сведения о пулеметных постах, карауле, его вооружении, системе сигнализации и пр. В третьем письме (не ранее 26 июня 1918 г.) «офицер» сообщал, что детальный план побега Романовы получат до 30 июня. В ответе (скорее написанным Александрой Федоровной, нежели Николаем) говорилось, что Романовы могут быть похищены только силой, не следует рассчитывать на какую-либо активную помощь с их стороны. Четвертое письмо уже относится к 4 июля 1918 г. (коменданта А. Д. Авдеева сменил Я. М. Юровский). В ответе сообщалось, что наблюдение за царской семьей постоянно увеличивается.

Вывод автора, как и большинства современных исследователей, не подтверждает планы монархистов освободить царскую фамилию. Уральские чекисты, будучи не допущенными к планам Центра, разрабатывали собственный план ликвидации Романовых. Письма офицера («подметные письма») – плод их деятельности. Ответ на третье письмо показал, что склонить царскую фамилию на побег не получится. Письма остались и позднее были использованы центральной властью в качестве подтверждения «монархического заговора».

Оценка действий левых эсеров и анархистов

Иоффе. В период ухудшения положения на Восточном фронте усилились требования немедленного расстрела Николая на рабочих собраниях и митингах. Летом 1918 г. влияние левых эсеров Уралоблсовете возросло, они пытались использовать настроения в своих целях, обвиняли большевиков в непоследовательности («сохранении» Романовых в угоду империализму). «Боевики» левых эсеров и анархистов пытались организовать нападение на дом Ипатьева и ликвидировать Романовых. По мнению автора, Уралоблсовет летом 1918 г. проявлял сепаратистские тенденции, создав в начале 1918 г. по типу Совета народных комиссаров свой «областной Совет народных комиссаров», в какой-то мере претендовавший на роль некоего «уральского правительства».

Анархический след автор усматривает и в «деле» великого князя Михаила Александровича. (Для монархистов и белогвардейцев, особенно ориентирующихся на Антанту, он рассматривался как первый претендент на престол в случае реставрации монархии, с одной стороны, не связанный с Распутиным, с другой – поддающийся влиянию более сильных личностей, «управляемый» в случае прихода к власти.) В марте 1918 г. был выслан из Гатчины в Пермь с личным секретарем Н. Джонсоном, свободно проживал в гостинице «Королевские номера». 12 июня в «Королевские номера» явились трое неизвестных и предъявили «комиссару гостиницы» ордер на выдачу Михаила Александровича и Джонсона. По мнению автора, ЧК такого ордера не выдавал; Михаил стал жертвой группы анархически настроенных рабочих, руководимых председателем Мотовилихинского совета Г. Мясниковым (позднее один из активных участников анархосиндикалистской «рабочей оппозиции»).

Жук. Вопрос о роли «уральцев» в трактовке Жука выглядит следующим образом. В исполкоме Президиума Уральского облсовета преобладали эсеры и левые коммунисты – противника Брестского мира,

опасавшиеся, что центральная власть передаст ряд членов царской фамилии Германии.

Что касается судьбы проживавшего в Перми великого князя Михаила Александровича, согласно автору, был убит (до уничтожения основной царской семьи) по инициативе группы местных большевиков, возглавляемых Г. И. Мясниковым (здесь уже не «анархисты», а «большевики»).

Оценка позиции В. Ленина и большевиков

Иоффе. Большевики оказались между «двух огней», но последовательно вели линию революционной законности. Казнь Романовых, превращение их в мучеников – игра на руку антисоветской пропаганды за рубежом и монархического лагеря. Вопрос о крайней мере могла поставить только жестокая необходимость. С января 1918 г. обсуждали возможность открытого суда над бывшим царем. В апреле (Романовы находились тогда в Тобольске) Президиум ВЦИК обсуждал вопрос о перевозе Романовых в Москву. В начале мая (Романовы в Екатеринбург) Президиум ВЦИК готовился вынести этот вопрос на обсуждение V съезда Советов, чему помешал левоэсеровский мятеж.

Положения на Чехословацком фронте во второй половине июля было, по словам Ленина, «из рук вон плохо». Эвакуация Романовых – риск захвата их какой-либо повстанческой кулацкой бандой, отрядом офицеров-монархистов или ударными частями белочехов и белогвардейцев. Перед угрозой захвата Екатеринбурга исполком Уралоблсовета принял постановление о расстреле Романовых (подписано членами Президиума исполкома А. Белобородовым, Ф. Голощекиным, Н. Толмачевым, Б. Дидковским). Исполнение постановления поручено коменданту «дома особого назначения» Я. Юровскому, его помощнику Г. Никулину и группе уральских чекистов. Согласно трактовке автора, только днем 17 июля в 12 часов члены Президиума исполкома Уралоблсовета связались с Москвой, их телеграмму прочитал Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов. В телеграмме сообщалось, что Николай Романов расстрелян, а его семья эвакуирована в надежное место. О расстреле семьи бывшего царя в Москве стало известно только поздно вечером 17 июля. 18 июля на заседании Президиума ВЦИК решение Уралоблсовета о расстреле Николая II признали правильным.

Согласно автору, «московская директива» на расстрел царской семьи – плод маниакальной одержимости Н. Соколова, его «идея фикс» до конца жизни в эмиграции.

Жук. Исследователям неизвестны какие-либо документы, подтверждающие причастность В. И. Ленина к этому преступлению, но она не подлежит сомнению. Ленин всегда видел в самодержавии смертельного врага. В его кремлевском кабинете недаром висели портреты С. Г. Нечаева и С. Н. Халтурина, открыто призывающих не только к свержению самодержавия, но и к физическому уничтожению русских царей. Выражения Ленина в адрес отрекшегося царя – соревнование с радикальной прессой («полоумный Николай», «изверг-идиот Романов»).

Тема подготовки к открытию V съезда Советов, который должен был обсуждать вопрос суда над бывшим самодержцем и его дальнейшей судьбы, ставится автором в плоскость противоречий между Лениным и Троцким. Троцкий – сторонник показательного суда. Ленин – политик, понимающий, что при организации какого-либо суда над Романовыми можно будет добиться смертных приговоров в отношении государя и государыни, но не над царскими детьми. Согласно автору, Ленин издавна мечтал уничтожить весь дом Романовых. В этот план был посвящен очень узкий круг людей, во главе с Лениным и Свердловым. Помимо этого, автор высказывает мысль о том, что царская семья – главный козырь в политической игре Ленина с немцами, конечной целью которой было снижение размера контрибуции, оговоренной Брест-Литовскими соглашениями. Ленин стремился показать союзникам, что сотрудничает и с ними, обещая передать Романовых в их руки. Для успеха задуманного нужно было ограничить влияние Троцкого, которого командировали в Царицын «под присмотром» Сталина.

На V Всероссийском съезде Советов в качестве делегата присутствовал член ВЦИК, с декабря 1917 г. – член Екатеринбургского комитета РСДРП(б), непосредственно принимавший участие в организации казни царской семьи Ф. И. Голощекин. Останавливался на квартире Свердлова (давние знакомые). Скорее всего, именно Голощекин убедил Свердлова в том, что перевоз царской семьи в Москву может иметь самые непредсказуемые последствия, Свердлов наверняка советовался с Лениным. Убийство немецкого посла графа В. фон Мирбаха в дни левоэсеровского мятежа и вялая реакция на это Германии убедили большевиков, что Германия не представляет серьезную угрозу. Вскоре комендантом «Дома Особого Назначения» был назначен Я. М. Юровский. С арестованными Романовыми можно было больше не церемониться.

После возвращения Ф. И. Голощекина, учитывая и то, что сдача города неминуема, расширенный Президиум исполкома Уральского

облсовета принял решение о расстреле не только государя, но и его семьи. Я. М. Юровский сразу же запустил механизм подготовки к расстрелу.

Столь подробно останавливаться на казалось бы частном факте, учебники в силу жесткого лимита объема конечно же не могут. Между тем оценка расстрела царской фамилии в большинстве из них присутствует, либо же упоминается само событие, завязываясь в тесные причинно-следственные связи с другими явлениями и событиями эпохи.

Школьные учебники, появившиеся в 1990-е гг. более категоричны в трактовке расстрела, что и неудивительно. Начало постсоветской эпохи в большей мере было связано с критическим отношением к большевикам и их действиям.

Так в Учебнике «История России. XX век. 11 класс» В. П. Островского и А. И. Уткина (1995) [9] политика большевиков показана как сочетание идеологической утопии с жестоким pragmatizmom в борьбе за власть. В комплексе рассматривается, с одной стороны, Конституция 1918 г., с другой – убийство царской семьи. Они означают раздел между старой и новой Россией. В Конституции избирательных прав лишились все лица, «прибегающие к наемному труду», священнослужители и т. п., граждане не были равны в своих правах, ибо голос одного рабочего приравнивался к голосам пяти крестьян. Возникла новая правовая система советского типа, которая, видоизменяясь, просуществовала в стране до 21 сентября 1993 г. Уничтожением в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. императора Николай II, его семьи и преданных им слуг новая власть «окончательно отрезала себе пути к отступлению». Спорный историографический вопрос о роли и величине ответственности Ленина авторами решен со ссылкой на Троцкого, которому Ленин говорил, что это необходимо, чтобы преодолеть «дряблость» и боязнь крови среди членов партии большевиков. Карательная акция подводила черту под династией Романовых как претендентами на восстановление монархии в России.

Интересующий нас вопрос в школьных учебниках мог и вовсе не ставиться. Если рассмотреть учебник для 11 класса «История России XX – начало XXI века» Н. В. Загладина, С. И. Козленко, С. Т. Минакова, Ю. А. Петрова [3, с. 116–121], к 2007 г. выдержавших 5 переизданий, видна следующая концепция авторов. События с мая 1918 г. по март 1919 г. трактуются в первую очередь через политику военного коммунизма, вызванную тяжелым положением на фронтах. ВЧК проводила репрессивную политику по отношению к бывшим привилегированным сословиям, царским чиновникам и офицерам.

Советская власть создавала концлагеря, прибегла к политике «красного террора» после покушения на Ленина, но «белый террор» был масштабнее.

В учебнике для 11 класса А. А. Левандовского «История России. XX – начало XXI века» [8, с. 113] (2013) отмечено, что в конце февраля 1918 г. большевики восстановили смертную казнь, отмененную II съездом Советов, стремясь сцементировать тыл и парализовать политических противников. Что же касается факта расстрела царской семьи, то при его подаче применен прием «врезки» текста другого шрифта в основное авторское повествование. О самом событии говорится одной строкой. Для оценки события дана цитата из Троцкого: «Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтобы запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встяхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, впереди полная победа или полная гибель».

Достаточно распространенным в школьных учебниках является связь в одном пункте таких событий, как мятеж левых эсеров, «красный и белый террор», расстрел царской фамилии. Приведем характерный пример из учебника для 11 класса В. А. Шестакова «История России XX – начало XXI века» (профильный уровень, 5-е изд., 2012) [13, с. 120–121]. Учитывая, что последовательность изложения фактов в учебниках способствует формированию представлений о причинно-следственных связях между событиями, особо остановимся именно на композиции пункта. В первую очередь речь идет об убийстве 6 июля 1918 г. левыми эсерами германского посла В. Мирбаха и захвате отрядом Д. Попова председателя ВЧК Ф. Дзержинского, делается вывод о расценке большевиками этих действий как попытки левых эсеров захватить власть – причине их исключения из всех Советов. Во-вторых, рассказывается о декрете «О красном терроре» 5 сентября 1918 г. как ответе на покушение на В. Ленина, приводятся основные статистические данные по террору. И наконец, только после этого оказывается, что в Екатеринбурге отрядом чекистов был расстрелян бывший император и его семья.

Возможно, что автор выстраивает события от более значимых к менее значимым, но в истории они происходили в другой последовательности. Сначала с 16 на 17 июля были расстреляны Романовы, и только 5 сентября Совнарком принял декрет «О красном терроре».

Учебник для 11 класса А. Ф. Киселева, В. П. Попова «История России. XX – начало XXI века» (базовый уровень, 5-е изд., 2012) [7] в пункте «Эсеры против большевиков» показывает в четко выстроенной

хронологической последовательности сначала действия эсеровских правительств, затем большевиков. «Завинчивание гаек» большевиками в тылу – ответ на поражения на фронтах. Вывод о том, что в стране разворачивался террор авторами сделан сразу после констатации факта о восстановлении в феврале 1918 г. смертной казни. События убийства в Перми с 12 на 13 июня великого князя Михаила Александровича и убийства ночью 16 июня царской семьи в полной мере соответствуют логике процесса. О ранении Ленина 30 августа и расстреле Ф. Каплан авторы повествуют, что вполне естественно, после трагических событий с царской фамилией. Ответ большевиков характеризуется как переход к *массовому «красному террору»*. В данном учебнике (одном из немногих в настоящее время) отмечается: «Как полагают большинство историков, убийство царской семьи было санкционировано Москвой».

Если обратиться к учебникам, созданным в последние годы, например к учебнику для 10 класса «История России» под редакцией А. В. Торкунова [5, с. 64–65], вопрос о «красном и белом терроре» освещается достаточно основательно. Расстрел царской семьи позиционируется как проявление «красного террора». 5 сентября 1918 г. – дата *официального объявления* террора «красными». Не только параграфы, но и отдельные пункты учебника ближе к аналитическим статьям, нежели фактическому изложению материала. В силу этого хронологическая последовательность изложения фактов невозможна. Что же касается выводов авторов о причинах террора, характерного и для белых, и для красных, и для эсеровского Комуча, отметим следующее: 1) террор призван деморализовать противника, привлечь на свою сторону колеблющихся; 2) методы и формы террора в разных лагерях схожи: массовые казни, концлагеря, пытки, расстрелы заложников; 3) и та и другая сторона создают репрессивно-террористические органы: красные – ВЧК, ревтрибуналы; белые – контрразведку, военно-полевые суды.

Учебники для вузов, демонстрируя переход от подачи фактов (присущий ряду школьных учебников) к композиции аналитических материалов, к гибели императорской фамилии практически не обращаются. Вопрос «не вписывается» ни в характеристику ситуации на фронтах Гражданской войны, ни в анализ политики военного коммунизма, ни в такие проблемы, как Белое движение или национал-сепаратистские течения при распаде империи.

Единственный тип изданий, используемых в учебном процессе, но учебниками в прямом смысле не являющихся, – многотомные сборники «История России. XX век». Характерный пример – труд большого авторского коллектива, соединившего отечественных и зарубежных

историков, вышедший в 2009 г. в издательстве «Астрель» [6, с. 531–544]. В этой работе убийство царской семьи и членов династии – самостоятельный параграф.

Вопрос об убийстве династии рассматривается как цель большевиков, помнивших о реставрации Бурбонов во Франции, и опасавшихся аналогичного развития событий в России. Убийство великого князя Михаила Александровича – «генеральная репетиция цареубийства».

Политика Центра трактуется как намеренная и последовательная. Начиная с 19 мая (Протокол КЦ РКП(б)) появляются записи о необходимости переговорить с уральцами о дальнейшей судьбе Николая II. Это поручение дано Я. М. Свердлову. Приезд «самого влиятельного большевика Урала» И. И. Головощекина в Москву (конец июня 1918 г.)ставил одной из целей обсуждение убийства царя. Заседание Совнаркома 2 июля, скорее всего, приняло решение не только о национализации имущества семьи Романовых (это свершившийся факт), но и о судьбе царской фамилии. 4 июля комендантом Дома особого назначения стал Юровский; 7 июля последовало распоряжение Ленина об установлении прямой связи между Кремлем и председателем Уральского совета А. Белобородовым; 12 июля вернулся Головощекин с полномочиями привести смертный приговор в исполнение; 15 июля Юровский приступил к подготовке цареубийства; 16 июля принято официальное решение президиума Уралсовета «о ликвидации семьи Романовых»; в ночь на 17 июля этот приговор приведен в исполнение.

Авторы обращают внимание и еще на одну важную деталь. Германский император мог поставить условием заключения Брестского мира выдачу Германии своего двоюродного брата, но не пожелал этого сделать. Немцы знали бескомпромиссное отношение Николая II к этому договору. Уничтожение русского императора их устраивало столь же, сколько и большевиков. Все, чем ограничилась Германия, – официальный протест 19 июля и выражение озабоченности «судьбой немецких принцесс» – Александры Федоровны, Елизаветы Федоровны и их детей.

Убийство царской фамилии останется одной из самых драматичных страниц русской истории, всегда будет связано с вопросом о том, насколько государственный интерес может оправдать жестокость, проявляемую к женщинам и детям. Вопрос неудобный. И тот факт, что учебники все более и более уходят от попыток дать на него ответ, тому подтверждение. Однако уход от ответов вряд ли сочетаем с задачей формирования нравственного самосознания.

Литература и источники

1. *Дитерихс М. К.* Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. URL: <https://e-libra.ru/read/177798-ubiystvo-carskoy-sem-i-i-chlenov-domaromanovyh-na-urale.html> (дата обращения 15.04.2018).
2. *Жук Ю. А.* Вопросительные знаки в царском деле. СПб.: ArrayЛитагент «БХВ», 2013. URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/istoriya/98867-yurij-zhuk-voprositelnye-znaki-v-carskom-dele.html> (дата обращения 10.04.2018).
3. *Загладин Н. В. и др.* История России. XX – начало XXI в.: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. 5-е изд. М.: Русское слово, 2007. С. 116–121.
4. *Иоффе Г. З.* Революция и семья Романовых. М.: Литагент Алгоритм, 2012. URL: <https://libking.ru/books/sci-/science/586725-genrih-ioffe-revolyutsiya-i-semya-romanovyh.html> (дата обращения 10.04.2018).
5. История России. 10 класс: учебник для общеобразовательных организаций / под ред. А. В. Торкунова. В 3 ч. Ч. 1. М.: Просвещение, 2016. С. 64–65.
6. История России. XX век: 1894–1939. М.: Астрель; АСТ, 2009. С. 531–544.
7. *Киселев А. Ф., Попов В. П.* История России. XX – начало XXI века. 11 класс.: учебник. 5-е изд. М.: Дрофа, 2012. URL: <http://iknigi.net/avtor-vasiliy-popov/99806-istoriya-rossii-xx-nachalo-xxi-veka11-klass-bazovyy-uroven-vasiliy-popov/read/page-5.html> (дата обращения 20.04.2018).
8. *Левандовский А. А. и др.* История России. XX – начало XXI века. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений / под ред. С. П. Карпова. М., 2013. С. 113.
9. *Островский В. П., Уткин А. И.* История России. XX век. 11 кл.: учебник для общеобразовательных учебных заведений. М.: Дрофа, 1995. URL: <https://uchebniki-besplatno.com/istoriya-rossii/perehod-odnopartiynomu-gosudarstvu-51755.html> (дата обращения 20.04.2018).
10. Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского императора Николая II и членов его семьи. М., 1998.
11. Послания Патриарха Алексия II и синода РПЦ к 75- и 80-летию убийства Императора Николая II и Его Семьи. URL: http://samoderzhavnaya.ru/pages/poslania_patriarha_aleksia_o_pokaianii (дата обращения 15.10.2018).
12. *Соколов Н. А.* Убийство Царской семьи. URL: https://bookz.ru/authors/nikolai-sokolov/ubiistvo_921/1-ubiistvo_921.html (дата обращения 15.04.2018).
13. *Шестаков В. А.* История России. XX – начало XXI века. 11 класс.: учебник. 5-е изд. М.: Просвещение, 2012. С. 120–121.

Сарин Д. П.

Особенности изучения Гражданской войны в рамках школьной программы при переходе на линейную систему преподавания истории России

Аннотация. Статья посвящена современным проблемам изучения истории Гражданской войны в рамках школьного основного общего и среднего общего образования при переходе с концентрической на линейную систему преподавания истории России. Анализируется ситуация, складывающаяся в образовательных учреждениях г. Москвы при выборе образовательными учреждениями новых линеек учебников и обеспеченность ими школьных библиотек. Обращается внимание на синхронизацию в 2019 г. линейки учебников, изданных в соответствии с ФГОС и контрольно-измерительного материала основного государственного экзамена, со следующего учебного года КИМ по Гражданской войне исключаются из ОГЭ и будут применяться только в рамках ЕГЭ. Проводится анализ учебного времени и его распределения при календарно-тематическом планировании. На основании опроса учащихся выделены разделы, вызывающие трудности при изучении периода Гражданской войны. Приводится среднестатистическое мнение учащихся о месте и значении, которое занимает Гражданская война в истории России.

Ключевые слова: изучение Гражданской войны в школе, учащиеся, учебники по истории России.

Sarin D. P.

Features of studying the Civil War in the framework of the school curriculum while the change to the linear system of teaching the history of Russia

Abstract. The article is devoted to modern issues of studying history of the Civil war in the framework of school basic and secondary general education while the change from a concentric to a linear system of teaching the history of Russia. The situation is being analyzed in the educational institutions of Moscow when the educational institutions choose new lines of textbooks and provision of school libraries with them. Attention is drawn to the synchronization of the line of textbooks in 2019 published in accordance with the FSES (Federal State Educational Standard) and the control and testing materials of the basic state examination, from the next academic year, the measuring and testing materials for the Civil War are excluded from the General State Exam and will be used only within the framework of the USE (Unified State Examination). The analysis of the school time and its distribution in the course schedule is carried out. On the basis of a survey of students some sections that cause difficulties in the studying of the Civil War were selected. There is an average opinion of students about the place and significance of the Civil War in the history of Russia.

Keywords: studying the Civil War at school, students, textbooks on the history of Russia.

В современной исторической науке многие аспекты Гражданской войны являются дискуссионными. Это касается и хронологических рамок и причин ее начала, а победа большевиков в Гражданской войне в рамках историко-культурного стандарта, с точки зрения преподавания истории в школе, причисляется к «трудным вопросам истории России» [7].

Молодое поколение граждан России, приступая к изучению важного периода отечественной истории, связанного с Гражданской войной, испытывает серьезные трудности в понимании событий тех лет и оценке действий воюющих сторон. Опираясь на существующую историческую парадигму и выступая в роли нейтральных созерцателей, учащиеся должны попытаться препарировать процесс Гражданской войны, в частности постараться выстроить логические параллели между противоборствующими силами, внутренняя политика которых строилась на жесткой иерархии, осуществлявшейся путем установления диктатуры и применения террора.

Процесс усвоения учебного материала школьной программы, касающегося вооруженного противостояния между различными политическими, социальными и этническими группами осложнен тем, что в отличие от войн с внешним врагом, где ход событий изложен с единой позиции, которая не оставляет сомнений, кто враг, события Гражданской войны ставят перед учениками вопросы: «Кто прав?» и «На чьей стороне их симпатии?».

Начиная с 2016/2017 учебного года, в российских школах осуществляется постепенный переход с концентрической на линейную систему преподавания учебного предмета «История России». В соответствии с историко-культурным стандартом для общеобразовательных учреждений подготовлен новый учебно-методический комплекс, разработанный авторскими коллективами трех издательств «Просвещение», «Дрофа» и «Русское слово» [8]. После процедуры утверждения Министерством образования и науки РФ три линейки школьных учебников по истории были широко представлены на потребительском рынке.

В новых учебниках сформулированы принципиальные оценки ключевых событий прошлого, освящены обязательные для изучения темы, события и персонажи отечественной истории, а также даны понятия и термины.

В целом переход к линейной системе, на наш взгляд, следует оценивать как положительное явление в учебном процессе. Стало возможным более глубоко изучать периоды истории России, относящиеся к XVI–XVIII вв. В тоже время период Новейшей истории,

наиболее сложный при усвоении учебный материал, для более осмысленного понимания учащихся вынесен в старшие классы.

В новом учебно-методическом комплексе объем учебного материала, касающийся периода Гражданской войны, в сравнении с объемом, изучавшимся при концентрической системе преподавания, несколько сократился. Так, в новом учебнике 10 класса (ООО «Дрофа») информация сконцентрирована в одном спаренном параграфе и распределена по восьми разделам, общим объемом 17 страниц [2, с. 60–77]. Тогда как в учебнике десятилетней давности для 9 класса (ООО «Просвещение») объем учебного был значительно больше и распределялся по четырем параграфам в 15 разделах на 28 страницах [1, с. 103–131]. Плюс к учебному материалу прилагались четыре автобиографии (А. И. Деникин, А. В. Колчак, М. В. Фрунзе, П. Н. Врангель), десять отрывков исторических документов, восемь терминов и выводы к главе.

К преимуществам нового учебника относится более четкая конкретизация основных элементов Гражданской войны, поэтому более понятная для школьников. Так, в новом учебнике отдельно выделен раздел «Зелёные против красных», посвященный представителям крестьянского повстанческого движения в России. Плюсами также являются карта на две страницы, лента времени, современная навигация (условные обозначения), а также наличие трех контрольных вопросов по каждому разделу. В начале параграфа обозначены исторические личности того времени, о которых учащимся надо узнать, используя ИКТ и почерпнув информацию из других источников помимо учебника.

Раньше учебное время для изучения темы «Гражданская война» примерно распределялось следующим образом: три урока в 9 классе и два урока в 11 классе. Теперь, согласно календарно-тематического планирования, два урока в 10 классе и два урока в 11 классе, т. е. общее количество учебного времени уменьшилось на 1 урок.

Раздел, посвященный Гражданской войне, несомненно, относится к учебному материалу особой трудности как для ученика в качестве получателя информации, так и для учителя, выступающего в роли транслятора информации.

Надо признать, что период Гражданской войны в истории России усваивается детьми довольно сложно. Во-первых, из-за ограниченного количества учебного времени. Во-вторых, период Гражданской войны включает в себя большое количество событий, наличие исторических персоналий, а также политических целей воюющих сторон и вытекающих из них задач, все это в совокупности осложняет процесс усвоения учебного материала учащимися.

Так, если причины и итоги войны, а также победа красных более-менее усваиваются широким кругом школьников, то последовательность событий, театры военных действий периода Гражданской войны, кто с кем и где воевал, воспринимаются школьниками с большим трудом. Для многих учащихся «белыми пятнами» остаются причины иностранной военной интервенции и политика военного коммунизма. Приходится констатировать, что целостной картины событий Гражданской войны у большинства учащихся не складывается. Данную проблему каждый учитель решает индивидуально, путем варьирования учебным временем и дифференцированным подходом к разным группам учащихся в зависимости от способностей и уровня подготовки.

В преддверие конференции при помощи коллег из ГБОУ «Школа № 950» в 9–11 классах было организовано и проведено анонимное анкетирование старшеклассников в целях выявления наиболее сложных вопросов по теме Гражданская война с точки зрения учащихся. В опросе приняли участие 95 человек.

Для начала респондентам было предложено определить значение Гражданской войны в контексте перечня войн, в которых участвовала Россия в XIX–XX вв.

Таблица 1

Место Гражданской войны в перечне войн, в которых участвовала Россия в XIX–XX вв.*

Место	Название войны, даты	Сумма баллов*
1	Великая Отечественная война, 1941–1945	714
2	Отечественная война, 1812	571
3	Первая мировая война, 1914–1918	508
4	Гражданская война, 1917–1922	490
5	Крымская война, 1853–1856	331
6	Русско-японская, 1904–1905	310
7	Русско-турецкая, 1877–1878	297
8	Советско-финская, 1939–1940	204

*Примечание. По результатам опроса учащихся. За первую позицию начислялось 8 баллов, за вторую – 7 баллов, ..., за восьмую – 1 балл.

Как видно из таблицы, современные старшеклассники считают Гражданскую войну важным событием в истории России, но уступающей по значению Великой Отечественной войне, Отечественной войне 1812 г. и Первой мировой войне.

Диаграмма результатов опроса по этому вопросу выглядит следующим образом:

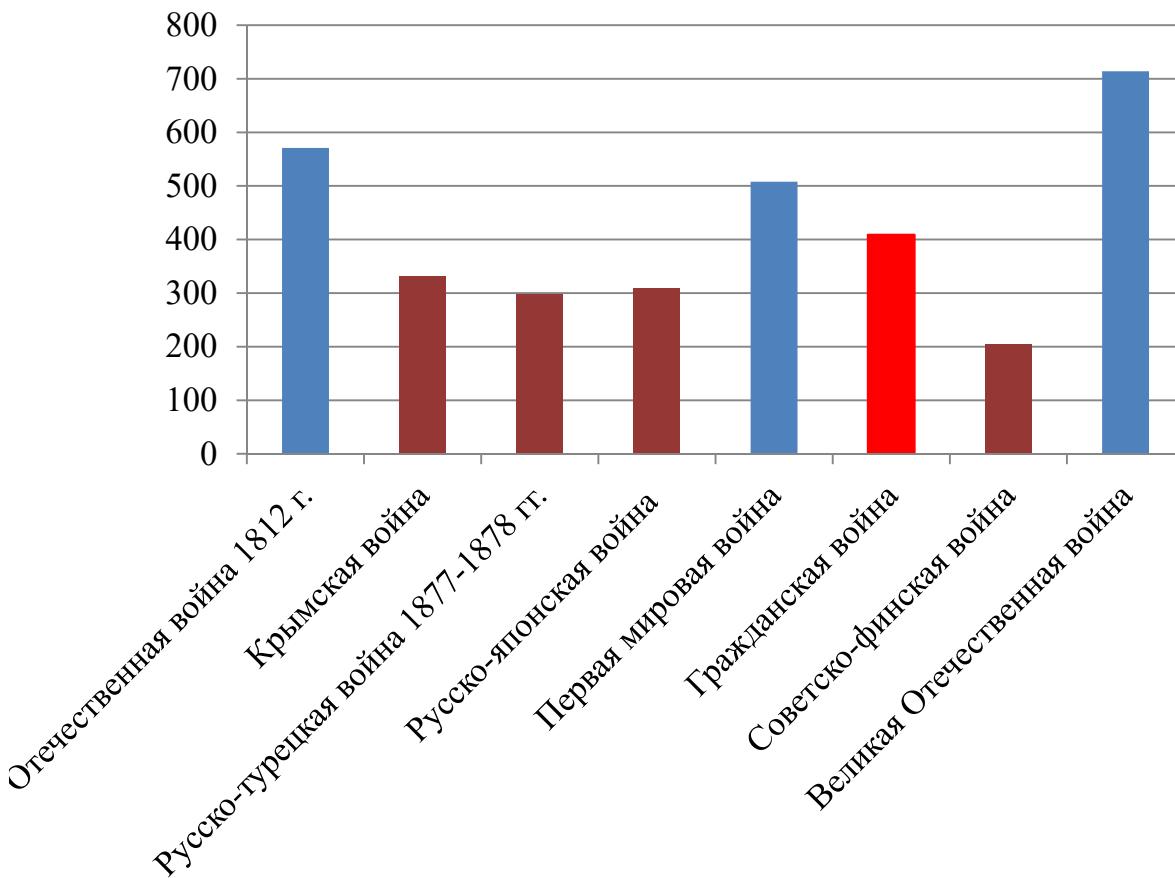
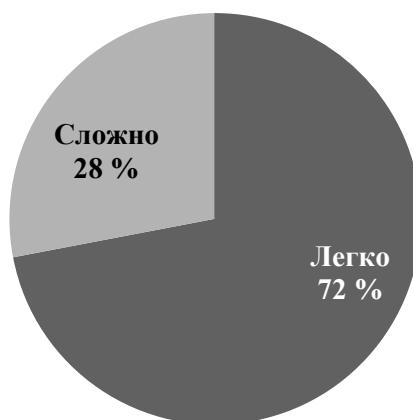

Рис. 1. Войны России в XIX–XX вв.

По мнению учащихся, при изучении темы «Гражданская война», не вызывает трудностей учебный материал, охватывающий следующие вопросы: Почему началась война? Кто воевал на стороне красных, а кто на стороне белых? Почему победили красные? (Рис. 2.)

Почему началась война? Кто воевал на стороне красных, а кто на стороне белых? Почему победили красные?

Рис. 2. Степень сложности понимания учебного материала учащимися

Чуть больше 72% респондентов отметили, что этот материал дался им легко и около 28% признались, что эти вопросы трудны.

Наиболее сложным для понимания учащихся являются политика военного коммунизма и иностранная интервенция, соответственно 66 и 57% (рис. 3).

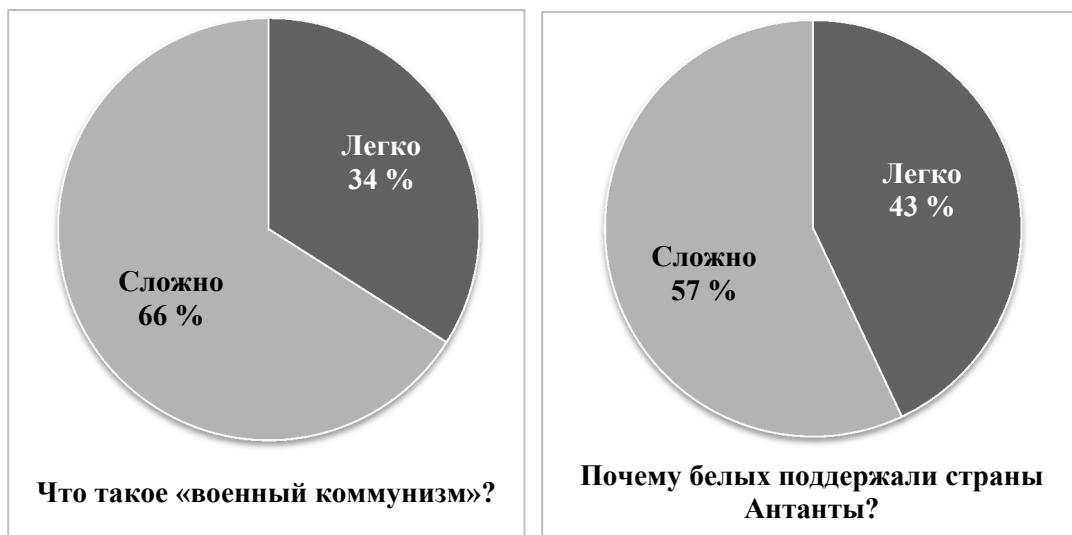

Рис. 3. Понимание учащимися политики военного коммунизма и иностранной интервенции.

По результатам опроса учащихся составлена шкала по степени сложности учебного материала по теме «Гражданская война». Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2
Степень сложности учебного материала по Гражданской войне*

Элемент содержания изученного материала	Считают материал сложным	
	Кол-во чел.	%
Политика военного коммунизма	80	84,2
Военная иностранная интервенция	72	75,8
Политические программы участвующих сторон	60	63,2
Противостояние «красных» и «белых»	43	45,5
Причины Гражданской войны	32	33,7
Итоги Гражданской войны	10	10,5

*Примечание. По мнению 95 учащихся, принявших участие в опросе.

Из таблицы видно, что подавляющая часть респондентов (80 чел. или 84%), выделяют политику военного коммунизма как наиболее сложный элемент учебного материала. Более половины принявших участие в опросе старшеклассников, считают сложными вопросы о военной иностранной интервенции и политических программах красных и белых. Меньше всего вызывает трудности вопрос об итогах Гражданской войны, как сложный его отметили 10 человек, или 10,5%.

В контексте подготовки к ЕГЭ по истории следует сказать, что в контрольных измерительных материалах некоторые задания подразумевают ответы не только по общим вопросам, но и по историческим личностям, также выпускники школ должны уметь устанавливать причинно-следственную связь событий Гражданской войны.

Можно утверждать, что подготовка к ЕГЭ, рассчитанная только на получение знаний базового уровня с учетом часов календарно-тематического планирования недостаточна, поэтому для подготовки учащихся к ЕГЭ в школах учителями проводятся дополнительные занятия в виде консультаций.

В настоящее время в рамках Государственной итоговой аттестации в 2018 г. выпускникам 9 и 11 классов предлагается выполнить задания по Гражданской войне с привлечением знаний по всеобщей истории по следующим разделам:

– Основной государственный экзамен и государственный выпускной экзамен (ОГЭ и ГВЭ-9) [4]: Гражданская война. Красные и белые. Военный коммунизм;

– Единый государственный экзамен и государственный выпускной экзамен (ЕГЭ и ГВЭ-11) [3]: Гражданская война и иностранная интервенция. Политические программы участвующих сторон. Политика военного коммунизма. Итоги Гражданской войны.

Говоря о плюсах перехода на линейную систему преподавания, необходимо сказать о ее недостатках, к которым в первую очередь относится тот факт, что теперь при получении основного общего образования учащиеся не будут изучать в школе разделы истории, освещающие события периода новейшей истории, в том числе Гражданской войны.

Так как эти разделы, как и вся история XX в., начиная с 1914 г., изучаются в 10 классе, часть школьников, закончив 9 классов и получив аттестат об основном общем образовании, объективно не будет владеть

общими представлениями о событиях коренным образом, повлиявших на историю нашего государства. А ведь именно в этот период обучения создаются условия для становления и формирования личности обучающегося, развития его склонностей и интересов.

Сегодня в силу влияния недостоверных источников, извлеченных из всемирной сети интернета, компьютерных игр, печатной литературы, а также активно проводимой пропаганды Запада, существует вероятность формирования необъективной оценки и личного отношения подростков и молодых людей к отечественной истории. В перспективе у 15–16-тилетних учащихся следует ожидать снижения уровня знаний периода Новейшей истории и, в частности, событий Гражданской войны.

Следует заметить, что переход к линейной системе был бы невозможен без поправок, внесенных в 2007 г. в «Закон об образовании в Российской Федерации», в соответствии с которыми каждый гражданин России обязан получить основное общее образование – 11 классов общеобразовательной школы или приравненного к ней другого образовательного учреждения [5].

Изменение периода изучения истории России в первую очередь коснется тех, кто в силу обстоятельств не сможет продолжить обучение в школе и образовательных учреждениях среднего профессионального образования.

В настоящее время переход на линейный принцип преподавания в московских школах до конца не завершен. По школам ситуация разная, к примеру в некоторых школах до 9 класса включительно используется новый учебно-методический комплекс. Правда, учащимся 9 классов в этих школах сдавать экзамен по истории «не рекомендовано», так как контрольные измерительные материалы основного государственного экзамена в этом году содержат задания, охватывающие период истории России в XX в., а в новых учебниках 9 класса учебный материал изложен до событий Первой мировой войны.

Здесь необходимо сказать, что, согласно разъяснений Министерства образования и науки России от 7 декабря 2016 г. о переходе с концентрической системы преподавания истории на линейную, переход на контрольные измерительные материалы основного государственного экзамена по истории в соответствии с ФГОС состоится не ранее 2019 года [6]. То есть синхронизация

контрольно-измерительных материалов ОГЭ с новым УМК произойдет в следующем учебном году.

Учитывая рекомендации Минобрнауки России и тот факт, что в текущем учебном году в последний раз ОГЭ по истории охватывает период с Древности и Средневековья до наших дней (2012), во многих школах переход состоялся до 8 класса включительно, а девятиклассники продолжают обучение по «старым» учебникам и готовятся к сдаче ОГЭ.

Что касается старших классов, то, несмотря на то, что в части школ 10–11 классы перешли на новые учебники, в большей части школ продолжают пользоваться учебниками предыдущего поколения. Причина такого положения дел кроется в финансовых возможностях образовательных учреждений. Приобретение школами учебников ФГОС по истории России происходит за счет собственного бюджета и имеет тенденцию пополнения библиотечного фонда, в первую очередь, учебников для средней школы 6–8 классов, а затем 9–11 классов. В соответствии с требованиями Департамента образования г. Москвы к 30 июня текущего года все фонды школьных библиотек должны быть полностью укомплектованы необходимым количеством учебников.

Учебники предыдущего поколения исключены из федерального перечня 8 июня 2015 г., но могут использоваться в учебном процессе до 20 июня 2020 г.

Надо сказать, что у школ есть право выбора учебников по истории России. Так, в ходе обсуждения на совещании методического объединения учителей истории путем коллективного решения определялся выбор той или иной линейки новых учебников. Затем на педсовете и управляющем совете школы осуществлялась процедура утверждения перечня и количества учебников. После чего через единую комплексную информационную систему ДО г. Москвы (ЕКИС) оформлялся заказ.

Для ребят с высокой мотивацией хорошим подспорьем в изучении истории России являются мероприятия, которые проводятся во внеурочное время. Например, в ГБОУ «Школа № 950» на протяжении последних пяти лет проводятся межшкольные дебаты среди учащихся 9–11 классов. В ноябре этого года состоятся межшкольные дебаты, посвященные 100-летию Гражданской войны, в ходе которых команды учащихся выступят с презентацией своей позиции по заранее определенной данной теме, а затем будут защищать ее в ходе дискуссии с другими участниками дебатов. По итогам дебатов определяется

команда-победитель, а наиболее отличившиеся ребята будут поощрены за лучшие аргументированные и критические выступления.

Останавливаясь на межшкольных дебатах, нужно сказать о положительном влиянии на повышение мотивации участников подобных интеллектуальных состязаний, которые, по сути, являются «испытательными полигонами» для одаренных ребят. Молодые люди могут на практике узнать свой уровень знаний в сравнении с ровесниками из других школ. Дебаты – это вызов, здоровый кураж и желание (может быть скрытое) победить.

В заключение, возвращаясь к теме конференции, необходимо сказать, что понимание молодыми людьми перипетий Гражданской войны и ее последствий имеет особое значение, опосредовано влияющее на формирование идентичности российского школьника как гражданина государства, история которого многогранна и уникальна.

Литература и источники

1. История России. XX – начало XXI века: учебник для 9 кл. общеобразовательных учреждений / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина, М. Ю. Брандт. М.: Просвещение; Московские учебники, 2008. 384 с.
2. История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл.: учебник / О. В. Волобуев, С. П. Карпачев, П. Н. Романов. М.: Дрофа, 2018. 367 с.
3. Кодификатор элементов содержания и требований к уровню подготовки выпускников образовательных организаций для проведения ЕГЭ по истории. ЕГЭ и ГВЭ-11 / ФГБНУ Федеральный институт педагогических измерений. URL: <http://www.fipi.ru/ege-i-gve-11/demoversii-specifikacii-kodifikatory> (дата обращения: 07.04.2018).
4. Кодификатор элементов содержания и требований к уровню подготовки обучающихся для проведения ОГЭ по истории. ОГЭ и ГВЭ-9 / ФГБНУ Федеральный институт педагогических измерений. URL: <http://www.fipi.ru/oge-i-gve-9/demoversii-specifikacii-kodifikatory> (дата обращения: 07.04.2018).
5. Комментарий к Статье 43 Конституции РФ // Конституция РФ. URL: <http://constrf.ru/razdel-1/glava-2/st-43-krf> (дата обращения: 13.04.2018).
6. Письмо Министерства образования и науки РФ от 7 декабря 2016 г. № 08-2655 «О рассмотрении обращения». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71484366/#review> (дата обращения: 05.04.2018).
7. Примерный перечень «Трудных вопросов истории России» // Историко-культурный стандарт. Российское историческое общество. URL: <https://historyrussia.org/proekty/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoj-istorii/istoriko-kulturnyj-standart> (дата обращения: 06.04.2018).
8. Учебники истории // Школьные перемены. ТАСС. URL: <http://tass.ru/school/uchebnyy-process/> (дата обращения: 07.12.2017).

Литвиненко В. А.

**Песни Гражданской войны как отражение
морального духа противоборствующих сторон:
историко-психологический анализ**

Аннотация. В сознании наших современников Гражданская война 1918–1922 гг. во многом ассоциируется с ее песенным наследием, как победителей красных, так и проигравших белых. Однако мало кто разбирается в том, какие из оказавшихся на слуху и закрепившихся в народной памяти песен действительно имели хождение в годы самой войны, а какие появились значительно позднее и вошли в этот ассоциативный ряд из официальной песенной культуры, дворового фольклора, репертуара ресторанных певцов, советских художественных фильмов и творчества белоэмиграции. Отсюда возникает вопрос: могут ли песни (как аутентичные изучаемой эпохе, так и созданные позднее) выступать в качестве полноценного исторического источника? Это зависит от того, какую задачу ставит перед собой исследователь.

Ключевые слова: Гражданская война в России, песни красных и белых, официальная песенная культура, дворовый фольклор, песни из кинофильмов, историческая память, информационно-психологическая война.

Litvinenko V. A.

**Songs of the Civil war as a reflection of the moral spirit of the
warring parties: historical and psychological analysis**

Abstract. In the minds of our contemporaries, the Civil war of 1918-1922 is largely associated with its song heritage, both the winners of the «red» and the losers of the «white». However, few people are versed in what was «heard» and entrenched in the folk memory of the songs really had a circulation in the years of the war, and what came much later and got into that «associative array» from the official song culture, courtyard of the folklore, the repertoire of restaurant singers, the Soviet feature films and creativity of the white guard emigration. Hence the question arises: can songs (both authentic to the studied epoch and created later) act as a full-fledged historical source? It depends on what task the researcher sets for himself.

Key words: Civil war in Russia, songs of the Red army and the White guards, official song culture, yard folklore, songs from films, historical memory, informational and psychological war.

В сознании наших современников Гражданская война 1918–1922 гг., столетие которой мы отмечаем в этом году, во многом ассоциируется с ее песенным наследием, как победителей – красных, так и проигравших – белых. Однако мало кто разбирается в том, какие из оказавшихся «на слуху» и закрепившихся в народной памяти песен [1] действительно бытовали в годы самой войны, а какие появились значительно позднее и вошли в этот «ассоциативный ряд» из

официальной песенной культуры¹, дворового фольклора и репертуара ресторанных певцов², советских художественных кинофильмов³ и творчества белоэмигрантов⁴.

Например, большинство так называемых красноармейских песен, знакомых нескольким поколениям, рожденным и выросшим в СССР, начиная со школьных уроков музыки, а также по многочисленным исполнениям в концертах и на радио («Там вдали за рекой...»⁵, «Гренада»⁶, «Орленок»⁷, «Прощанье»⁸, «Каховка»⁹, «Песня о Щорсе»¹⁰, «Маленький барабанщик»¹¹, «Конармейская»¹², «Были два

¹ Гражданская война 1917–1922. Официальные песни о Гражданской войне. <http://a-pesni.org/grvojna/oficial/Oficial.php> (дата обращения: 20.09.2018).

² Гражданская война 1917–1922. «Белогвардейские дворовые» песни. <http://a-pesni.org/grvojna/bel-dvor/Bel-dvor.php> (дата обращения: 20.09.2018).

³ Гражданская война 1917–1922. Современные песни о Гражданской войне. <http://a-pesni.org/grvojna/sovremen/Sovrem.php> (дата обращения: 20.09.2018).

⁴ Гражданская война 1917–1922. Эмигрантские песни. <http://a-pesni.org/grvojna/bel-emigr/Bel-emigr.php> (дата обращения: 20.09.2018).

⁵ «Там вдали за рекой...». Автор текста – комсомолец Николай Кооль, музыка народная. Канонический текст песни был создан в 1924 г. и является переделкой казачьей песни времен русско-японской войны «За рекой Ляохэ загорались огни...». Во второй половине XIX в. на ту же мелодию пелась каторжанская песня «Лишь только в Сибири займется заря» и некоторые другие. <http://a-pesni.org/grvojna/narod/tamvdali.php> (дата обращения: 20.09.2018).

⁶ «Гренада». Автор слов поэт М. Светлов. Стихи впервые опубликованы 29 августа 1926 г. в газете «Комсомольская правда». Существует более 20 вариантов музыки разных авторов. Наиболее популярная современная версия мелодии написана в 1959 г. бардом В. Берковским. <http://a-pesni.org/grvojna/oficial/grenada.php> (дата обращения: 20.09.2018).

⁷ «Орленок». Сл. Я. Шведова, муз. В. Белого. Первоначально текст песни был написан на иврите для пьесы «Зямка Копач» еврейского драматурга М. Даниэля, изданной в 1936 г. в Харькове. Русский перевод был сделан Я. Шведовым для постановки спектакля под названием «Хлопчик» в московском Театре им. МОСПС (ныне Театр им. Моссовета) в 1937 г. Опубликован отдельным изданием в июле 1937 г. <http://a-pesni.org/grvojna/oficial/orlenok.php> (дата обращения: 20.09.2018).

⁸ «Прощанье» («Дан приказ: ему на запад, / Ей – в другую сторону...»). Сл. М. Исаковского, муз. Д. Покрасса. Стихотворение М. Исаковского написано в 1935 г. <http://a-pesni.org/grvojna/oficial/proschanie.php> (дата обращения: 20.09.2018).

⁹ «Песня о Каховке» («Каховка, Каховка – родная винтовка...»). Сл. М. Светлова, муз. И. Дунаевского. Написана в 1935 г. для кинофильма «Три товарища» <http://a-pesni.org/grvojna/oficial/pokahovke.php> (дата обращения 20.09.2018).

¹⁰ «Песня о Щорсе» («Шел отряд по берегу, / Шел издалека...»). Сл. М. Голодного, муз. М. Блантера. Написана в 1935 г. <http://a-pesni.org/grvojna/oficial/poschorse.php> (дата обращения: 20.09.2018).

¹¹ «Маленький барабанщик» («Песня о юном барабанщике», «Мы шли под грохот кононады»). Русский текст М. Светлова написан в 1930 г. Вольный перевод немецкой коммунистической песни «Der kleine Trompeter» («Маленький трубач», сл. В. Вальрота, 1925). <http://a-pesni.org/grvojna/oficial/malbarabanschik.php> (дата обращения: 20.09.2018).

¹² «Конармейская» («По военной дороге / Шел в борьбе и тревоге / Боевой восемнадцатый год»). Сл. А. Суркова, муз. Дмитрия и Даниила Покрассов. Стихотворение «Конармейская песня» написано А. Сурковым в 1935 г. Вышла отдельным изданием в 1937 г. как песня из фильма «Рабоче-Крестьянская». <http://a-pesni.org/grvojna/oficial/konarmejskaja.php> (дата обращения: 20.09.2018).

друга»¹, «Песня о тачанке»² и др.) относятся к середине – концу 1930-х гг., т. е. должны быть классифицированы не как «песни Гражданской войны», а как «песни о Гражданской войне», возникшие более десяти лет спустя после ее окончания.

Единственная из этого ряда широко популярных «красных» песен «По долинам и по взгорьям...», или «Партизанская»³, была начата их автором Петром Парфеновым [9] в 1920 г. и закончена в 1922 г., хотя широкую известность и распространение получила только в 1929 г., благодаря исполнению Ансамблем Красноармейской песни под руководством Александра Александрова.

На тот же мотив бытовала и песня с белой стороны: «Марш Дроздовского полка»⁴:

Из Румынии походом / Шел Дроздовский славный полк, /
Для спасения народа / Исполняя тяжкий долг.

По утверждению издаваемой в США эмигрантской газеты «Новое русское слово» от 6 и 14 декабря 1974 г., «Марш...» был заказан полковником А. В. Туркулом композитору Дмитрию Покрассу 27 июня 1919 г. в Харькове и исполнен через два дня на банкете по случаю «освобождения города от красных» в присутствии главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерала А. И. Деникина. Вскоре Дмитрий Покрас перебрался в Ростов-на-Дону, где работал в эстрадном

¹ «Два друга» («Были два друга в нашем полку»). Сл. В. Гусева, муз. С. Германова. Песня написана в 1937 г., входила в репертуар Л. Утесова [<http://a-pesni.org/grvojna/oficial/byli2dr.php>].

² «Песня о тачанке». Сл. М. Рудермана, муз. К. Листова. Песня написана в 1936 г. <http://a-pesni.org/grvojna/oficial/potatchanke.php> (дата обращения: 20.09.2018).

³ «Партизанская» («Партизанский гимн», «По долинам и по взгорьям...»). Сл. и муз. П. Парфенова. Первый вариант под названием «На Сучане» («По долинам, по загорьям...») был сочинен автором еще 10 июля 1914 г. Новая, «военная» редакция песни, с многочисленными исправлениями и переработками создавалась П. Парфеновым с 1920 по 1922 г. Окончательная обработка текста была сделана в 1929 г. поэтом С. Алымовым для ансамбля Красной армии. Долгое время авторство песни приписывалось С. Алымову и И. Атурову, от которого она была записана. В 1934 г. в газете «Известия» была опубликована коллективная статья участников Гражданской войны в Приморье, где называлось имя П. Парфенова как настоящего автора песни. Затем он сам в журналах «Красноармеец – Краснофлотец» № 21 и «Музыкальная самодеятельность» № 10 за 1934 г. рассказал историю создания «Партизанского гимна». Но в 1935 г. П. Парфенов был арестован, а в 1943 г. умер в заключении. Лишь в 1962 г. Московский городской суд, а затем Верховный суд РСФСР подтвердил его авторство. <http://a-pesni.org/grvojna/kr/podolinam.php> (дата обращения: 20.09.2018).

⁴ «Марш Дроздовского полка». Сл. П. Баторина, муз. Дм. Покраса (?). Основная часть мелодии марша была заимствована из дореволюционной песни дальневосточных охотников «По долинам, по загорьям» П. Парфенова; отдельные же обороты сходны с украинской песней «Розпрягайте, хлопці, коней». <http://a-pesni.org/grvojna/bel/marchdrozd.php> (дата обращения: 20.09.2018).

театре «Кривой Джимми». Когда в январе 1920 г. город взяли красные, он написал песню «Марш Буденного»¹:

Мы – красные кавалеристы, / И про нас /
Былинники речистые / Ведут рассказ:/
О том, как в ночи ясные, / О том, как в дни ненастные /
Мы гордо, / Мы смело в бой идем...
Веди, Буденный, нас смелее в бой! /
Пусть гром гремит, / Пускай пожар кругом:/
Мы – беззаветные герои все,/ /
И вся-то наша жизнь да есть борьба!

Следует признать, что «Буденновский» марш удался Дм. Покрассу гораздо лучше, чем «Дроздовский». Впоследствии автор стал известным советским композитором.

Другая песня 1920 г. «Красная армия всех сильней»², по официальной версии, была написана накануне последнего наступления на Врангеля в Крыму:

Белая армия, черный барон / Снова готовят нам царский трон. /
Но от тайги до британских морей / Красная армия всех сильней.

Автор музыки – старший брат Дм. Покраса Самуил Покрас в 1924 г. эмигрировал из СССР и в 1939 г. умер в Нью-Йорке.

Еще одна песня периода собственно Гражданской войны, известная в многочисленных текстовых вариациях по обе стороны фронта, – это знаменитая «Смело мы в бой пойдем...»³, в основу мелодии которой был положен дореволюционный романс 1902 г. «Белой акации гроздья душистые...»⁴. В «белом» варианте наиболее

¹ «Марш Буденного» («Мы – красные кавалеристы...»). Сл. А. Д'Актиля, муз. Дм. Покраса. Песня создана в 1920 г., впервые опубликована в 1922 г., окончательная редакция текста сделана в 1925 г. <http://a-pesni.org/grvojna/kr/marchbudennogo.php> (дата обращения: 20.09.2018).

² «Красная армия всех сильней». Сл. П. Григорьева (Горинштейна), муз. С. Покраса. Написана в 1920 г. <http://a-pesni.org/grvojna/kr/krasnarmia.php> (дата обращения: 20.09.2018).

³ «Смело мы в бой пойдем...» Сл. и муз. народные. Одна из первых популярных «красных» песен Гражданской войны, текст которой устоялся к 1919 г. Упоминается в военных мемуарах, в романе К. Федина «Необыкновенное лето», Д. Фурманова «Чапаев» и др. <http://a-pesni.org/grvojna/kr/smelomy.php> (дата обращения: 20.09.2018).

⁴ «Белой акации гроздья душистые...». Сл. и муз. неизвестного автора. «Впервые опубликован в 1902 г. в серии «Цыганские ночи» без указания имени автора слов и музыки. В дальнейшем публиковался как «известный цыганский романс» в редакции В. Паниной и музыкальной обработке А. М. Зорина, но также безымянным. Тем не менее считается, что в основе текста – переработка стихотворения А. Пугачева...» Мелодия романса легла в основу популярной песни Первой мировой войны «Слыхали, деды, война началася» с добавлением припева в ритме

известна как «Добровольческая песня»¹ [6; 7; 11], распространенная в основном у марковцев.

В исторической памяти оба варианта – «красный» и «белый» – остались преимущественно в виде разного исполнения куплетов:

1. Смело мы в бой пойдем / За власть Советов /
И как один умрем / В борьбе за это!
2. Смело мы в бой пойдем / За Русь Святую /
И как один прольем / Кровь молодую!

При этом из мемуарной литературы [11, с. 143] известны и более «живописные» варианты, зеркально отражающие друг друга:

1. Смело мы в бой пойдем / За власть трудовую /
И всех «дроздов» побьем, / Сволочь такую...
2. Мы смело в бой пойдем за Русь Святую /
Большевиков побьем – сволочь такую...

Еще одна песня-перевертыш, исполнявшаяся во время 1-го Кубанского «Ледяного» похода в феврале – марте 1918 г. (до гибели 31 марта генерала Л. Г. Корнилова), – «Дружно, корниловцы, в ногу!..»² [6, с. 229–231, 267–268]:

Дружно, корниловцы, в ногу! / С нами Корнилов идет. /
Спасет он, поверьте, отчизну, / Не выдаст он русский народ!

Как легко заметить, создана она на основе революционной песни «Смело, товарищи, в ногу!..»³, сочиненной социал-демократом Леонидом Радиным в 1897 г. в Бутырской тюрьме.

гусарской мазурки. В период Гражданской войны были созданы ее многочисленные белогвардейские и красноармейские переработки. <http://a-pesni.org/romans/belakacii.php>; <http://a-pesni.org/grvojna/kr/sldedy-gr.php> (дата обращения: 20.09.2018).

¹ «Добровольческая песня» («Слышали, братья, война началася...»). Сл. и муз. народные. Упоминается в «белых» мемуарах о 1-м Кубанском «Ледяном» походе февраля 1918 г. См., напр.: Краснов П. От двуглавого орла к красному знамени, 1921; Туркул А. Дроздовцы в огне, 1933–1937; Ларионов В. Последние юнкера, 1984. Наибольшее распространение имела у марковцев. <http://a-pesni.org/grvojna/bel/slychalidedy.php>. (дата обращения: 20.09.2018).

² «Дружно, корниловцы, в ногу!..». Два ее куплета приводятся по: Краснов П. Н. От двуглавого орла к красному знамени. <http://a-pesni.org/grvojna/bel/druznokorn.php> (дата обращения: 20.09.2018).

³ «Смело, товарищи, в ногу!..». Сл. Л. Радина. Создана в 1897 г. в Бутырской тюрьме на ускоренный мотив популярной студенческой песни 1857 г. на стихотворение И. Никитина «Медленно движется время». Мелодия восходит к песне силезского землячества Берлинского университета начала XIX в., посвященной борьбе с наполеоновской оккупацией и ставшей в

Популярная песня «Наш паровоз, вперед лети, / В Коммуне остановка...»¹, ставшая результатом коллективного творчества молодых рабочих Киевских главных железнодорожных мастерских, впервые была исполнена 7 ноября 1922 г. в Киеве, т. е. уже после окончания Гражданской войны. Свою мелодию она позаимствовала у одной из немецких народных песен, занесенных на Украину в 1918 г. во время оккупации. По другой версии, у этой «красной» песни была еще и «белая» предшественница, сочиненная дроздовцем Иваном Виноградовым [8].

Собственно говоря, этим перечнем исчерпываются наиболее известные песни периода Гражданской войны, имевшие достаточно широкое распространение. Все остальные, как правило, были локализованы в узкой среде, на ограниченной территории, в короткий промежуток времени, не успели пройти через необходимую «шлифовку», не закрепились в исторической памяти и дошли до нас в виде обрывочных текстов из мемуарной литературы или записей собирателей фольклора. Причем, это касается как «красных»², так и «белых»³ песен. Хотя «красных» сохранилось все-таки больше.

Интересно, что на рубеже 1920–1930-х гг. развернулась борьба «за пролетарскую музыку», в ходе которой звучали призывы Российской ассоциации пролетарских музыкантов (РАПМ) запретить многие популярные песни Гражданской войны за использование «разлагающей музыки», «вредительски» присоединенной к «революционным словам»⁴. Под раздачу попали «Марш Буденного», «Смело мы в бой пойдем...», «Авиамарш» («Все выше...»)⁵ и др. Но в 1932 г. РАПМ в связи с

1813 г. маршем Силезского полка ополчения. <http://a-pesni.org/starrev/smelotovarischi.htm> (дата обращения: 20.09.2018).

¹ «Наш паровоз» («Наш паровоз, вперед лети...»). Сл. Б. Скорбина (?). Считается плодом коллективного творчества молодых рабочих Киевских главных железнодорожных мастерских. Впервые песня была исполнена на демонстрации 7 ноября 1922 г. в г. Киеве. Мелодия восходит к немецкой народной песне «Аргонский лес в полночный час», которая попала на Украину в 1918 г. во время оккупации, а также к популярному вальсу В. Беккера «Царица бала». <http://a-pesni.org/grvojna/narod/nachparovoz.php> (дата обращения: 20.09.2018).

² См.: Песни Гражданской войны. Красные песни. <http://a-pesni.org/grvojna/kr/Kr.php> (дата обращения: 20.09.2018).

³ См.: Песни Гражданской войны. Белые песни. <http://a-pesni.org/grvojna/bel/Bel.php> (дата обращения: 20.09.2018).

⁴ См.: <http://a-pesni.org/grvojna/oficial/pokahovke.php> (дата обращения: 20.09.2018). Интересный факт: «У песен «Партизан Железняк» (муз. М. Блантера, сл. М. Голодного, 1935), «Песня о Каховке» (муз. И. Дунаевского, сл. М. Светлова, 1936) и «Орлёнок» (муз. В. Белого, сл. Я. Шведова, 1936) одинаковая мелодия и манера исполнения, несмотря на разных композиторов. Это еврейская фольклорная мелодия. Возможно, композиторы заимствовали ее неосознанно». <http://a-pesni.org/grvojna/oficial/pokahovke.php> (дата обращения: 20.09.2018).

⁵ «Авиамарш» («Все выше...», «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»). Сл. П. Германа, муз. Ю. Хайта. Впервые издана в мае 1923 г. в серии «Песни революции». Летом 1933 г.

созданием Союза советских композиторов упразднили, а песни остались и продолжали звучать.

Что касается основной части песен, которые выдают за белогвардейские, то они относятся к новоделу 1960–1970-х гг., а некоторые вообще к концу 1980-х – началу 1990-х, когда песни, якобы возникшие в среде Белого движения, «вышли из подполья», стали звучать с эстрады и выпускаться на музыкальных дисках. Среди их авторов и исполнителей – Юрий Борисов¹, Аркадий Северный², Михаил Гулько³, Михаил Звездинский⁴, Жанна Бичевская⁵ и многие другие.

Так, очень популярны были созданные в 1970-е гг. песни-стилизации Юрия Борисова «Закатилась зорька за лес...»⁶, «Все теперь против нас, будто мы и креста не носили...»⁷, «Заунывные песни летели / В даль березовой русской тоски...»⁸, «Перед пушками, как на парад...»⁹; Владимира Раменского «Не надо грустить, господа

Реввоенсовет СССР объявил песню «Всё выше!» гимном BBC РККА. <http://a-pesni.org/drugije/aviamarch.htm> (дата обращения: 20.09.2018).

¹ Борисов Юрий Аркадьевич (1944–1990) – бард, политзаключенный. Оставил после себя много стихов и песен о Гражданской войне, стилизованных под белогвардейские и повстанческие. Их подпольные фонограммы в исполнении Валерия Агафонова (1941–1984) вышли в годы «перестройки» на пластинке «Белая песня» (фирма «Мелодия», 1989). <http://a-pesni.org/bard/borisov/vseteper.php> (дата обращения: 20.09.2018).

² Аркадий Северный (наст. имя Звездин Аркадий Дмитриевич, 1939–1980) – исполнитель песен современного городского фольклора, авторских неподцензурных песен, романсов и стилизаций. https://ru.wikipedia.org/wiki/Северный,_Аркадий_Дмитриевич (дата обращения: 20.09.2018).

³ Гулько Михаил Александрович (род. 1931) – советский и российский певец и музыкант, исполнитель русского шансона. В 1980 г. эмигрировал в США. https://ru.wikipedia.org/wiki/Гулько,_Михаил_Александрович (дата обращения: 20.09.2018).

⁴ Звездинский Михаил Михайлович (наст. фамилия Дейнекин; род. 1945) – исполнитель русского шансона. https://ru.wikipedia.org/wiki/Звездинский,_Михаил_Михайлович (дата обращения: 20.09.2018).

⁵ Бичевская Жанна Владимировна (род. 1944) – российская певица, народная артистка РСФСР (1988). В 1990-е гг. в творчестве Жанны Бичевской появились белогвардейские мотивы (альбомы «Господа офицеры», «Любо, братцы, любо», «Русская Голгофа»). https://ru.wikipedia.org/wiki/Бичевская,_Жанна_Владимировна (дата обращения: 20.09.2018).

⁶ «Перед боем» («Закатилась зорька за лес, словно канула...», «Только нам не менять офицерский мундир...»). Сл. и муз. Ю. Борисова. <http://a-pesni.org/bard/borisov/zakatilasa.php> (дата обращения: 20.09.2018).

⁷ «Белая песня» («Все теперь против нас, будто мы и креста не носили...»). Сл. и муз. Ю. Борисова. Написана в 1967–1968 гг. <http://a-pesni.org/bard/borisov/vseteper.php> (дата обращения: 20.09.2018).

⁸ «Воспоминание» («Заунывные песни летели / В даль березовой русской тоски...»). Сл. и муз. Ю. Борисова. <http://a-pesni.org/bard/borisov/vospomin.php> (дата обращения: 20.09.2018).

⁹ «Перед пушками, как на парад...» («Справа маузер, слева эфес...»). Сл. и муз. Ю. Борисова. <http://a-pesni.org/bard/borisov/spravmauzer.php> (дата обращения: 20.09.2018).

офицеры...»¹ и «Степь, прошитая пулями...»²; Татьяны Лебединской «Не пишите мне писем, дорогая графиня...»³ [4, с. 230–231; 12]; Бориса Алмазова «Юнкерский вальс»⁴ и ироничная песня неизвестного автора «На мне тогда был новенький мундирчик»⁵. В 1990-е гг. все их пытались представить как аутентичные белогвардейские песни, а на дисках Жанны Бичевской они вообще утратили авторство.

Многие «белогвардейские» песни пришли к нам из советского кинематографа [3], где вкладывались в уста аккуратных, подтянутых и романтичных белых офицеров. По сравнению с образами нарочито «идейно правильных» красных командиров и комиссаров, они выглядели живыми людьми – искренне заблуждающимися, страдающими, тонко чувствующими, – и вызывали у зрителей невольное сочувствие и симпатию. В том числе и благодаря песням, которые исполнялись под гитару или фортепьяно приятными мужественными голосами.

Приведу лишь несколько наиболее ярких примеров:

- «Напишу через час после схватки...»⁶ (сл. М. Танича, муз. Н. Богословского) из к/ф «Таинственный монах» (Мосфильм, 1967);
- «Русское поле» (сл. И. Гофф, муз. Я. Френкеля) из к/ф «Новые приключения неуловимых» (Мосфильм, 1968);
- «Романс» («Целую ночь соловей нам насвистывал...»)⁷ (сл. М. Матусовского, муз. В. Баснера) из телефильма «Дни Турбинных» (Мосфильм, 1976);
- «Господа офицеры»¹ (сл. и муз. А. Дольского) из к/ф «Трактир на Пятницкой» (Мосфильм, 1977);

¹ «Не надо грустить, господа офицеры...». Сл. В. Раменского. Песня 1970-х гг., стилизованная под белогвардейскую. На фонограмму записана А. Северным в Ленинграде в 1977 г. Подверглась фольклоризации: встречаются разные варианты. <http://a-pesni.org/grvojna/bel-dvor/nenadogrustit.php> (дата обращения: 20.09.2018).

² «Последний рассвет» («Прощальная», «Степь, прошитая пулями...»). Сл. В. Раменского. Песня 1970-х гг., стилизованная под белогвардейскую. Входила в репертуар А. Северного. <http://a-pesni.org/grvojna/bel-dvor/stepproch.php> (дата обращения: 20.09.2018).

³ «Не пишите мне писем, дорогая графиня...». Сл. и муз. Т. Лебединской. <http://a-pesni.org/grvojna/bel-dvor/nepichitemne.php> (дата обращения: 20.09.2018).

⁴ «Юнкерский вальс». Сл. и муз. Б. Алмазова. <http://a-pesni.org/grvojna/bel-dvor/valsjunkerov.php> (дата обращения: 20.09.2018).

⁵ «Мундирчик» («На мне тогда был новенький мундирчик...»). Автор слов и музыки не установлен. <http://a-pesni.org/grvojna/bel-dvor/mundirchik.php> (дата обращения: 20.09.2018).

⁶ «Последняя осень» («Напишу через час после схватки...»). Сл. М. Танича, муз. Н. Богословского. Из фильма «Таинственный монах» (Мосфильм, 1967). <http://tunnel.ru/post-belogardejjskij-romans-v-sovetskem-kinematografe> (дата обращения: 20.09.2018).

⁷ «Целую ночь соловей нам насвистывал...». Сл. М. Матусовского, муз. В. Баснера. Романс из телефильма В. Басова «Дни Турбинных» (1976) по одноименной пьесе М. Булгакова. Создан под влиянием популярного романса «Белой акации гроздья душистые...», опубликованного в 1902 г. <http://a-pesni.org/romans/basner/celnotch.php> (дата обращения: 20.09.2018).

- «Закатилася зорька за лес...»² (сл. и муз. Ю. Борисова) из к/ф «Личной безопасности не гарантирую» (Ленфильм, 1980);
- «Романс Сержа» («Я хочу попросить вас...»)³ (авторы слов и музыки неизвестны) из телефильма «Государственная граница. Мы наш, мы новый...» (Беларусьфильм, 1980);
- «Марш офицеров» («Белая гвардия, путь твой высок...»)⁴ (сл. М. Цветаевой) из телефильма «Государственная граница. Восточный рубеж» (Беларусьфильм, 1982).

А вот еще «белогвардейские» песни и романсы в трогательном женском исполнении:

- «Господа юнкера»⁵ (сл. и муз. Б. Окуджавы) из фильма «На ясный огонь» (Мосфильм, 1976);
- «Гусарская рулетка»⁶ (сл. Н. Олева, муз. М. Дунаевского) из фильма «Долгий путь в лабиринте» (Одесская киностудия, 1981);
- «Горечь, горечь» (сл. М. Цветаевой, муз. В. Калле) из телефильма «Государственная граница. Восточный рубеж» (Беларусьфильм, 1982);
- «Институтка»⁷ [5] из телефильма «Государственная граница. Восточный рубеж» (Беларусьфильм, 1982);

¹ «Господа офицеры, голубые князья...» («Все идешь и идешь, / И сжигаешь мосты...»). Сл. и муз. А. Дольского. Исполняется в художественном фильме «Трактир на Пятницкой» (Мосфильм, 1977). <http://a-pesni.org/bard/dolskij/gospoficeru.htm> (дата обращения: 20.09.2018).

² «Перед боем» («Закатилася зорька за лес, словно канула...», «Только нам не менять офицерский мундир...»). Сл. и муз. Ю. Борисова. <http://a-pesni.org/bard/borisov/zakatilasa.php> (дата обращения: 20.09.2018).

³ «Романс Сержа» («Я хочу попросить вас...»). Сл. неизвестного автора. Автор музыки предположительно Э. Хагагорян, который указан как композитор в титрах телефильма «Государственная граница. Мы наш, мы новый...» (Беларусьфильм, 1980). <http://a-pesni.org/grvojna/sovremen/jahotchu.php> (дата обращения: 20.09.2018).

⁴ «Марш офицеров» («Белая гвардия, путь твой высок...») (сл. М. Цветаевой). Из телефильма «Государственная граница. Восточный рубеж» (Беларусьфильм, 1982). В основе марша, исполняемого хором белогвардейцев, стихотворение М. Цветаевой из цикла «Дон» от 24 марта 2018 г. [https://ru.wikisource.org/wiki/Дон_\(1-3_-_Цветаева\)/1](https://ru.wikisource.org/wiki/Дон_(1-3_-_Цветаева)/1) (дата обращения: 20.09.2018).

⁵ «Господа юнкера» («Наша жизнь – не игра...»). Сл. и муз. Б. Окуджавы. Из фильма «На ясный огонь» (Мосфильм, 1976).

⁶ «Гусарская рулетка». Сл. Н. Олева, муз. М. Дунаевского. Из фильма «Долгий путь в лабиринте» (Одесская киностудия, 1981). <http://a-pesni.org/chanson/uspenskaja/gusarsk.htm> (дата обращения: 20.09.2018).

⁷ «Институтка» («Чёрная моль», «Фея из бара», «Дочь камергера»). Сл. приписывают русской поэтессе-эмигрантке Марии Вега (М. Волынцева, 1898–1980). Песня в жанре жестокого романса якобы написана ею в 1950-е гг. в Париже. По другой версии, она относится к разряду дворовых песен 1970-х гг. «Харбинский» вариант «Институтки» прозвучал в фильме «Восточный рубеж» (Беларусьфильм, 1982) из телесериала «Государственная граница». <http://a-pesni.org/grvojna/bel-dvor/tchernajamol.php> (дата обращения: 20.09.2018).

– «Молитва» («Пошли нам, господи, терпенья...»)¹ (сл. С. Бехтерева) из телефильма «Государственная граница. Восточный рубеж» (Беларусьфильм, 1982).

В конце 1980-х гг. с целой серией «белогвардейских» и «казачьих» песен выступил бард Александр Розенбаум². Наиболее заметными из них стали «Романс генерала Чарноты» и «Есаул молоденький» из альбома «Казачьи песни» (1988).

Наконец, в начале 1990-х гг. едва ли не символом Белого движения стала песня «Поручик Голицын»³, по всей видимости, написанная не ранее середины 1960-х гг. Споры о ее происхождении и авторстве не утихают до сих пор. Миф о том, что это «аутентичная белогвардейская песня», хорошо известная среди белой эмиграции, активно распространяла в своих интервью Жанна Бичевская [2]. Однако по свидетельству историка Ю. С. Цурганова [12], она не встречается ни в одном из сборников «Песен Белой гвардии», выходивших за границей как до Второй мировой войны, так и после. Также он приводит рассказ о том, как в конце 1980-х гг. пленку с ее записью внимательно прослушали еще живые эмигранты первой волны, «после паузы разразились дружным хохотом» и вынесли единодушный вердикт: «Китч, дешевая поделка!»

Тем не менее, ставшая крылатой пошлая фраза: «А в комнатах наших сидят комиссары / И девочек наших ведут в кабинет» – стала визитной карточкой тех представлений о Гражданской войне, которые активно внедрялись в массовое общественное сознание в конце «перестройки» и в постсоветский период. Но отражала она вовсе не горечь разбитых иллюзий, оскорбленное благородство и поруганную дворянскую честь проигравших войну «белых рыцарей», а шкурно-собственническое нытье об утраченном богатстве той самой вызывающей гадливость публики, презрительное отношение к которой

¹ «Молитва» («Пошли нам, господи, терпенья...»). Стихи с посвящением «Их Императорским Высочествам Великим Княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне» были написаны С. Бехтеревым в октябре 1917 г. и переданы царской семье в Тобольск. Автор музыки предположительно Э. Хагагортыан, который указан как композитор в титрах телефильма «Государственная граница. Восточный рубеж» (Беларусьфильм, 1982). http://www.pokaianie.ru/article/romanovs_family/read/358 (дата обращения: 20.09.2018).

² Розенбаум Александр Яковлевич (род. 1951) – советский и российский певец, автор-исполнитель, поэт, музыкант, композитор и актер, заслуженный артист Российской Федерации (1996), народный артист Российской Федерации (2001). Автор нескольких «белогвардейских» песен. https://ru.wikipedia.org/wiki/Розенбаум,_Александр_Яковлевич (дата обращения: 20.09.2018).

³ «Поручик Голицын». Авторство текста точно не установлено. Мелодия заимствована у романса «Избушка», известного с 1930-х гг. С середины 1970-х гг. один из ранних вариантов песни входил в репертуар А. Северного. <http://a-pesni.org/grvojna/bel-dvor/porutchik.php>; https://ru.wikipedia.org/wiki/Поручик_Голицын (дата обращения: 20.09.2018).

в своем романе «Хождения по мукам» выразил граф Алексей Николаевич Толстой словами подполковника Рощина: «Люди, населяющие эту гостиницу, скопляющиеся на тротуарах, в табачных лавочках, кафе, шашлычных, торгующие и объегоривающие друг друга, были частью шумного, прожорливого стада, которое мычало и орало по всем отбитым у революции городам, где ему не мешали жрать, пить, совокупляться, жульничать и спекулировать... Это стадо надо было оберегать штыками и пушками, отвоевывать для него новые города, восстанавливать для него очищенную от большевистской скверны великую, единую, неделимую Россию...» [10].

В целом можно сделать вывод, что закончившаяся в 1922 г. Гражданская война активно велась на песенном «поле битвы» многие десятилетия спустя и продолжается до сих пор. Отсюда возникает вопрос: могут ли песни (как аутентичные изучаемой эпохе, так и созданные позднее) выступать в качестве полноценного исторического источника?

Все зависит от того, какую именно задачу ставит перед собой исследователь.

Подлинные песни своего времени, их содержание и настроение, а также процесс взаимовлияния песенных текстов, заимствования и переделки их «под себя» непримиримыми идеяными противниками, на наш взгляд, могут служить источником для сравнительного историко-психологического изучения морального духа противоборствующих сторон, во многом объясняя глубинные причины победы одних и поражения других.

Что касается поздних стилизаций, то они полезны для изучения исторической памяти различных социальных категорий населения СССР о Гражданской войне в России и о том, как эта память изменялась и искалась в период «оттепели» и «застоя», а затем в годы «перестройки» и в постсоветский период в рамках развернувшейся информационно-психологической войны.

Литература и источники

1. A-PESNI. Песенник анархиста-подпольщика. URL: <http://a-pesni.org/grvojna/Grvojna.php> (дата обращения: 20.09.2018).
2. Белая гвардия в стихах и песнях. Проект Сергея Карамаева. URL: <http://white-force.narod.ru/white.html> (дата обращения: 20.09.2018).
3. «Белогвардейский роман» в советском кинематографе // Музыкальная соцсеть «На Завалинке». URL: <http://tunnel.ru/post-belogvardejjskij-romans-v-sovetskem-kinematografe> (дата обращения: 20.09.2018).
4. В нашу гавань заходили корабли. Пермь: Книга, 1996.

5. История одной песни: «Институтка» или «Черная моль» // Музыкальная соцсеть «На Завалинке». URL: <http://tunnel.ru/post-istoriya-odnojj-pesni-institutka-ili-chernaya-mol> (дата обращения: 20.09.2018).
6. Краснов П. Н. От двуглавого орла к красному знамени: Исторический роман. Ч. 6–8 / Последние дни Российской империи. М.: Техномарк, 1996.
7. Ларионов В. Последние юнкера // Б. Ильзов, В. Ларионов. Ураган. Последние юнкера. М.: Издательский дом «Вече», 2007. (Белогвардейский роман).
8. Михайлик Е. «Гренада» Михаила Светлова: откуда у хлопца испанская грусть? // НЛО. Независимый филологический журнал. 2005. № 75. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/mi22.html> (дата обращения: 20.09.2018).
9. Муравлев А. Судьба автора популярной песни // Сибирские огни. № 12. 2007. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2007/12/mu9.html> (дата обращения: 20.09.2018).
10. Толстой А. Н. Хождение по мукам. Кн. 3. Хмурое утро. Глава 9. М.: Художественная литература, 1976.
11. Туркул А. Дроздовцы в огне. М.: Воениздат, 1995.
12. Цурганов Ю. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М.: Интранда, 2001.
13. Черный ворон. Песни дворов и улиц. Кн. 2. СПб.: Издательский дом «Пенаты», 1996.

Короткий Г. А.

Трагедия Гражданской войны через призму поэмы С. Есенина «Страна негодяев»

Аннотация. В статье рассматривается художественная реконструкция событий Гражданской войны одним из ее свидетелей – поэтом Сергеем Есениным. В малоизвестной в советское время поэме «Страна негодяев» стихотворец в образной форме представил противоборствующие в ней стороны (красных и их «попутчиков», белых, «зеленых») и дал интересный анализ произошедших в России трагических событий. Пытался раскрыть мотивы людей втянутых в кровавую бойню, показать комплексы идей, которые ими движут. Понять их поэту помогло прямое общение с участниками событий... Наиболее интересным, с моей точки зрения, является финал поэмы. Его С. Есенин изменял... До сих пор не обращалось внимание на то, что выбранная поэтом концовка во многом совпадает с собственной жизненной позиции автора и его отношением к Новой Власти.

Ключевые слова: Гражданская война, Русская революция 1917 г., послереволюционная разруха, С. Есенин, поэма «Страна негодяев».

Korotky G. A.

Civil War Tragedy in the Light of S. Yesenin's Poem «Country of Villains»

Annotation. The Article deals with the poetical reconstruction of the Russian Civil War's events by one of its witnesses – Russian poet Sergei Yesenin. In the poem

«Land of Scoundrels», which was little-known in the Soviet times, the poet represented the combatant groups (Reds and their «fellow travellers», Whites, Greens) in the form of artistic images and interestingly analyzed the tragic events which happened in the country. The Poet tried to reveal the motifs of people involved in the bloody fighting. He showed the complexes of ideas that inspired people... The Direct contact with the participants of the War helps Yesenin to do that. In my opinion the most interesting thing is the chosen end of the poem. Yesenin rewrote it... Up to now the researchers didn't pay attention yet to the fact that the chosen finale coinciding with his own life's position and his attitude to the New Russian Government.

Keywords: Russian Civil War, Russian Revolution, post-revolutionary economical collapse, S. Yesenin, poem «Land of Scoundrels».

«В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном», – напишет поэт в своей автобиографии [3, с. 6]. Впрочем, можно заметить, что в своем изображении трагических перипетий Гражданской Войны он поднимается выше «узко-крестьянского взгляда» и пытается дать широкую панораму событий, показав внутренние экзистенциальные мотивы ее участников... Не просто изображать события в черно-белом цвете, а понять психологию (душевые порывы) сражающихся сторон.

И этим талантливейший русский поэт может сослужить добрую службу исторической науке. В зеркале есенинских глаз участвующие в национальной междуусобице политические силы предстают в образе поэтических героев, чьи действия описываются не первом стремящегося к объективности историографа-позитивиста. Не заключаются в рамки интерпретативного текста идеолога, объясняющего все по априорно-принятой схеме... Они предстают в богатстве противоречий своей субъективной жизни, которая и придает объективно происходящему значение и силу.

Недаром поэт для своего художественного метода берет за образец ни много ни мало Шекспира. А известному советскому теоретику искусства А. Воронскому заявляет: «...Имейте в виду: я знаю – вы коммунист. Я – тоже за Советскую Власть, но я люблю Русь. Я – по-своему. Намордник я не позволю одеть на себя и под дудочку петь не буду. Это не выйдет» [3, с. 82].

Идея поэмы «Страна негодяев» – изображение Гражданской Войны во всей ее многомерности. Показать правду – и, соответственно, неправду – всех ее участников. Вывести на свет, что ими движет.

Понять. Изобразить не реалистически, а гиперреалистически. Чтобы лиризм и патетика поэтических слов сообщали читателю то, что не могут рассказать газетные хроники. Последние всегда суть искажение, преподносящее события под определенным углом... Даже если это угол – нарочитой «строгой объективности», который может

искажать историю не меньше намеренной предвзятости... Также как однобокие исторические мемуары.

Есенин слушает своих героев. Пытается влезть в их «шкуру». «Он берет на себя личную ответственность за *душу* каждого...» [4, с. 223]. Комиссаров, красноармейцев, колеблющихся попутчиков, бандитов. Личное знакомство с прототипами действующих лиц этому художественному проникновению помогает.

Поэма начинается с картины охватившей страну разрухи. На Россию словно опустилась тьма. Ночь, в которой не видно проблеска света. В этом мраке, как тени, копошатся герои и сетуют на происходящее.

Ну и ночь! Что за ночь!
Черт бы взял эту ночь
С... адским холодом
И такой темнотой...

Это еще ничего...
Там... За Самарой... Я слышал...
Люди едят друг друга...

В происходящем автор видит даже черты фатализма. В обрушившихся на Россию несчастиях проступает что-то неизбежное. Их невозможно избежать. Это выше человеческой воли.

Что же делать.
Когда выпал такой нам год?
Скверный год! Отвратительный год!..
Такой выпал нам год!
Скверный год!
Отвратительный год
И к тому же еще чертова выюга.

Красный комиссар Чекистов хочет этой природной и социальной фатальности противостоять. Бороться с самим Хроносом:

Мать твою в эт-твою!
Ветер, как сумасшедший мельник,
Крутит жернова облаков
День и ночь...
День и ночь...

А народ ваш сидит, бездельник,
И не хочет себе помочь.
Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный мужик!
Коль живет он в Рязанской губернии,
Так о Тульской не хочет тужить.

Есть мнение, что в образе Чекистова Есенин намеривался изобразить «демона Революции» Льва Троцкого. Даже о народе тот говорит не «наши», а «ваши»...

Однако, скорее, даже сама фамилия героя – «Чекистов» говорит о том, что это собирательный образ. Олицетворение чрезвычайных комиссий, которые хотят «поднять Россию на дыбы». Взнудить историю, и погнать в правильном направлении.

Хотя определенные параллели с Л.Д. Троцким действительно есть. На реплику собеседника, что он – «настоящий жид», а всамделишная его фамилия не Чекистов, а Лейбман... Тот со смехом возражает:

Ха-ха!
Ты обозвал меня жидом?
Нет, Замарашкин!
Я гражданин Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А обладающий даром
Укрощать дураков и зверей.
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет,
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы Божие...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.

Менее радикальные, но вполне в духе этих строк мысли можно действительно найти у Троцкого, который в работе «Литература и революция» утверждал, что «революция означает окончательный разрыв народа с азиатчиной, с XVII столетием, со святой Русью, с иконами и тараканами» [5].

Да и самому автору такие взгляды не вполне чужды. Хотя в 1923 г. Сергей Есенин писал:

...за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

Но как бы это не вязалось с его созданным в народном сознании мифологизированном образом, мог одновременно прикуривать от лампады иконы... [3, с. 220]. Или начертать:

Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплевываю изо рта...

Даже богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.

Ухвачу его за гриву белую
И скажу ему голосом выног:
Я иным тебя, господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!
(«Иония»)

В широту его русской натуры и первое, и второе прекрасно вмешалось.

Поэт объясняет читателю, откуда у «чекистовых», с которыми тесно общался в послереволюционные годы, такая ненависть ко всему старому и исконно русскому.

Чекистов: Видишь ли... я в жизни
Был беднее церковного мыши
И голодал вместо хлеба камни.
Но у меня была душа,
Которая хотела быть Гамлетом.

Организаторам и проводникам дела революции противостоит бандит Номах. Имя «Номах» без сомнения переделанная фамилия знаменитого анархиста Махно. (В частных разговорах поэт сам это

признавал [3, с. 174].) Хотя и этот персонаж нечто большее, чем его реальный исторический прототип.

В большей степени, чем распространять доктрины анархизма, он проповедует своеобразный русский бандитский экзистенциализм. Наглядно демонстрируя, как абстрактные общие анархистские установки легко перерастают в конкретный бандитизм.

Люди устраивают договоры,
А я посылаю их к черту.
Кто смеет мне быть правителем?
Пусть те, кому дорог хлев,
Называются гражданами и жителями
И жиреют в паршивом тепле.
Это все твари тленные!
Предмет для навозных куч!
А я – гражданин вселенной,
Я живу, как я сам хочу!..

Ваше равенство – обман и ложь.
Старая гнусавая шарманка
Этот мир идейных дел и слов.
Для глупцов – хорошая приманка,
Подлецам – порядочный улов.

Видна и общность Чекистова и Номаха. Комиссар называет себя «гражданином Веймара». Номах берет выше... Культурной Германии с теплыми сортирами и сублимированным эрзац-кофе – ему мало. Он – «Гражданин Вселенной».

Мне здесь на все наплевать.
Я теперь вконец отказался от многоного,
И в особенности от государства...
Я потерял равновесие...
И знаю сам –
Конечно, меня подвесят
Когда-нибудь к небесам.
Ну так что ж!
Это еще лучше!
Там можно прикуривать о звезды...

С таким Номахом («Махно») Чекистову («Троцкому»), конечно, трудно тягаться...

В бандита Есенин добавляет и частичку себя. Порой монолог Номаха просто повторяет некоторые строфы «Москвы кабацкой».

Мой бандитизм особой марки.
Он сознание, а не профессия.
Слушай! я тоже когда-то верил
В чувства:
В любовь, геройство и радость,
Но теперь я постиг, по крайней мере,
Я понял, что всё это
Сплошная гадость.
Долго валялся я в горячке адской,
Насмешкой судьбы до печенок израненный.
Но... Знаешь ли...
Мудростью своей кабацкой
Всё выжигает спирт с бараниной...
Теперь, когда судорога
Душу скрючила
И лицо, как потухающий фонарь в тумане,
Я не строю себе никакого чучела.
Мне только осталось –
Озорничать и хулиганить...

Высокая романтика мгновенно улетучивается, как только дело касается денег. Анархист планирует налет на эшелон, перевозящий золотые слитки.

Третью силу в поэме представляет красноармеец-доброволец Замарашкин. Он спорит и с комиссарами, и с бандитами, отстаивая национальную идею.

Я не был никогда слугой.
Служит тот, кто трус.
Я не пленник в моей стране,
Ты меня не заманишь к себе.

Возможно через Замарашкина поэт хочет озвучить свои чувства и чувства других «попутчиков» Советской Власти, потому что схожие с этими словами тирады Есенин произносил не раз... На манер той,

которую сказал марксисту Воронскому (расстрелянному в 1937 г.), обозначая то, что их разделяет.

Автор не скрывает слабости попутчиков. Симптоматична сама фамилия «Замарашкин». Запутанность позиции интеллигента демонстрирует даже то, что ничего идейно внятного он не формулирует.

Налетчика не может остановить, комиссара – переспорить. И именно в его уста вкладываются слова о бессилии перед нависшим над страной историческим Роком, перед опустившимся Царством Ночи.

Помнишь, мы зубрили в школе?
«Слова, слова, слова...»
Впрочем, я вас обоих
Слушаю неохотно.
У меня есть своя голова.
Я только всему свидетель...

В поэме веет настроениями шекспировского «Гамлета» и блоковского «Балаганчика». И видимо, так этот период российской истории воспринимал и сам поэт.

Казалось бы, это время действия и социальной активности, но попавшие в водоворот событий народные массы парадоксально ощущают свое бессилие. В Самаре уже «едят людей», а попутчик Замарашкин охраняет железную дорогу.

Брутальный Номах торжествует над ним. Упивается своей властью. Оскорбляет.

Ты, как сука, скулишь при луне...

Комиссары грозят расстрелять. Интеллигент не может ответить...
Оба комбатанта выигрывают на его растерянном фоне.

Еще более комично показано дворянство. «Бывшие»... Их Сергей Есенин встречал в московских, берлинских, парижских кабаках в большом количестве.

Реальной идейной силы они не представляют. Что видно и предрешило их поражение в произошедшей Гражданской Войне.

Катастрофа белого движения состояла в том, что им нечего было предложить детям рабочих и крестьян. Поэтому белые не могли вдохновить на что-то и народного поэта С. Есенина.

Все разговоры «по душам» сводились к тому, как раньше было хорошо, а теперь плохо, когда властвует хам. Отсюда и такое изображение поэтом «бывших».

Бывшие поют песню Петра Лещенко.
Все, что было.
Все, что мило.
Все давным-давно
Уплы-ло...

А вот красные крепки духом, и настроены решительно. Они не поддаются унынию и знают, что делать.

Сплоченность, убежденность, организованность – их оружие.
Несмотря на тяжесть положения, они единственные, кто смотрит в будущее.

И кому же из нас незнакомо,
Как на теле паршивый прыщ, –
Тысчи лет из бревна да соломы
Строят здания наших жилищ.
10 тысяч в длину государство,
В ширину окло верст тысяч 3-х.
Здесь одно лишь нужно лекарство –
Сеть шоссе и железных дорог.
Вместо дерева нужен камень,
Черепица, бетон и жесть.
Города создаются руками,
Как поступками – слава и честь.
Подождите!
Лишь только клизму
Мы поставим стальную стране,
Вот тогда и конец бандитизму,
Вот тогда и конец резне.

Этим они и притягивают Замарашкина и других попутчиков. Интеллигент Замарашкин готов слушаться их приказов.

Это уже не просто «слова, слова, слова...».

Впрочем, есенинские комиссары признают, что в отношении крестьянства они перегнули палку. В расцвете бандитизма есть доля и их вины.

У нас портят железные дороги,
Гибнут озими, падает скот.
Люди с голоду бросились в бегство,
Кто в Сибирь, а кто в Туркестан,

И оскалилось людоедство
На сплошной недород у крестьян.
Их озлобили наши поборы,
И, считая весь мир за Бедлам,
Они думают, что мы воры
Иль поблажку даём ворам.
Потому им и любы бандиты,
Что всосали в себя их гнев.

Гражданская война продолжается и из-за властного произвола красных.

И в ответ партийной команде,
За налоги на крестьянский труд,
По стране свищет банда на банде,
Волю власти считая за кнут.

В этих строках, безусловно, отразилась мрачные реалии постреволюционной ситуации, которым поэт был свидетель. И вину за которые возлагал на коммунистическое руководство.

В письме Н. Клюеву 5 мая 1922 г. – «В Москву я тебе до осени ехать не советую, ибо здесь пока все в периоде организации и пусто – хоть шаром покати.... Голод в центральных губ[ерниях] почти такой же, как и на севере» [2].

В знаменитом письме А. Б. Кусикову из-за границы 7 февраля 1923 г.: «Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется.... Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это бл...дское снисходительное отношение власть имущих, а еще тошней переносить подхалимство своей же братии к ним... Ну да ладно, оставим этот разговор про ТЁтку» [2].

Без сомнения Есенин, как и его герои, осознавал мощь коммунистов. Силу организации, вбирающей людей и осуществляющей функцию власти над Россией.

Организации, имеющей тысячи ячеек, работающих по единому плану. Несогласные единичные личности сметались, как пыль, на ее пути. Неслучайны слова о загадочной «ТЁтке» (ГПУ) в письме Кусикову...

Таким образом, финал поэмы приобретал судьбоносное значение.

Если бы действие завершилось поимкой Номаха, это означало окончательное принятие Есениным установленных для литературы правил.

Организация и идейная крепость побеждают стихию. Поэт признает правоту Советской Власти, и ассоциирует себя с ней.

Также как Номаха, выловят других повстанцев. Есенин из «попутчика» станет советским писателем. Писателем, поставившим свое перо на служение Партии.

Трудно представить себе произведение советского автора, в котором над чекистами одержал бы победу бандит... (Я такого советского фильма не видел ни разу.)

Такую развязку «Страны Негодяев» в черновом варианте Есенин действительно писал... [1]. Но Сергей Александрович, как замечают многие, был поэт необычный. В его творчестве литература и жизнь не просто соприкасались, или отражались, но сливались друг с другом.

Искусство становилось жизнью, а жизнь – искусством. Подобный финал поэмы, хотя, в общем, он соответствовал исторической истине, поэта не устраивал.

Искусство должно было победить жизнь. А налетчик Номах – чекистов. Вопреки всякой логики уйти у них прямо из-под носа... Унести с собой украденное у государства золото.

Как бы власть не старалась, какие бы меры не принимала, какие бы гайки не закручивала... Стихия должна оставаться неукрощенной.

Также как чувство симпатии автора к выдуманному анархисту-бандиту не укрученным рассудочными доводами, что так быть не должно...

Избранная концовка – хотел этого автор, или нет... – показала и еще одну важную вещь. Окончательная победа в Гражданской войне любой из сторон невозможна. В душах людей всегда остаются непобежденные зоны...

Точки сопротивления.

Осознанно или неосознанно они себя проявляют.

Литература и источники

1. Еременко Н. А. Американская тема в творчестве С. А. Есенина: поэтика и контекст (Диссертация). URL: http://imli.ru/upload/docs/Dissertaciya_Eremenko.pdf (дата обращения: 20.09.2018).
2. Есенин С. А. Письма. URL: <http://esenin-lit.ru/esenin/pisma/pisma.htm> (дата обращения: 20.09.2018).
3. Есенин С. А. Эта жизнь мне только снится. М.: АСТ, 2015.
4. Куняев Ст. Ю., Куняев С. С. Сергей Есенин. М.: Молодая гвардия, 2015.

5. Trotsky L. Literature and Revolution. Haymarket Books, 2005. URL: <https://rosswolfe.files.wordpress.com/2015/05/leon-trotskii-literature-and-revolution-1923.pdf> (дата обращения: 20.09.2018).

Смирнов А. Г.

Отражение отечественной культуры повседневности периода Гражданской войны в творчестве И. А. Владимирова

Аннотация. Статья посвящена интерпретации повседневных реалий России эпохи Гражданской войны в творчестве Ивана Алексеевича Владимирова. Рисунки и картины этого художника, созданные в 1918–1923 гг., по сути, являются визуальными документальными источниками. Наиболее важные и проблемные темы его работ, такие как голод, социальная дифференциация, преступность и др., рассматриваются в контексте исторических событий. Автором использованы картины, находящиеся в России, а также малоизвестные до недавнего времени акварели, вывезенные за границу. Также в статье представлена эволюция взглядов художника на рассматриваемые события в период с 1918 по конец 1930-х гг., во многом связанная с динамикой социально-политических процессов в нашей стране.

Ключевые слова: Гражданская война, Иван Алексеевич Владимиров, история, живопись, культура повседневности, художественное творчество.

Smirnov A. G.

Reflection of the Russian domestic culture of everyday life during the Civil war in the creative work of I. A. Vladimirov

Abstract. The article is devoted to the interpretation of everyday realities of Russia during the Civil war in the creative works of Ivan Alekseevich Vladimirov. Drawings and paintings of the artist, created in 1918–1923 years, in fact, are visual documentary sources. The most important and problematic topics of his works – such as hunger, social differentiation, crime, etc. – are considered in the context of historical events. The author used the paintings in Russia, as well as little-known until recently watercolors, exported abroad. The article also presents the evolution of the artist's views on the events under consideration in the period from 1918 to the end of the 1930s years, largely related to the dynamics of social and political processes in our country.

Key words: The Civil War, Ivan Alekseevich Vladimirov, history, painting, culture of everyday life, artistic creativity.

Культура повседневности является одним из важных аспектов историко-культурологического знания, позволяющих отразить специфику событий прошлого и их восприятия очевидцами. Ведь исследовательский интерес представляют не только официальные

документы, но и субъективный взгляд на происходившее современников, который обычно не подвергался ретуши.

Среди многочисленных участников и очевидцев отечественных революций 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны был и художник Иван Алексеевич Владимиров. Его работы, созданные в этот период, отражают постреволюционные события на бытовом, повседневном уровне. Картины художника интересны как в плане визуальных свидетельств современника, так и в компаративном аспекте, когда сравнение созданных в разные исторические периоды работ показывает изменения интерпретации происходившего в переломную для нашей страны эпоху.

В дореволюционный период Владимиров, закончивший в 1893 г. Академию художеств, писал преимущественно жанровые и батальные картины [1, с. 51–81, 104–107, 114–159]. При этом многое из изображенного было увидено им лично. Например, на основании созданных на Дальнем Востоке набросков периода Русско-японской войны были написаны картины «Артиллерийский поединок», «Допрос пленного», «Разведка в ливень» и ряд других. Во время Первой мировой войны художник был ранен и удостоен медали «За храбрость». А его рисунки, отражавшие фронтовые будни, регулярно публиковались в отечественном журнале «Нива» и британском «The Graphic». Именно эти работы во многом сделали Владимира широко известным для современников художником. Желанием видеть изображаемые события лично Владимиров будет руководствоваться и далее, что делает его работы периода Гражданской войны особенно ценными в историко-культурном плане.

Иван Алексеевич не был оппозиционером. Его работы, опубликованные в начале 1917 г. в «Ниве», посвящены фронтовым будням и не носят критического характера («Телефонисты», «Неожиданная встреча», «Вкусный трофей», «У колодца», «Нападение немецкого хищника на транспорт раненых», «Пленные») [6, № 2, с. 17; № 5, с. 65; № 10, с. 147; № 11, с. 168–169]. Однако он сразу принял Февральскую революцию. Более того, вступил в милицию и был в ее

Рис. 1

рядах до середины 1918 г. Этот аспект важен, ведь имелась альтернатива присоединения и к погромщикам, действовавшим под лозунгом слома всего старорежимного. Милиция же олицетворяла не хаос, а новую власть. В связи с этим не случайно название одного из рисунков Владимира – «Милиционер. На страже правопорядка» (рис. 1) [6, № 20, с. 303].

Таким образом, художник стал не только очевидцем, но и участником событий переломной эпохи. Однако это не помешало творчеству. Впоследствии он вспоминал: «Во время моей милицейской службы я всегда имел с собой альбомчик и свободно зарисовывал все, что живо интересовало меня. Придя домой, я дополнял по своему впечатлению нужные штрихи в зарисовках и даже иногда закрашивал их акварелью и таким образом собрал богатый документальный материал для будущих картин» [5, с. 106].

Данные слова подтверждаются современниками. В частности, журналист издания «Биржевые ведомости» писал в апреле 1917 г. о художнике и его работах: «Владимиров все первые дни нового строя <...> исполнял обязанности милиционера. И вся революция развивалась и катилась на его глазах. Вот почему документальны и правдивы все эти катящиеся грузовики, ощетинившиеся десятками штыков, и эти атаки участков и крыш, где засели городовые» [2].

Важной характеристикой работ Владимира, в том числе рассматриваемого периода, является отражение бытовых сторон жизни современников. Парадные, пафосные картины он не писал еще во время учебы в Академии художеств. Также крайне редки у него и портреты представителей политической элиты. Отметим лишь несколько сделанных изображений В. И. Ленина.

Революционные события октября 1917 г. в значительной мере раскололи общество. Радикализация классовой и политической борьбы, резкое снижение уровня жизни существенно девальвировали нравственные ценности и маргинализировали часть общества. Свержение монархии и слом старых устоев не привел к скорой реализации идеалистических установок и наступлению светлого будущего для трудящихся. Политические лозунги сильно отличались от повседневных реалий. Не случайно в Китае существует древнее пожелание зла недругу: «Живи во время перемен». Нам более известны слова А. С. Пушкина о беспощадности русского бунта [7, с. 328]. Поэтому не удивительно, что в работах Владимира отражены преимущественно неприглядные стороны повседневной жизни периода Гражданской войны.

Отметим, что не все картины и рисунки предназначались для отечественного зрителя. Как мы уже отметили, еще до революции Иван Алексеевич сотрудничал с журналом «The Graphic», подписывая свои работы Jonh Vladimiroff. Великобритания значительное время не признавала власть большевиков, что нашло отражение в тенденциозных заголовках издания. Например, зарисовки Владимира, посвященные столкновениям вооруженных отрядов на улицах Петрограда, вышли в сентябрьском номере (при Временном правительстве) под названием «Russia in Revolution». А опубликованные в ноябре (при большевиках) сцены разграбления дворянской усадьбы, где нет кровопролития, озаглавлены в ином, негативном ключе – «Anarchy in Russia» [10, с. 257, 615].

Также с 1921 г. Владимира, хорошо владевший английским языком (его мать была англичанкой), работал в Американской администрации помощи голодающим (ARA). Ее сотрудники покупали картины художника. Наиболее значительная их часть (39 работ) была приобретена Френком Голдером для Гуверовского института (Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University, USA), где они и находятся в настоящее время [12].

Нельзя сказать, что в продаже работ за рубеж на тот момент виделось что-то негативное. В коллекциях отечественных музеев собраны значительные коллекции зарубежных мастеров. А большевики, прияя к власти, активно продавали за границу отечественные культурные ценности. Владимирову же сотрудничество с иностранцами помогло выжить в условиях голода.

Об ужасных последствиях постреволюционной эпохи свидетельствует созданная преимущественно в 1919 г. серия работ под общим названием «Голодные годы в Петрограде». Шокируют сцены огромных очередей за хлебом и супом, разделывание голодающими на мостовой мертвых лошадей, поиски женщинами еды среди мусора, изображение умершего от голода человека. Но нет ли здесь фальсификации, желания автора угодить заказчикам, в целом негативно воспринимавшим смену власти в России?

В апреле 1918 г. в Петрограде по существовавшим нормам выдавали всего 1/8 фунта (около 50 граммов) хлеба в сутки! И то его запасов в городе было всего на 6–7 дней [3, с. 44]. Проблема снабжения города не была решена и к 1919 г. Для сравнения: в блокадном Ленинграде норма хлеба составляла 125 граммов в сутки и общеизвестны катастрофические последствия голода в тот период.

Около половины горожан в то время покинули города и переселились в деревню. Голод был столь страшен, что Владимира на

обороте одной из картин написал: «Lady and her daughter searching for potato-peel and herring-heads to eat (January 1919). Drawn from nature» («Дама и ее дочь ищут картофельные очистки и головы селедки, чтобы поесть. Январь 1919. Взято с натуры»; рис. 2). Количество выдаваемого хлеба не позволяло выжить. Очередь за ним также отражена в работе художника с указанием нормы выдачи – «Waiting to receive an eighth of a pound of bread» («Ожидание получить 1/8 фунта хлеба», 1919; рис. 3) [12].

В этом контексте не видится ничего намеренно антисоветского в зарисовках художника. В Петрограде большинство населения, независимо от социального происхождения, действительно оказалось на грани выживания. Общность перед голодом видна из названия другой картины – «Hungry people of all classes eating their portions at the doors of a «Communal dining room» («Голодные люди всех классов едят свои порции у дверей коммунальной столовой», 1919). Также

Рис. 2

Рис. 3

возможностью выжить и обыденной практикой был изображенный художником «Обмен промышленных товаров в деревне, недалеко от железнодорожного вокзала» (1919) [12].

Исходя из вышесказанного, нет оснований считать, что Владимиров искажал события. При этом датировка работ указывает, что они были созданы художником до начала его работы в АРА и заказчик никак не мог влиять на выбор тем и их трактовку. Недоверие может быть связано скорее с тем контрастом, который возникает при сравнении современной, в целом благополучной жизни со страшными повседневными реалиями постреволюционной эпохи.

В рассматриваемое время появляется нечто новое у аполитичного в целом художника — ненавязчивое, но отчетливое авторское отношение к происходящему как в сюжетных линиях, так и в названиях работ или их описаниях. И в первую очередь оно видно в отношении представителей бывшей социальной элиты, идентифицируемых новой властью в качестве классовых врагов. Например, в двух работах из упомянутой серии «Голодные годы...» дана антитеза: голодающие, униженные «бывшие» и торжествующие победители («На улицах Петрограда», 1918 (рис. 4), «Бывшие», 1918).

Рис. 4

Для рассматриваемой эпохи характерна дилемма «свои – чужие» по классовому принципу. В эпоху военного коммунизма была введена всеобщая трудовая повинность. При этом декретом Совета народных комиссаров от 5.10.1918 г. особо оговаривалась обязательность труда для буржуазных элементов. Под настоящим трудом в большинстве случаев понималась не интеллектуальная, а физическая работа. И мы видим представителей дворянства, буржуазии и духовенства, занимающихся неквалифицированным трудом: чисткой конюшен, вывозом мусора и пр.

На картинах Владимирова наглядно продемонстрирована классовая рокировка: пожилые «бывшие эксплуататоры» работают, а молодые вооруженные «бывшие трудящиеся» с торжеством наблюдают за процессом. В двух названиях даже присутствует слово «каторга», отражающее скорее не физическую тяжесть труда, а моральное унижение. Этическая составляющая представленного вызывает сочувствие к «униженным и оскорбленным». Ведь в дореволюционной России издревле существовала традиция жалости к осужденным преступникам, основанная на христианском вероучении. А «бывшие» находятся под конвоем, т. е. в неволе.

Исходя из названий картин – «Каторга для русского духовенства. Священники принуждены чистить навоз в казарменных конюшнях»

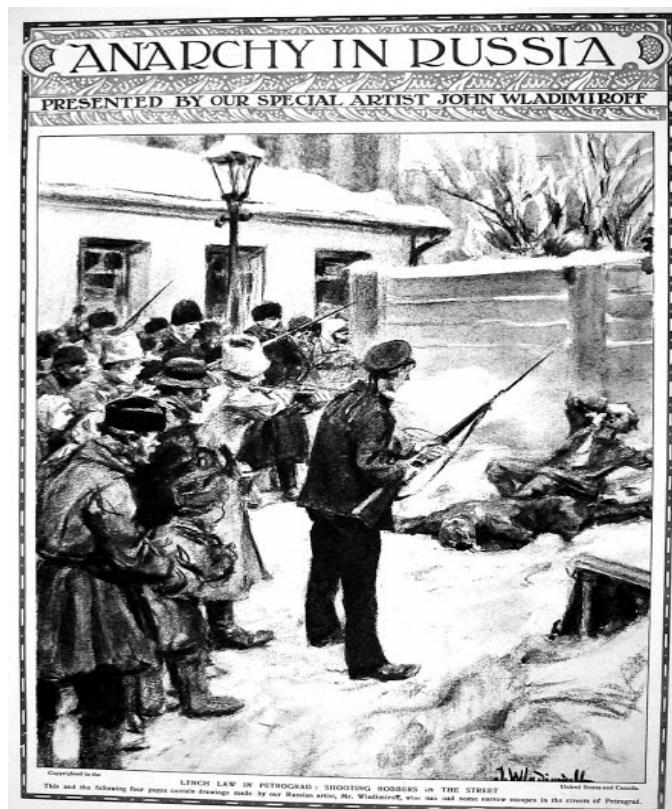

Рис. 5

развития страны. Однако слом эпохи судьбы.

Сочувствие Владимира к «бывшим», представленное визуально, кажется очевидным. Но трактовка трудностей людей из данной общественной среды может трактоваться и в русле восстановления социальной справедливости, провозглашаемой новой властью. Поэтому мы можем опираться в этом вопросе и на письменные свидетельства художника, что исключает неопределенность. Это подписи Владимира к картинам. Например, название «Family of an engineer dragging home some fuel, 01.1919» («Семья инженера везет домой дрова») абсолютно нейтрально. Но следующая за ней фраза радикально расставляет акценты: «Miserable life of intelligent and noble Russian families in Petrograd during the revolution» («Жалкая жизнь умных и благородных русских семей в Петрограде во время революции»). Схож и другой комментарий к картине 1919 г. «Жизнеустройство бывшей элиты»: «Жалкая жизнь русских дворян и лиц высокого ранга во время революции» [12].

Изменение политической системы в стране, радикальная трансформация аксиологических установок, резкое снижение уровня

(1918) и «Каторжный труд для богатых купцов, знати и преступников в революционные годы» (1919/1922) [12], новая власть с классовых позиций приравнивала дворян, купцов и клириков к уголовным преступникам. Выходцы из этих социальных слоев в СССР действительно старались не афишировать свое происхождение.

Очевидно, что революция сначала воспринималась многими, в том числе представителями интеллигенции, в идеалистическом ключе, как новый, позитивный этап

часто ломает и человеческие

жизни большинства населения и пр. привели к маргинализации и криминализации части социума. Еще после Февральской революции были освобождены как политические, так и уголовные заключенные. Полиция перестала функционировать, а милиционеры не имели должной профессиональной подготовки.

Маргинализация и криминализация в переломные этапы не удивительна. Владимиров, служа в милиции, был очевидцем происходящего на улицах. Ожесточение общества девальвировало ценность человеческой жизни. Художник изобразил один из таких эпизодов – расстрел пойманных грабителей без суда («Lynch Law in Petrograd: Shooting robbers in the street»; рис. 5) [11, с. 457].

Кровавые расправы начались еще в период Февральской революции («Преследование полицейских», «Обстрел здания полиции» и др. [4, с. 140–141]). Во время Гражданской войны такие сцены стали обыденной реальностью. Они проходили стихийно, по принципу инаковости на классовой основе. У художника изображена сцена убийства двух привязанных к перилам моста офицеров («Расстрел», 1918). А после карательные акции были упорядочены («В подвалах ЧК», 1919). При этом методы белых также не отличались гуманизмом («Расстрел крестьян белоказаками», 1920-е).

Еще одна проблемная тема эпохи – беспризорность, борьбой с которой позднее будет усиленно заниматься советское руководство. Голод, потеря родных, отсутствие перспектив – все это ставило детей на грань выживания. Поэтому задержание малолетних преступников милицией – также обыденная реальность переломной эпохи. Одна из акварелей Владимира изображает, как двоих мальчиков задерживают за совершение кражи («Two boys arrested for stealing», 1918/1923) [12].

Группы беспризорников были обычным явлением в городах. Окружающие обычно даже не обращали внимания ни на них самих, ни на их проказы («Развлечения подростков в Императорском саду», нач. 1920-х; рис. 6).

Новые революционные веяния захватили и деревню. На двух картинах мы видим сцену разграбления помещичьей усадьбы князя

Рис. 6

Долгорукого. Явление в целом повседневное для того времени и воспринимавшееся большинством крестьян как торжество справедливости. При этом крестьянство не воспринимало национализацию собственности помещиков иначе как сквозь призму личного обогащения. О коллективном пользовании помещичьим домом речь обычно не шла – его обычно сначала грабили, а потом, как символ чуждой культурной традиции, сжигали. Народный бунт стихиен и не связан с рациональным расчетом.

Часть полученного подобным образом имущества оказывалась затем ненужной в крестьянском хозяйстве. И мы видим детей, с интересом пробующих самостоятельно освоить игру на рояле, который находится в сарае, рядом со свиньями («У рояля», 1920-е) [8].

Интересно, что Владимиров сделал много набросков с натуры и позднее использовал их при написании картин. Иногда работы схожи по сюжету и композиции, но сделаны в разное время для разных заказчиков. Их сравнение также представляет исследовательский интерес как с точки зрения вопроса верификации изображенного, так и интерпретации сюжетов. Приведем лишь один пример, так как данная тема требует детального рассмотрения. Упомянутая нами ранее сцена разгрома дворянской усадьбы впервые встречается в британском журнале «TheGraphic» в ноябре 1917 г. в виде двух работ под общим названием «Pillage: Plundering the country house of prince Dolgoruki» [10, с. 615]. Написанная в 1926 г. картина «Разгром помещичьей усадьбы» практически ничем не отличается по сюжету. Однако новое название без конкретизации места происходившего позволяет создать обобщенный образ событий в революционной деревне и не искажает при этом исторические реалии.

Можно отметить и вопрос о корректности названий картин, купленных зарубежными заказчиками. Здесь можно найти неточности. Например, на картине «Русские моряки и женщина, играющие в карты» мы видим не только матросов (среди играющих лишь один моряк, а другой наблюдает за игрой), но и гражданских лиц. В изображении пассажиров поезда тенденциозно подчеркивается, что поезд большевистский («Bolshevik train passengers»). Наиболее субъективна подпись к картине «Погребение рабочего» (1920) – «Захоронение работника, который не был коммунистом. Коммунисты всегда пышно хоронят» («Burial of a workman who was not a communist. Communists are always buried magnificently») [12].

Однако названия остальных работ соответствуют изображенному на них и представляются корректными, отражая различные аспекты происходивших в переломную эпоху событий. Также художник не

обязан быть беспристрастным и имеет полное право на личную и субъективную оценку увиденного в те дни.

Но вернемся к теме постреволюционной деревни. Обещание дать землю и принятый уже 26 октября 1917 г. декрет «О земле» привлекли на сторону большевиков многих крестьян и вышедших из деревенской среды солдат. Однако на практике получение земли не привело к наступлению «золотого века» в деревне. Власть в государстве изменилась, но не исчезла, а самостоятельность крестьян уже в 1918 г. стала номинальной. В условиях отмеченного нами голода в городах продолжение введенной еще в декабре 1916 г. продразверстки оказалось неизбежно. Но ее методы значительно ужесточились. Крестьянину, мало интересовавшемуся

глобальными политическими событиями и

сосредоточенному на нелегкой повседневной работе, казалось непонятным, почему новая власть под угрозой расправы конфисковывала у него необходимый в хозяйстве скот и выращенный с таким трудом хлеб («Реквизиция муки у богатых крестьян в деревне», 1922, «Реквизиция скота для Красной армии в деревне под Лугой», 1920) [12].

Новая власть появилась в деревне достаточно скоро. Мы видим ее представителей, изображенных Владимировым, в окружении крестьян, недоверчиво слушающих приехавшего в сопровождении вооруженных людей активиста («Уроки коммунизма для русских крестьян», 1922) [12].

В отношении «эксплуататоров» позиция представителей новой сельской власти мало отличалась от городской. Мы видим священника и помещика в комитете бедноты. Сцена похожа на разбирательство или допрос. Но подпись автора картины трагична: «Landlord and a Russian Pope condemned to death by a revolutionary tribunal» («Помещик и священник приговорены к смерти революционным трибуналом», 1919) (рис. 7) [12].

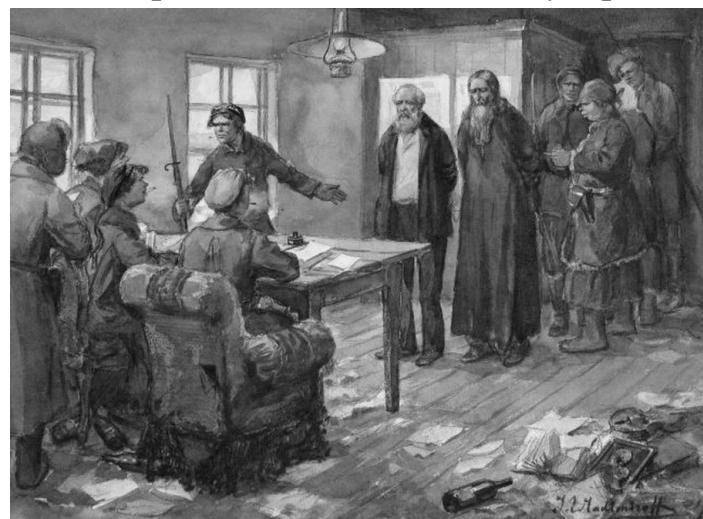

Рис. 7

Церковь, отделенная от государства в 1918 г., воспринималась атеистической властью как классовый враг. Отсюда изображения арестов священников, конфискация церковных ценностей и пр.

Важным аспектом видятся представленные художником образы людей из «новой элиты». Их резко повысившийся социальный статус трудящихся и эксплуатируемых прежней властью часто сочетался с маргинальностью. Конечно, не корректно ожидать изысканных манер от людей, в массе своей не имевших образования, выросших в очень

Рис. 8

тяжелых условиях и занимавшихся преимущественно тяжелым физическим трудом. Но Владимира с тонким сарказмом иллюстрирует на постреволюционном материале русскую поговорку «Из грязи – в князи». Его картины «В театре, царская ложа» (1918), «На посту» (1918) (рис. 8), «За чтением газеты «Правда» (1918/1923) (рис. 9), «В пивной „Старая Бавария“» (1920-е гг.) [8] и др. близки сатирическим произведениям

М. М. Зощенко. Еще более ряд героев художника схож с Шариковым, Швондером и иными персонажами «Собачьего сердца» М. А. Булгакова.

При этом ошибочно считать, что художник негативно относился к рабочим и крестьянам. Им критично воспринимались не трудящиеся, а те, кто, поняв привилегированный статус выходца из «низов», ощутил свою власть. Например, на картине «Некому защитить» (1921) мы видим элементарное бытовое хамство. К женщине пристают отнюдь не пролетарии, а пьяные маргиналы.

Рис. 9

К концу 1920-х гг. сюжеты картин Владимира и их трактовка значительно меняются. Образы участников Октябрьской революции и красных в Гражданской войне обретают позитивный характер. В ряде работ появляется масштабность исторически значимых изображаемых событий («Захват врангелевских танков Красной Армией под Каховкой», 1930; «Ликвидация врангелевского фронта», 1932 и др.).

Сторонники старого режима почти не встречаются на его картинах. Вероятно, художник, любивший делать зарисовки с натуры, не мог лично видеть белогвардейцев и поэтому мало изображал их. Отметим лишь одну монументальную его работу на данную тему «Бегство буржуазии из Новороссийска» (1926) [8], где показана как трагедия сторонников старого порядка, так и их оторванность от страны и народа. После поляризовавшей общество Гражданской войны белых эмигрантов начали воспринимать как врагов, хотя бегство часто было способом спастись от расправы, что видно из некоторых рассмотренных нами работ Владимира.

На картинах с бытовыми сюжетами также видны перемены. Одна из первых таких работ – «Трактор в деревне» (1925). Появляются у Владимира и изображения руководителей страны. Для эпохи создания творческих союзов и формирования художественного метода социалистического реализма в искусстве это не удивительно. Отсюда появление образа единства Ленина и Сталина как творцов Октябрьской революции («Ленин и Сталин в разливе летом 1917», 1930-е) (рис. 10), сюжет из дореволюционного прошлого Сталина («И. В. Джугашвили (Сталин) в заключении», 1930-е – первая пол. 1940-х).

Достаточно просто счесть такую метаморфозу конформизмом. Представители интеллигенции, лояльные советской власти и вступившие, например, в Союз художников СССР, имели значительные привилегии как в творческом, так и в материальном плане.

Не стоит сбрасывать со счетов и версию вынужденной лояльности и уступок. Оппозиционность в рассматриваемую эпоху могла нанести ущерб не только в финансовой или художественной сферах. Несогласие с политикой партии

Рис. 10

трактовалось как враждебность власти в целом. А это грозило репрессиями как лично художнику, так и его родным и друзьям.

Однако можно предположить и искреннее принятие Владимировым новой власти. Ведь и до революции он не принадлежал к оппозиции. Последовавшее по окончании Гражданской войны укрепление государственной власти, ее ориентация на развитие страны, декларируемое и частично реализуемое улучшение социально-экономического положения населения могли возродить доверие к новой власти. Суждения человека не константны и могут меняться в течение времени и в зависимости от обстоятельств.

Отметим, что еще до революции Владимиров был членом многих художественных союзов, в том числе знаменитого Товарищества передвижных художественных выставок. Глава последнего, П. А. Радимов, стал в 1922 г. председателем Ассоциации художников революционной России (АХРР), на основе которой в 1932 г. был создан Союз советских художников. Так что мы можем проследить прямую преемственность объединений, в которые входил Владимиров.

Образы постреволюционной эпохи, созданные непосредственно в то непростое время, и картины, написанные с середины 1920-х гг., имеют существенное различие. Переломная эпоха и связанные с ней голод, нищета, насилие, маргинализация части населения и неизвестные перспективы (как на личностном, так и государственном уровнях) не внушили оптимизма. Поэтому и повседневные реалии отражались художником без прикрас, в их неприглядном виде. При этом в работах, выполненных для иностранных заказчиков, нет явной тенденциозности в отражении повседневных реалий.

Многие работы, созданные с конца 1920-х гг., написаны уже в соцреалистической манере и не противоречат созданной к тому времени официальной трактовке событий революции и Гражданской войны. И эта трансформация также важна как свидетельство изменений социальных процессов в нашей стране.

Можно констатировать, что И. А. Владимиров был свидетелем сложного, переломного для отечественной истории и культуры времени. Трактовка событий той эпохи художником может оцениваться по-разному. Это не удивительно, так как спустя столетие в нашем обществе не сложилось однозначной позиции относительно Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны. При этом, дискутируя о глобальных

событиях, важно не забывать и о бытовых реалиях. Переломная эпоха имеет свои издержки и трагедии. И они очень болезненны для очевидцев. И в творчестве Владимира важным видится интерес именно к повседневной жизни обычных людей, ради которых (часто на декларативном уровне) и начинаются великие преобразования. И именно этот ракурс делает творчество И. А. Владимира, еще недостаточно изученное специалистами, интересным и важным как в художественном, так и в историко-культурном аспектах.

Литература и источники

1. *Баторевич Н. И.* Всю жизнь я служил России... Жизнь и творчество художника И. А. Владимира. СПб.: Дмитрий Булганин, 2013. 368 с.
2. Биржевые ведомости. 1917. 13 апреля.
3. *Вихров В. М.* Председатель Петросовета Г. Е. Зиновьев и организация продовольственного снабжения Петрограда (1918–1919) // Известия российского государственного пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2011. № 127. С. 43–48.
4. Искры. 1917. № 18.
5. *Лапшин В. П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М.: Советский художник, 1983. 495 с.
6. Нива. 1917. № 2; 5; 9–11; 20.
7. *Пушкин А. С.* Капитанская дочка // Соч. В 3 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1986. С. 229–328.
8. Революция. Первый Залп. Иван Владимиров – свидетель непростого времени. URL: <https://www.sovrhistory.ru/events/exhibition/588784e768618b0366bde9bb> (дата обращения: 31.05.2018).
9. *Роцин А. И.* Иван Алексеевич Владимиров. Жизнь и творчество. М.: Художник РСФСР, 1974. 84 с.
10. The Graphic. 1917. 1 September, 17 November.
11. The Graphic. 1918. 13 April.
12. Hoover institution. Collection: Ivan Alekseevich Vladimirov. Paintings. URL: <https://digitalcollections.hoover.org/advancedsearch/objects/collectionId%253A59114/list?filter=collectionTitle%3AIvan%20Alekseevich%20Vladimirov%20Paintings&page=1#filters> (дата обращения: 31.05.2018).

Васильева В. В.

Образ женщины периода Гражданской войны в художественной литературе

Аннотация. В данной статье поднимается вопрос о роли женщин в период Гражданской войны и отражение ее в источниках, историографии, литературе и культуре. Поднимается вопрос трагичности женской судьбы в военное время. Автором приводятся примеры из художественной литературы, которые ярко иллюстрируют образы женщин того времени.

Ключевые слова: гендер, женщины, Гражданская война, искусство.

Vasileva. V. V.

The Image of a Woman of the Civil War Period in Belletristic Literature

Abstract. This article rises the question of the woman's role in the Civil War period and its reflection in the historical sources, historiography, literature, and culture. The tragedy of women's fate in war time has been emphasized. The author suggests the examples from the artistic literature, which vividly depict the images of women of that time.

Key words: gender, women, civil war, arts.

Образ женщины традиционно был отражением эпохи в любой художественной литературе. Литература помогает современному поколению более тонко понять образ женщины в ту или иную эпоху. Мы привыкли видеть в образе женщины легкость, нежность, заботу, любовь и ласку, хранительницу семейного очага и быта. Но, к сожалению, этот образ обрывается с приходом Гражданской войны на порог ее дома.

Исторически сложилось, что женщины находятся в мире мужского доминирования. Порой за преданность и честность судьба расплачивается очень жестоко, отбирая самое дорогое, что может быть в ее жизни – семью. Трагический период в жизни каждой женщины – война. Но не так страшна та война, где все защищают свою родину, страшна та, где семья разделяется на два лагеря, где сын может убить отца, а старший брат может кинуть гранату в младшего. Представьте, каково женщине жить в то время, когда семья сама себя уничтожает.

Период Гражданской войны называют трагическим. Наравне с мужчинами женщины берут оружие и вступают в различные отряды. Именно в этот период стираются все гендерные различия. Женщина становится товарищем. Все помнят знаменитую сцену из книги М. А. Булгакова «Собачье сердце», где доктор Преображенский

спрашивает принадлежность пола у Вяземской. Вопрос Преображенского очень важен для яркой передачи образа, ведь до Гражданской войны женщина не могла занимать высокопоставленные чины, занимать управляющие должности, например, в управдоме, а находиться в рядах армии могла только в качестве сестры милосердия. С началом войны началось отстаивание интересов «без различия пола».

Идеология партии диктовала укрепление и укоренение новой власти. Нужны были люди, которые не только бы воспитывали новый дух социализма, но и сами за него сражались. Сейчас все скажут, что война – не женское занятие, что воевать – привилегия мужчины, а женщина должна лечить. Но кому до этого было дело в Гражданскую войну? Женщины назначаются на высокопоставленные посты, принимают активное участие в военных действиях, становятся такими же, как и мужчины. Происходит своеобразная адаптация женщины в жестоком мужском мире, в чем ей особенно содействовало такое движение, как феминизм.

Менталитет русского человека таков, что часто мы переходим в крайности, перегибаем палку. Пусть феминизм как течение появился еще в середине XIX в., тогда данное движение занималось и правда социально важной работой, то уже в революционное время феминизм начал вести активную, а порой и агрессивную политику в отношении Временного правительства. Да, идеи большевиков, соединенные с феминистским движением стали более прогрессивными, женщинам представились:

1. избирательные права (20 июня 1917 г. «Положение о выборах в Учредительное собрание», в котором говорилось о «всеобщем избирательном праве „без различия пола“»);

2. облегченная процедура бракоразводного процесса. Декретом ВЦИК, СНК РСФСР от 19.12.1917 г. «О расторжении брака», вопросы расторжения решали через обращение в суд или отдел ЗАГС. Сама по себе процедура расторжения была достаточно простой. Брак могли расторгнуть по просьбе обоих супругов или даже одного из них. Судья единолично выносил постановление о разводе. Таким образом ломались старые представления о непоколебимости церковного брака, которые жили в обществе много веков. В развитие декрета от 19.12.1917 г. «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» от 16.09.1918 г. уточнял, что просьба о расторжении брака могла «быть приносима как в письменной, так и устной форме». При наличии обоюдного согласия супругов просьба о расторжении подается как в местный суд, так и в отдел ЗАГС. Судья разбирал дело о разводе публично и единолично. В конечном счете, больше никаких

процедурных правил этот кодекс не предусматривал. Но вскоре стало ясно, что сокращение до минимума требований к бракоразводной процедуре нежелательно. Поэтому появились некоторые ограничения, связанные с разводом. Так, постановлением ЦИК и СНК СССР от 27.06.1936 г. в целях борьбы с легкомысленным отношением к семье был установлен личный вызов в органы ЗАГС обоих разводящихся супругов с обязательной отметкой о разводе в их паспорте; была также повышена оплата за регистрацию разводов: за первый развод – 50 р., за второй – 150 р., за третий и последующие – 300 р.;

3. право на аборт (Постановление Народных комиссаров здравоохранения и юстиции, статья № 471 «Об охране здоровья женщин», 1920).

Но это были уже заранее разработанные проекты, с теоретической основой. К сожалению, многие из этих прав обладали кратковременным эффектом. Правящая партия приняла решение, что все женские движения признаются «буржуазными» и к 1918 г., практически все движения прекращают свою деятельность. Феминистская идея рассматривалась как препятствие к победе в классовой борьбе. «Дарование женщинам всей полноты гражданских прав» стало финальной точкой в исключении основных представительниц феминизма из советской историографии.

Но война продолжается. Она сводит с ума. Люди звереют, становятся жестокими, такими и приходится становиться женщинам. В рассказе М. А. Шолохова «Алешкино сердце» герои живут в деревне, в которой царит голод. Наряду с проявлением гуманности, милосердия Шолохов говорит и о поступках, противоречащих всем человеческим законам. Голод заглушил все человеческие чувства, уподобил людей животным. Так, девочку Польку, забравшуюся в чужой дом и наевшуюся там щей, хозяйка Макарчиха хладнокровно убивает и закапывает в старом колодце. Позже она жестоко избивает Алешку за кринку молока, украденную им из погреба. Женщину не останавливает даже то, что грабителями оказались голодные соседские дети.

Но чаще женщина оказывается жертвой братоубийственной войны. Так, например, в основе рассказа М. А. Шолохова «Шибалково семя» лежит исповедь, монолог Якова Шибалка, который однажды из жалости подобрал и оставил в отряде женщину Дарью. Дарья родила Якову сына. Но Яков, узнав, что та оказалась предательницей (должна была об их отряде врагу), застрелил Дарью. Для бойца «сотня» оказывается дороже любимой женщины. Яков сознательно идет на такую жестокость, так как смысл его жизни – война, борьба против врагов советской власти.

Но были и те, кто не потерял свое человеческое лицо. В романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» сестра Алексея и Николки Елена, хранительница домашнего очага. Это приятная нежная женщина двадцати четырех лет. Исследователи говорят, что Булгаков списывал ее образ со своей сестры. Елена заменила Николке мать. Она преданна, но несчастлива в браке, не уважает своего мужа Сергея Тальберга, который, по сути, является предателем и приспособленцем. Тем не менее, Елена не винит мужа, когда тот бросает ее и предает дом Турбинах ради спасения собственной шкуры и карьеры. Она понимает, что мужу грозит что-то страшное, а потому не возражает против его столь быстрого, спонтанного отъезда. Она горда мужем, написавшем однажды в газете «Вести»: «Петлюра авантюрист, грозящий своею опереткой гибелью kraю...» И поэтому вполне естественно и спокойно воспринимает его слова о том, что не может взять ее в неизвестность, обречь на скитания. Тальберг предает Елену, но она не отчаявается, продолжает заботиться о доме и старается поддерживать в нем уют и доброе отношение между домочадцами.

Десятки тысяч женщин стоят в ряду Красной армии. Особое внимание уделяется женщинам, находившимся за тяжелым оружием. В то время как в Красной армии уже практически не было разграничений между мужчинами и женщинами, в ряду Белой армии женщины выполняли функции медсестер и кухарок, только в крайнем случае женщины брались за оружие. И не важно, на какой стороне находились женщины, двуличное отношение к ним со стороны мужчин проявлялось совершенно интересным образом: с одной стороны, мужчины отмечали храбрость, лихость, выносливость женщин, с другой – в их поведении можно было проследить своего рода отвращение и проявление своего доминирования в непринятии женщин в свои ряды. А что остается делать женщинам? Им пришлось покинуть дом, потому что в любой момент этого дома не станет, и неважно, кто его уничтожит; семьи, как таковой, нет, потому что люди, которые вчера были родственниками, теперь стали врагами. Это уже не жены декабристов, которые добровольно пошли за своими мужьями, чтобы разделить вместе с ними их тяготы. Это женщины, которые потеряли все, которые не боролись за режим. Они боролись за мир, который у них отняли, и за свою семью, которую унесла война. Гражданская война в корне изменила положение женщин в обществе. Кто они теперь? Женщины в мужской одежде и с мужскими повадками или женщины равные мужчинам?

На их плечи упала новая роль человека-универсала: медсестры с бинтами и солдата с оружием. На их судьбу выпала страшна доля, трагическое время.

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Всё голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

A. Ахматова (1921)

Литература и источники

1. Булгаков М. А. Собачье сердце. М.: ЭКСМО, 2018.
2. Булгаков М. А. Собр. соч. В 8 т. Т. 2: Белая гвардия: гражданская война в России. СПб.: Азбука-классика, 2002.
3. Нечаева А. М. Комментарий к Семейному кодексу РФ. М.: Юрайт, 2011. https://jurisprudence.club/semeynoe-pravo_uchebnik/statya-poryadok-rastorjeniya.html (время обращения: 20.09.2018).
4. Постановление Народных комиссариатов здравоохранения и юстиции «Об охране здоровья женщин». Статья № 471. <http://istmat.info/node/42778> (время обращения: 20.09.2018).
5. Шолохов М. А. Собр. соч. / предисл. Ю. Лукина. В 9 т. Т. 1: Рассказы. М.: Художественная литература, 1965. 431 с.

Черныш А. М.

Д. В. Лехович – биограф генерала А. И. Деникина

Аннотация. Статья посвящена участнику Белого движения эмигранту Димитрию Владимировичу Леховичу, который написал и в 1974 г. в США издал первую биографию генерала А.И. Деникина. Его работа основана как на личных и письменных источниках, так и на архивных материалах.

Ключевые слова: Д. В. Лехович, Гражданская война, А. И. Деникин, русское зарубежье.

Chernish A. M.

Dimitry Lekhovich – biographer of General A. Denikin

Abstract. The article is devoted to Dimitry Lekhovich who is a participant of the White movement during Civil war in Russia and the author of the first biography of General Anton Denikin (published in 1974). His work is based both on personal and written sources, and on archival materials.

Key words: D. Lekhovich, Civil war in Russia, A. Denikin, Russians abroad.

Если мы хотим иметь полную картину произошедшего, понимать ее во всей целостности, сложности и т. п., то у нас нет другого пути и возможности как использовать воспоминания самих участников исторических событий, особенно если речь идет о тех, которые принято считать «переломными» или «эпохальными», к которым несомненно относится и Гражданская война в России. Нам интересны все личные свидетельства об этой войне, разные точки зрения, разные оценки.

В данной работе хочется вспомнить и отдать дань уважения одному из таких «голосов прошлого» России – Димитрию (Дмитрию) Владимировичу Леховичу, участнику Белого движения, который оставил нам свои воспоминания об Антоне Ивановиче Деникине.

Димитрий Владимирович Лехович родился 30 мая 1901 г. в Санкт-Петербурге в семье генерала артиллерии Владимира Андреевича Леховича. Генерал В. А. Лехович был выпускником Михайловского артиллерийского училища, и вся его военная карьера была связана с русской артиллерией: начиная с 1909 г. он занимал высокие посты в Главном артиллерийском управлении (ГАУ). 25 февраля 1917 г. В. А. Лехович был назначен помощником военного министра, но в должность вступить не успел. 6 марта 1917 г. В. А. Лехович был назначен начальником ГАУ, и занимал эту должность до декабря 1917 г. Позже он служил в управлении по артиллерийскому снабжению Добровольческой армии.

Димитрий Лехович учился в Александровском (Царскосельском) лицее, но в 1917 г., будучи учеником 6 класса, ушел из него, став вольноопределяющимся в Лейб-гвардии Конную артиллерию. Позже Лехович служил в Вооруженных силах Юга России под командованием Деникина, воевал в частях Кутепова, и в армии генерала Врангеля.

После поражения Белого движения Лехович в ноябре 1920 г. с частями генерала Врангеля эвакуировался из Крыма, оказался сначала в Константинополе, а затем в Галлиполийском лагере. В итоге Д. Лехович оказывается в Югославии (Королевстве Сербов, хорватов и словенцев), где работает бухгалтером в банке. Позже начинаются скитания Леховича по Европе – он живет во Франции, Англии.

В сентябре 1924 г. он приехал в США с визой на учебу. По результатам экзаменов был принят в Колумбийский университет сразу на третий курс. После учебы остался в Нью-Йорке и устроился на работу в банк, в котором и проработал до самой пенсии.

Будучи выпускником Александровского лицея, Лехович был активным членом эмигрантской лицейской организации в США (количество живших там бывших лицейцев оценивалось в несколько десятков человек) и служил в ней секретарем и казначеем.

В Америке Лехович создает семью, женившись на княжне Евгении Сергеевне Урусовой, которая всю жизнь работала секретарем, а потом и административным директором в балетной школе Георгия Баланчина (Баланчивадзе), ставшего знаменитым американским балетмейстером. Американский балет в то время был под сильным русским влиянием, и в Нью-Йорке танцевали и преподавали чуть ли не все лучшие танцоры и танцовщицы Мариинского театра. Лехович вошел в среду музыкантов, людей из мира искусства. Среди друзей семьи были представители известных старых русских фамилий – Волконские, Оболенские, Татищевы. Когда Владимир Набоков в 1940 г. приехал в США, он некоторое время жил на квартире супругов Леховичей.

Настоящие интересы Леховича были совсем не в банковском деле, а в истории, экономической теории и международных отношениях. Он начал писать статьи для американских СМИ на экономические и исторические темы. С годами Лехович стал все более интересоваться историей Гражданской войны, что было во многом понятно и объяснимо – молодым человеком он сражался в Белой армии.

Огромную роль в творческой судьбе Леховича сыграло знакомство в 1946 г. с А. И. Деникиным незадолго до смерти последнего. Семья Деникина переехала из Франции в США в конце 1945 г. В последний год жизни генерала они часто встречались, обсуждали прошлое России. Встречаясь и разговаривая с Деникиным, Лехович делал записи. В 1947 г. Деникина не стало. Подготовка к написанию книги о нем и о Гражданской войне растянулось на 20 лет. Начать серьезную работу над книгой о Гражданской войне и о генерале Деникине он смог только после выхода на пенсию.

Главный труд Д. В. Леховича – книга о генерале Деникине «Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина» («Whiteagainst Red. The life of General Anton Denikin») – была издана в США в 1974 г. Работа Леховича стала первой книгой о трагической судьбе генерала Деникина – русского человека, русского генерала. Вдова Деникина Ксения Васильевна Деникина, передавая Леховичу обширный материал по биографии мужа, поставила перед ним условие: книга должна быть

написана на русском языке. Лехович писал книгу на русском, а потом вместе с женой перевел ее на английский.

Деникин, один из лидеров Белого движения, по-своему знаковая фигура в русской истории. Поколения советских людей хорошо знают лозунг «Все на борьбу с Деникиным!». Чем же были в русской истории Деникин и деникинщина? Еще несколько десятилетий назад ответ на этот вопрос не вызывал у нас затруднений. Сегодня же мы иначе оцениваем такую сложную и противоречивую фигуру, как Антон Иванович Деникин. Очевидно, что на историю Гражданской войны, на деятельность красных и белых генералов не может быть единых взглядов.

Книга Леховича «Белые против красных» написана на основании документов и материалов, хранящихся в зарубежных архивах; в ней автор пытается исследовать природу такого явления как Деникин, проанализировать его жизненный путь, взгляды, убеждения. Дмитрий Лехович представляет свою версию исторических событий Первой мировой войны, падения монархии, корниловского мятежа, Гражданской войны, движения донского и кубанского казачества в 1918–1920 гг. Его взгляд на все эти события сдержан. В своей книге Лехович дает слово прежде всего самому генералу, его соратникам и окружению, приводит цитаты из воспоминаний Деникина, его книг, статей, дневников и писем. Лехович не идеализирует ни Деникина, ни деникинщину, он видит все просчеты и неудачи Белого движения. С другой стороны, в его оценках нет ненависти к большевикам и их вождям. Главный герой книги, в конечном счете, – Россия, ее судьба.

Долгих 18 лет пришлось ждать, когда книгу Д. В. Леховича смогли опубликовать в России. В 1992 г. в Москве в издательстве «Воскресенье» вышло первое русское расширенное издание книги под названием «Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина». Сам Д. Лехович, которому было уже за 90, написал краткое предисловие к русскому изданию. В нем он заметил, что за границей, «где находилось и находится много ценного архивного материала в публичных и университетских библиотеках, имелась реальная возможность знакомиться с подлинным историческим материалом».

В 2004 г. московское издательство «Евразия» опубликовало еще одно более полное издание его книги на русском языке под названием «Деникин. Жизнь русского офицера».

В 1995 г. на 94-м году жизни Д. В. Лехович скончался. Его библиотека, насчитывающая более 1200 томов, и архив были переданы в славянский отдел Нью-Йоркской публичной библиотеки.

Литература и источники

1. *Лехович Д. В.* Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М.: Воскресенье, 1992. 368 с.
2. *Лехович Д. В.* Деникин. Жизнь русского офицера. М.: Евразия+, 2004. 888 с.

Сведения об авторах

**Медведев Александр
Анатольевич**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

**Чиняков Максим
Константинович**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

**Ершов Виталий
Федорович**

доктор исторических наук, профессор, директор Центра стратегии и аналитики Московского государственного областного университета, член Российской ассоциации политической науки

**Куренышев Андрей
Александрович**

доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории и культурологии Академии гражданской защиты МЧС

**Леонов Сергей
Викторович**

доктор исторических наук, профессор кафедры истории Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

**Войтиков Сергей
Сергеевич**

кандидат исторических наук, главный специалист Центрального государственного архива г. Москвы

**Белоусов Игорь
Викторович**

доктор исторических наук, профессор кафедры истории Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

**Бабкин Михаил
Анатольевич**

доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Маслова Ирина Ивановна	доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства»
Аристова Кира Георгиевна	кандидат исторических наук, доцент Пензенской духовной семинарии
Баконина Светлана Николаевна,	кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела новейшей истории Русской православной церкви, Православный Свято- Тихоновский гуманитарный университет
Дьячков Владимир Львович	кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина
Канищев Владимир Валерьевич	кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета
Куренышева Екатерина Павловна	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института социально- гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета
Талина Галина Валерьевна	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета
Пожилов Дмитрий Михайлович	старший преподаватель кафедры истории Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета
Сарин Дмитрий Петрович	учитель истории Государственного бюджетного образовательного учреждения «Школа № 950»

**Литвиненко Владимир
Аркадьевич**

кандидат философских наук, доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

**Короткий Геннадий
Анатольевич**

кандидат философских наук, независимый исследователь

**Смирнов Александр
Георгиевич**

кандидат культурологии, доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

**Васильева Виктория
Владимировна**

бакалавр Московского педагогического государственного университета

**Черныш Алексей
Михайлович**

кандидат философских наук, доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Authors' information

Medvedev Alexandr Anatolyevich

Candidate of History, Associate Professor of Social and Humanitarian Education Institute, Moscow State Pedagogical University

Chiniakov Maxim Konstantinovich

Candidate of History, Associate Professor of Social and Humanitarian Education Institute, Moscow State Pedagogical University

Ershov Vitalii Fedorovich

Doctor of History, Professor,
Moscow State Regional University Director of the Center for strategy and analytics

Member of Russian Political Science Association

Kurenishev Andrey Alexandrovich

Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Civil Defense Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Leonov Sergey Viktorovich

Doctor of History, Professor, History Department, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

Voitikov Serey Sergeevich

Candidate of History, Senior Specialist, Moscow Central State Archive

Belousov Igor Viktorovich

Doctor of History, Professor, History Department, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

Babkin Mikhail Anatolievich

Doctor of historical sciences, professor, professor of Russian state university for the humanities

Maslova Irene Ivanovna

Doctor of Historical Sciences, professor of Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Penza State University of Architecture and Building»

Aristova Kira Georgiyevna	Candidate of Historical Sciences, associate professor of Penza Theological Seminary
Bakonina Svetlana Nikolaevna	PhD (historical science), Researcher at the Department of the Modern History of the Russian Orthodox Church, St. Tikhon's Orthodox University
Dyachkov Vladimir Lvovich	Candidate of Science, Associate Professor, World and Russian History Department, Tambov State University
Kanishchev Vladimir Valerevich	Tambov state University, Department of international relations and political science, associate Professor, candidate of historical Sciences
Kurenysheva Ekaterina Pavlovna	Associate Professor of History Department of Institute of Social and Humanitarian Sciences MSPU
Talina Galina Valerevna	Doctor of History, Professor and Head of the History Department, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University
Pozilov Dmitrii Mihailovich	Senior Instructor, History Department, Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University
Sarin Dmitry Petrovich	teacher of history, State Budget Educational Institution “School No. 950”
Litvinenko Vladimir Arcadevich	Candidate of Philosophy, Associate Professor of Social and Humanitarian Education Institute, Moscow State Pedagogical University
Korotkiy Gennadii Anatolyevich	Candidate of Philosophy, Independent researcher
Smirnov Alexander Georgievich	Candidate of Cultural Study, Associate Professor of Social and Humanitarian Education Institute, Moscow State Pedagogical University

**Vasileva Victoria
Vladimirovna**

Bachelor of Social and Humanitarian
Education Institute, Moscow State Pedagogical
University

**Chernish Alexey
Michailovich**

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of Social and Humanitarian Education Institute,
Moscow State Pedagogical University

Научное издание

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ:
ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ**

Материалы Всероссийской научной конференции
г. Москва, МПГУ, 20 апреля 2018 г.

Под общей редакцией Г. В. Талиной

Корректор *Е. Е. Никулина*

Технические редакторы: *В. В. Васильева, Д. М. Пожилов*

Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования МПГУ
119571, Москва, Вернадского пр-т, д. 88, оф. 446.
Тел.: (499) 730-38-61
E-mail: izdat@mpgu.su

Подписано в печать 26.11.2018.

Формат 60x90/16. Объем 14,0 п.л.

Тираж 500 экз. Заказ № 873.

ISBN 978-5-4263-0695-0

